

АСПЕКТЫ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО КОНФЛИКТА

14

**Возможные последствия вступления Грузии
в НАТО для Грузино-Абхазского мирного процесса**

Стамбул, 14-15 Июня, 2007

**Берлин
Ирвайн
2007**

Аспекты грузино-абхазского конфликта
Aspects of the Georgian-Abkhaz Conflict

Georgian NATO Accession and Potential Impacts
on the Georgian-Abkhaz Peace Process

Conference Report

Istanbul, June 14-15, 2007

Editors: **Paula Garb**
Walter Kaufmann

This publication was made possible by financial support from
UCI's Center for Citizen Peacebuilding and
the Heinrich Boell Foundation.

Copyright © 2008 Heinrich Boell Foundation
5, Radiani st.,
Tbilisi 0179, Georgia
Tel.: +995 32 22 77 05 Fax: +995 32 91 28 97
E-mail: info@boell.ge Web-site: www.boell.ge

Copyright © 2008 Center for Citizen Peacebuilding
University of California, Irvine
Social Science Plaza A, Room 3151
Irvine, California 92697-5100
Tel.: +1 949 824 12 27 Fax: +1 949 824 15 44
Web-site: www.citizenpeacebuilding.org

СОДЕРЖАНИЕ

Foreword.....	5
Предисловие.....	7
14 Июня 2007, Стамбул	9
Панель I. Обзор сегодняшней роли и функций НАТО	12
Ян Хендрик ван Тиль. Восприятие политики НАТО на Востоке и Западе.....	12
Сусанна Нис. Роль и функции НАТО сегодня	19
Обсуждение.....	24
Панель II. Политический контекст, влияющий на решение о вступлении Грузии в НАТО	43
Андрей Рябов. Взаимоотношения России и Запада как фактор влияния на перспективы вступления Грузии в НАТО.....	43
Джеймс Маккей. Какие международные политические интересы будут влиять на решение о принятии Грузии в НАТО?	55
Бруно Коппитерс	60
Обсуждение.....	68
15 Июня 2007, Стамбул	99
Панель III. Евроатлантическая интеграция Грузии и грузино- абхазский конфликт	99
Вячеслав Чирикба. Абхазия, Грузия, Россия и НАТО.....	99
Шалва Пичхадзе. Грузия: путь в НАТО и конфликт в Абхазии.....	109
Александрос Яннис. ЕС и абхазский конфликт в Грузии	115
Магдалена Фричова.....	121
Обсуждение.....	127
Список участников конференции.....	192

All fourteen Russian publications and some English abstracts are available online at <http://www.socsci.uci.edu/~cpb/progs/projpubs.htm>.

The editors and project coordinators can be reached at the following e-mail addresses: pgarb@uci.edu; kaufmann@boell.ge; arda_inal@yahoo.com; paatazak@access.sanet.ge.

Полный текст всех четырнадцати выпусков на русском языке и английские резюме некоторых из них можно найти на сайте <http://www.socsci.uci.edu/~cpb/progs/projpubs.htm>.

С редакторами и координаторами проекта можно связаться по следующим адресам: pgarb@uci.edu; kaufmann@boell.ge; arda_inal@yahoo.com; paatazak@access.sanet.ge.

FOREWORD

We present the 14th volume in the series of Georgian-Abkhaz dialogue conferences, launched in 1997 by the University of California, Irvine with funding from the William and Flora Hewlett Foundation and the University of California, Irvine. Since 2004 participants from various international organizations have been involved in the dialogue process, as well as it have received great administrative and financial support from the Heinrich Boell Foundation.

This volume includes transcripts of presentations and discussions of the multilateral part of the conference “Georgian NATO Accession and Potential Impacts on the Georgian-Abkhaz Peace Process” held in Istanbul, June 12-15, 2007.

The conference theme is an extremely delicate issue for both Georgians and Abkhaz. The overwhelming majority of Georgians support NATO integration and hope to achieve this as soon as possible in order to preserve Georgia’s independence by anchoring itself to the West. Voices from the region and the West expressing doubts are not welcome.

This theme is also problematic for the Abkhaz participants. Many people in Abkhazia regard NATO as a staunch supporter of the Georgian position with its enormous military, political and economic power. From an Abkhaz perspective Russia is justified in admonishing possible NATO expansion into the South Caucasus as dangerous and aggressive.

Organizers of this conference offered a forum to their Georgian and Abkhaz partners where the public on both sides of the divide could transparently discuss the requisites and possible consequences of Georgia’s accession into NATO among themselves and together with international experts. Fundamental clashes of interest were not expected to be solved at this conference, but the discussions and resulting conference report, policy recommendations, and published proceedings helped to clarify the issues, and provided insights into the motivations and interests behind the different positions.

Participants of the conference (among which were international experts, including representatives from the NATO, EU, think tanks, universities and NGOs in Europe and the United States) support the principle that it’s better to talk with each other than past one another. They all hold the conviction that both sides of the Georgian-Abkhaz conflict have earned the right to have their perspective heard in a respectful manner.

The conference agenda consisted of three sets of questions:

- 1. What does NATO stand for today? What are the perceptions of NATO in the East and West? What does NATO demand of its**

- members? And what does it guarantee them?**
- 2. How realistic is an early accession of Georgia into NATO? What factors would influence the decision?**
 - 3. How would possible Georgian accession into NATO impact the Georgian-Abkhaz peace process?**

The conference concluded with participants recognizing that the difficulties and frustrations of the Georgians and Abkhaz, as well as members of the international community trying to help bring peace to the region are legitimate and understandable. The conflict is complex and the solutions are not simple. Participants also felt that the discussions revealed more questions than answers about the impact that NATO accession would have on the conflict. More clarification is needed in both societies about the role of NATO and the EU, as well as more exposure of these organizations to the realities of Georgian and Abkhaz domestic developments and relations.

Paula Garb,
the Center for Citizen Peacebuilding,
University of California, Irvine

Walter Kaufmann,
South Caucasus Regional Office of the Heinrich Boell Foundaton

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляем вашему вниманию 14-ый сборник материалов из серии конференций грузино-абхазского диалога, который продолжается с 1997 г. под эгидой проекта Калифорнийского университета (г. Ирвайн) при финансовой поддержке Фонда им. Уильяма и Флоры Хьюлетт и Калифорнийского университета (г. Ирвайн). С 2004 г. к процессу диалога подключились представители различных международных организаций, проект получил значительную административную и финансовую поддержку от Фонда им. Генриха Бёлля.

В данном сборнике представлены презентации и дискуссии, прозвучавшие на международной части конференции «Возможные последствия вступления Грузии в НАТО для грузино-абхазского мирного процесса», состоявшейся в Стамбуле 12-15 июня 2007 г.

Тема конференции является чрезвычайно чувствительной для обеих сторон, грузин и абхазов. Большинство грузин поддерживает интеграцию Грузии в НАТО и надеется достичь этого как можно скорее, чтобы сохранить независимость Грузии, прочно скрепив её с Западом. Голоса представителей Запада, выражающих сомнения по этому вопросу, не приветствуются.

Вопрос вступления Грузии в НАТО представляет собой проблему с точки зрения абхазских участников. Многие в Абхазии считают НАТО верным союзником Грузии, который обладает огромным военным, политическим и экономическим влиянием. С абхазской точки зрения у России есть все основания считать продвижение НАТО на Южный Кавказ опасным и агрессивным процессом.

Организаторы конференции предоставили своим грузинским и абхазским партнёрам форум, где они могли бы открыто обсуждать как между собой, так и с международными экспертами, предпосылки и возможные последствия вступления Грузии в НАТО. Конечно, нельзя было ожидать решения основных разногласий и конфликтов, но доклады и обсуждения, прозвучавшие на конференции, способствовали прояснению вопроса и пониманию мотиваций и интересов, стоящих за теми или иными позициями.

Участники конференции среди которых были международные эксперты, включая представителей НАТО, ЕС и различных европейских и американских исследовательских центров, университетов и НПО, считают, что полезнее говорить друг с другом, нежели игнорировать иное мнение. Все согласны, что обе стороны грузино-абхазского конфликта имеют право на

то, чтобы их точки зрения были выслушаны и учтены.

Программа конференции состояла из 3 групп вопросов:

1. **Какую роль играет НАТО сегодня? Восприятие НАТО на Востоке и Западе. Требования и гарантии НАТО**
2. **Насколько реально вступление Грузии в НАТО в ближайшее время? Какие факторы могут повлиять на решение о принятии Грузии в НАТО?**
3. **Как повлияет возможное вступление Грузии в НАТО на грузино-абхазский мирный процесс?**

В заключение конференции участники признали, что трудности и разочарования грузин и абхазов, а также представителей международного сообщества, относительно миротворческого процесса в регионе вполне легитимны и понятны. Это сложный конфликт, и его решения непросты. Участники согласились с тем, что обсуждения выявили больше вопросов, чем ответов относительно влияния вступления в НАТО на конфликт. Оба общества нуждаются в большей информированности о роли НАТО и ЕС и их возможном влиянии на внутреннее развитие и отношения между Грузией и Абхазией.

Пола Гарб

Центр Миротворчества, Калифорнийский университет, Ирвайн

Вальтер Кауфманн

Южнокавказский региональный офис Фонда
им. Генриха Бёлля

14 ИЮНЯ 2007, СТАМБУЛ

Вальтер Кауфманн. От имени Фонда им. Генриха Бёлля разрешите поприветствовать всех вас на открытии международной части нашей конференции. Я очень рад, что вы согласились принять участие в этой встрече. Наши гости из Тбилиси и Сухуми/а уже провели здесь вместе 2 дня. Мы рады, что у нас есть возможность выслушать оценки и мнения наших международных гостей, которые проделали длинный путь для того, чтобы принять участие в этой конференции.

Нам удалось организовать эту встречу благодаря тесному и дружескому сотрудничеству с нашими грузинскими и абхазскими коллегами, а именно Паатой Закареишвили и Ардой Инал-Ипа. Мы выражаем им особую благодарность за поддержку и доверие. Мы также благодарим Полу Гарб из Центра гражданского миротворчества Калифорнийского университета в Ирвайне за организацию уже четвертой по счету конференции.

Большинство из вас знает, что встреча, касающаяся наиболее чувствительных для грузин, абхазов и международных экспертов тем, не должна восприниматься как сама собой разумеющаяся. Каждый приехавший сюда считает, что лучше говорить друг с другом, нежели игнорировать друг друга. Так же, как и я, все вы придерживаетесь мнения, что обе стороны грузино-абхазского конфликта имеют право на то, чтобы их точки зрения были выслушаны достойным образом. Обе стороны являются законными и необходимыми партнёрами в поиске решений этого конфликта. Я надеюсь, что большинство из вас разделяет мое мнение о том, что после всего того, что произошло за последние 20 лет в грузино-абхазских отношениях, единственной достойной альтернативой является урегулирование [конфликта] мирным путём.

Это – четвёртая по счёту конференция, организованная совместно с Центром гражданского миротворчества Калифорнийского университета в Ирвайне и нашими грузинскими и абхазскими друзьями. Результаты этих конференций в последствии всегда публикуются на русском языке.

Тема этой конференции – **«Возможное вступление Грузии в НАТО и его влияние на грузино-абхазский мирный процесс»** – является чрезвычайно чувствительной для обеих сторон, грузин и абхазов. Подавляющее большинство поддерживает интеграцию Грузии в НАТО и надеется достичь этого как можно скорее, чтобы сохранить независимость Грузии, прочно скрепив её с Западом. Поэтому многие рассматривают скорейшее вступление Грузии в НАТО как нечто неизбежное. Голоса представителей Запада, выражающих сомнения по этому вопросу, не приветствуются.

Многие грузины считают нелепым обсуждать такой щепетильный вопрос с оппонентами из Абхазии.

Эта тема так же проблематична и для наших абхазских коллег. Многие в Абхазии с большим подозрением относятся к самой идее встреч с грузинами в сложившейся на сегодняшний день напряжённой ситуации. Как же они отнесутся к встрече, на которой присутствуют представители НАТО, Альянса, который явно поддерживает позицию Грузии всей своей огромной военной, политической и экономической мощью?! С абхазской точки зрения, разве не права Россия, когда она предупреждает о возможном расширении НАТО на Южном Кавказе как опасном и агрессивном?

Мы пригласили на конференцию в Стамбул известных на международной арене гостей и экспертов, чтобы получить ответы на три связанные друг с другом группы вопросов. Во-первых, мы хотим разъяснить, чем является НАТО на сегодняшний день и как именно протекает процесс вступления в НАТО. Вторая группа вопросов относится к тому, насколько на самом деле реально скорое вступление Грузии в НАТО и какие факторы могут повлиять на это решение. И, наконец, завтра весь день будет посвящён обсуждению того, как возможное вступление Грузии в НАТО повлияет на грузино-абхазский мирный процесс.

Никто из собравшихся здесь участников не является напрямую политически ответственным лицом. Однако, каждый из вас обладает авторитетом в своей области как социолог, журналист, советник или представитель НПО. Надеюсь, все мы сможем внести свой маленький вклад в решение этого конфликта, поставив нужды людей, пострадавших от данного конфликта, на первое и главное место.

Ещё раз благодарю вас за принятие нашего приглашения. Надеюсь на интересную и конструктивную дискуссию. А теперь я передаю слово Поле Гарб.

Пола Гарб. Благодарю Вальтера и Фонд им. Генриха Бёлля за финансовую и организационную поддержку этой встречи. В нескольких словах расскажу об истории нашего проекта. Проект был начат Калифорнийским университетом в Ирвайне в 1994 г, через год после окончания грузино-абхазской войны. В тот год я вернулась туда, где раньше проводила свои антропологические полевые исследования, изучая долгожителей Кавказа. Казалось, понадобится лет десять или больше, прежде чем нам удастся собрать грузин и абхазов в одной комнате. К счастью, потребовалось лишь несколько лет, намного меньше, чем предполагалось вначале.

Если мы оглянемся на начало этого проекта в 1994 г. и посмотрим, где мы находимся сегодня, 13 лет спустя, то увидим, как много времени тре-

буется для восстановления нормальных отношений между людьми после вооружённого конфликта и кровопролитий. Это доказывает важность предотвращения вооружённых конфликтов. В данном случае нашей задачей является содействие пониманию и восстановлению отношений между обществами, а также предотвращение любой попытки возобновления насилия, так чтобы наш мирный процесс продолжал планомерно двигаться вперед.

В 1995 г. я начала ездить туда-сюда между Сухуми/ом и Тбилиси в поисках грузин и абхазов, желавших говорить друг с другом. Я нашла несколько человек. И только в 1997 г. нам всем удалось сесть за один стол. Единственным способом, с помощью которого мне удалось организовать встречу грузин и абхазов в двустороннем формате, а не в контексте всего Кавказа, была научная конференция, на которой они встретились как работники интеллектуального труда.

Наша первая конференция состоялась в 1997 г. в Калифорнийском университете в Ирвайне. Тема конференции касалась общей для всех проблемы защиты окружающей среды Чёрного моря. Во время той встречи участники избегали разговоров о конфликте. Наши следующие конференции были посвящены культурным и социологическим вопросам и проводились в России. Темы конференций были связаны с войной и послевоенным примирением. В то время не могло быть и речи об обсуждении тех вопросов, которые мы обсуждаем сейчас, или какой-либо другой политической или военной темы. Также полностью отвергалась идея обсуждения вопросов, стоящих в повестке дня официальных мирных переговоров.

Мы продолжали регулярно встречаться, обеспечивая постоянное участие в конференциях основного костяка группы с обеих сторон и постоянно подключая к процессу новых участников. Постепенно наш последовательный и систематический подход помог всем достичь уровня доверия, который позволяет проводить политические дискуссии, подобные той, участниками которой мы будем являться в течение следующих двух дней.

Результаты всех предыдущих конференций были опубликованы и распространены по всему региону, а также размещены на интернет сайте. На сегодняшний день существует уже 13 таких томов. Результаты этой конференции войдут в 14-ый том. Мы записываем все выступления и затем расшифровываем эти записи для того, чтобы пользу от обмена информацией получали не только присутствующие в этой комнате, но и участники миротворческого процесса на официальном уровне, общество в целом и международное сообщество.

Благодарю всех за участие. Надеюсь, что встреча будет интересной и даст всем пищу для размышлений.

Панель I. Обзор сегодняшней роли и функций НАТО

Ян Хендрик ван Тиль

ВОСПРИЯТИЕ ПОЛИТИКИ НАТО НА ВОСТОКЕ И ЗАПАДЕ

В списке участников я числюсь как представитель Министерства иностранных дел Франции. Это и верно, и неверно. Верно потому, что в течение последних двух лет я работаю в МИДе Франции как французский дипломат, представляющий и защищающий позиции Франции в НАТО, особенно в вопросах расширения, партнёрства и отношений с третьими странами. Неверно, поскольку я не являюсь гражданином Франции. Я – немец. Я – дипломат, работающий по обмену во французском министерстве. Эта роль вызывает у меня замешательство, когда мне приходится защищать позиции Франции против позиций Германии. Надеюсь, я не вызову сегодня замешательства у вас.

Несмотря на то, что сегодня на мне оранжевый галстук, это не значит, что я поддерживаю оранжевые революции или наоборот.

Моей первой проблемой сегодня было название моей сегодняшней презентации – «Восприятие политики на Востоке и Западе». Насколько сегодня ясны эти понятия? Правильно ли все еще говорить о Востоке и Западе сегодня? Кто находится на Востоке и кто – на Западе? Когда я был молодым во время Холодной войны, всё было ясно. Востоком был Варшавский договор. Западом – НАТО под руководством США. Но так ли ясно это сегодня? Я не уверен. Тем не менее, я согласился рассматривать вопрос в этом ключе, поскольку главной темой этой конференции является Грузия. А Грузия, наверное, чувствует себя где-то посередине между Востоком, представленным Россией, и Западом, представленным НАТО и также Европейским Союзом.

Говоря о восприятиях, я не собираюсь подходить к этой теме с научной точки зрения и рассуждать о когнитивном восприятии ситуаций или утверждений. Это выходит за пределы моих личных возможностей. Кроме того, я не верю в такой подход. Я думаю, что политическое восприятие терминологически намного ближе к интерпретации и анализу. В политике не существует “невинных” или объективных восприятий. Восприятия являются объектами или субъектами политики. Это – инструменты и, может быть, даже движущиеся цели политики.

Для того, чтобы наглядно проиллюстрировать этот первый момент, я хочу обратить внимание на то, как решает этот вопрос НАТО. В НАТО существует большой департамент общественной дипломатии для воздействия на восприятия. Но у этого департамента нет бюджета для исследования и оценки восприятия, или имиджа, НАТО в третьих странах. В НАТО руководствуются идеей о том, что восприятия являются частью политического процесса, а не внешним фактором.

Я хочу задать вопрос, который задаю самому себе: «Почему мы обсуждаем политическое восприятие НАТО на Востоке и на Западе и какое это имеет отношение к третьим странам, типа Грузии?». Ответ непрост. В принципе, Грузия, Украина и другие страны являются суверенными государствами, которые могут свободно выбирать альянс, к которому они хотят примкнуть, и этот принцип признается всеми ведущими державами, включая и Россию. С юридической точки зрения, с точки зрения политических принципов здесь даже нечего обсуждать. Восприятия абсолютно бессмысленны и представляют собой движущие мишени для попыток общественной дипломатии создать определённый имидж НАТО или исправить определённые ошибочные или неправильные представления о НАТО, бытующие во вступающих странах.

И всё-таки мы задаёмся вопросом: «Почему мы это делаем?». Потому что помимо принципиального аспекта, помимо юридического аспекта, в каждом случае вступления в НАТО происходит оценка влияния, которое вступление может оказать на стабильность на евроатлантическом пространстве. Эта оценка возвращает нас обратно к важности восприятий или интерпретаций роли и функций НАТО. Только в том случае, если роль и функции НАТО воспринимаются как фактор стабильности в евроатлантическом пространстве и за его пределами, и только, если расширение воспринимается как вклад в эту стабильность, это расширение может иметь место.

Прежде чем мы начнём обсуждать это, причем, я надеюсь, в довольно полемическом ключе, я хотел бы представить вам краткий обзор эволюции восприятия НАТО на Востоке и Западе в течение последних 50-ти лет. Я хочу очень упрощенно выделить 3 этапа. Первый этап – холодная война. Второй – годы сразу после ее окончания. Третий этап – это последние несколько лет, этап, в котором мы находимся сегодня.

Во времена холодной войны, если не принимать во внимание разногласий, существовавших внутри Варшавского договора, и ещё больше в НАТО (роль Франции и генерала де Голля), роль и восприятие НАТО на Западе были гораздо проще и точнее. Они были сформулированы как: «Не

пускать советских, не пускать американцев, не давать подняться немцам!». На первый взгляд это все звучит очень упрощенно и провокационно. На самом деле в основе такого понимания угрозы безопасности лежало восприятие Советского Союза как агрессивного военного блока, угрожающего независимости и свободе Европы, восприятие Америки как гаранта свободы и безопасности её западноевропейских союзников, Америки, которая должна играть активную роль в европейских делах, чтобы гарантировать стабильность и мир среди европейских наций.

На так называемом Востоке, в странах Варшавского договора, где доминирующую роль играл Советский Союз, Варшавский договор был организацией, построенной не на принципах добровольного присоединения, но на принципе гегемонии Советского Союза. В средствах пропаганды НАТО представлялась агрессивным военным капиталистическим блоком, инструментом США для свержения коммунистического режима и наступления на коммунистов во всём мире. Но эту очень упрощенную схему усложнил или, лучше сказать, дифференцировал доклад Армеля 1967 года, в котором НАТО отводилась роль активного сторонника политики разрядки международной напряженности в отношении противоположного блока. То есть, с одной стороны НАТО являлась оборонительным альянсом, с четко обозначенным врагом и с четко прописанной миссией, а с другой стороны она становилась частью политического процесса «наведения мостов» между Альянсом и его противниками.

Если посмотреть на эту картину, возникает вопрос: «Почему НАТО до сих пор существует после распада Советского Союза, когда исчезла причина, создавшая НАТО, и исчез враг?». Вопрос Германии был решён. Германия больше не представляет опасности. За последние годы Европа значительно изменилась. Так почему же осталась НАТО?

Это подводит меня ко второму этапу, к периоду после окончания холодной войны. НАТО по-прежнему воспринималась как гарант обеспечения стабильности и безопасности Европы по трём основным причинам. Ей приходилось играть три роли. Во-первых, НАТО была необходима для продолжения обеспечения военного сотрудничества между союзниками. Для США в этом не было необходимости. Но посмотрите на европейских союзников. Кроме Франции, все остальные глубоко интегрированы в структуры НАТО. Армии Германии и Голландии не могут функционировать без структур НАТО. Об этом нельзя забывать, как нельзя забывать и о привычках и рефlekсах, которые были созданы в военных и гражданских структурах альянса за долгую историю существования НАТО. Плюс, помимо правил и рефlekсов, существует ещё и глубокое чувство солидарнос-

ти между двумя побережьями Атлантического океана.

Во-вторых, роль США как гаранта безопасности Европы всё ещё сохранилась, т.е. в случаях конфликтов США выступали в роли арбитра, несмотря на развитие Европы. США по-прежнему оставались одним из самых надёжных политических партнёров, выполняя стабилизирующую роль в модернизации и демократизации восточно-европейских стран, а также республик бывшего Советского Союза.

В-третьих, и это самое главное, НАТО была единственной структурой, которая предлагала решение о том, как заполнить открывшийся глазам Запада вакуум безопасности в Восточной и Центральной Европе после распада Советского Союза. Мы видели, как это происходило на Балканах. Ответные действия НАТО на Балканах, где организация стала гарантом безопасности за счёт расширения своих структур и создания новых партнёрств, в краткосрочной перспективе были единственно надёжным и быстровыполнимым решением возникшей угрозы вакуума безопасности.

В это время роль НАТО вовсе не считалась спорной. Сразу после окончания холодной войны ни один политический лидер в Москве не поставил под вопрос эти цели или саму необходимость существования НАТО. Я очень хорошо помню, что в какой-то момент министр иностранных дел правительства Ельцина, Козырев, даже помышлял о возможном вступлении России в НАТО.

Это подводит меня ко второму этапу, который началась приблизительно в 1993 г. Произошедшее сближение в восприятии роли НАТО вновь стало ставиться под вопрос. Возникла более сложная картина. На Западе усилились дебаты, которые всегда идут здесь, о разделении бремени и разделении мирных дивидендов после окончания холодной войны. И что гораздо важнее, был затронут вопрос о балансе и равновесии сил внутри альянса. Последний вопрос был выдвинут Францией, когда она вновь присоединилась к Альянсу в 1995 г., не сумев установить равновесия внутри Альянса между двумя равными силами – Европой и США. Это может быть причиной того, почему позиция Франции (о которой я расскажу позже) относительно будущего НАТО отличается от позиций других союзников.

На Востоке тоже наметилось четкое разделение позиций. Среди большинства бывших сателлитов Советского Союза цель интеграции стала приоритетом. НАТО, и, в особенности, США, воспринимались как главный союзник и гарант безопасности недавно приобретённой независимости против возможного возрождения России. К тому же, НАТО рассматривалась как основной инструмент модернизации и демократизации оборонного сектора и сектора безопасности. И в-третьих, она рассматривалась

и продолжает рассматриваться как своего рода входной билет в другую организацию – Европейский Союз. Это не столь очевидно для старых членов обеих организаций. Однако и в этих странах существует некая связь между членством в НАТО и членством в Европейском Союзе. Членство в ЕС предоставляется после вступления в НАТО.

С другой стороны, Россия начала всё более активно ставить под вопрос роль НАТО как организатора ландшафта политической и военной безопасности Европы после окончания холодной войны. Ставилась под вопрос логика существования НАТО. Предлагалось заменить НАТО другими многосторонними организациями того периода, прежде всего ОБСЕ и иногда ООН. Было очевидно, что восприятие НАТО в Москве опять поменялось. Те, кто видели в НАТО возможного конкурента или даже угрозу амбициям российских властей, вновь укрепили свои позиции.

Такое изменение в восприятии было лишним раз подкреплено опытом войны в Косово, когда НАТО вступила в войну без мандата ООН, несмотря на оппозицию России, и принимала участие в операции, не являющейся, по мнению России, оборонительной. С тех пор мы наблюдаем двойственный подход со стороны России. С одной стороны, она садится за стол переговоров с целью укрепления сотрудничества с НАТО, развивает сотрудничество, создает Совет «Россия – НАТО», работающий по принципу 27 (26+1). С другой стороны, Россия настойчиво выступает против дальнейшего расширения НАТО, пытаясь использовать разногласия внутри Альянса (вспомните об иракском кризисе). И в-третьих, она создаёт стратегические альтернативы – например, Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), Организацию договора о коллективной безопасности (ОДКБ) .

Можно спорить по поводу того, является ли это изменение в восприятии следствием изменения отношения НАТО или изменением в собственном восприятии России и в восприятии роли, которую она играет в мире. Вероятно, имеют место оба фактора.

На третьем этапе ситуация на сегодняшний день характеризуется конфликтом восприятий на фоне неясной идентичности НАТО в новой полной вызовов среде глобальной безопасности. Вы все знакомы с фундаментальными именениями последних лет. С терактом 11 сентября в Нью-Йорке. Он совершенно изменил установки в области безопасности и выдвинул на первый план новые угрозы международного терроризма, особенно в том, что касается применения оружия массового поражения. И второе событие, скорее, политического характера – война в Ираке, задуманная и проведённая вне НАТО коалицией единомышленников.

Тем не менее, в области сегодняшних восприятий Запада присутствует немало постоянных элементов. В Европе по-прежнему считают, что США,

предпочтительней в рамках НАТО, всё ещё нужны для обеспечения безопасности на континенте, поскольку европейские союзники не могут сами справиться с новыми угрозами, о которых я упоминал выше.

Но и в Европе, а также между Европой и США, существует немало различных восприятий НАТО. В восприятии новых членов НАТО, бывших членов Варшавского договора, НАТО была и остается силой, сдерживающей Россию, гарантом их независимости и прочных связей с Западом.

В США в основном считается, что для обеспечения безопасности США в НАТО нет необходимости. У США есть все возможности, чтобы обеспечить собственную безопасность. Но НАТО может быть механизмом, дополняющим собственные стратегии США. Если рассмотреть этот вопрос поближе, можно выделить две стадии. Первая стадия – между 2002-2005 гг., когда США явно посылали европейцам сигнал о том, что в их восприятии НАТО не является важным инструментом. США могут действовать посредством НАТО, когда это им подходит, или же действовать самостоятельно в коалиции единомышленников, когда это им более удобно. В таком случае НАТО представляется набором инструментов. Начиная с 2005 г. мы видим возникновение новой стадии, стадии пересмотра этого отношения, когда создается впечатление, что США воспринимают НАТО как инструмент большего значения или даже как главный инструмент защиты их установок в области безопасности во всём мире. Но важно отметить, что основой нового восприятия является условие, что НАТО на самом деле будет основательно реформирована и преобразована. Только после этого она сможет играть эту важную роль.

Коротко отмечу несколько моментов. В этом отношении мне кажется, что НАТО необходимо заручиться возможностями действовать глобально. Одно дело – расширение в области стабильности. Другой и более спорный момент – установление глобальных партнёрств, которые могут справиться со всеми угрозами безопасности на глобальном уровне. Во-вторых, у НАТО должен быть выработан целостный подход к безопасности. Это значит, что НАТО должна избавиться от чисто военного подхода к безопасности и развивать гражданский и военно-гражданский потенциал и подходы к вопросам безопасности. И в-третьих, конечно, чтобы остаться актуальной для американского восприятия, НАТО должна развивать потенциал либо на уровне самих союзников, либо на уровне альянса – такие, как силы реагирования НАТО, например, или на европейской уровне – боевые подразделения НАТО.

Один момент, который особенно важен в контексте нашей конференции, это то, что США, в отличие от большинства своих западно-европей-

ских союзников, придерживаются мнения о том, что расширение НАТО – это путь сдерживания или, более того, уменьшения влияния России. Об этом редко говорят в публичных выступлениях, но об этом можно услышать от официальных лиц в Вашингтоне.

Подводя итоги, хочу отметить, что сегодня на Западе произошло два главных изменения. С одной стороны, мы имеем НАТО как организацию, философией которой является усиление стабильности и безопасности на евроатлантическом пространстве, через распространение своих структур посредством расширения и партнёрства. С другой стороны, существует восприятие НАТО как скорее конкурентного или активного игрока в области политики безопасности, который также способен сдерживать или даже вытеснять конкурирующих с ним других международных игроков. Между двумя ролями существуют определённые противоречия. Противоречия, которые можно выявить в отношении вопроса расширения с участием Грузии. Эти восприятия усиливаются третьим уровнем, о котором я только что сказал. Это глобализация миссии и возможностей НАТО. Всё это делает эти противоречия более очевидными

Москва, несомненно, сделала свой собственный вывод. Сегодня можно открыто услышать в Москве высказывания о том, что там предпочли бы, чтобы НАТО не существовало. Но так как это выходит за пределы возможного, Москва, вероятней всего, сохранит двойственный подход, который я только что описал. Вопрос, который вам следовало бы рассмотреть, следующий – является ли впечатление, которое они постоянно пытаются создать – а именно, что существуют абсолютные ограничения на возможное вступление Украины и Грузии в НАТО, – реальным или это политическая игра, подобная той, с которой мы столкнулись во время первой серии расширения НАТО. И что это означало бы, если бы было реальностью и что это значило бы, если оно не являлось таковой? На этом я завершаю свои соображения, которыми я хотел поделиться с Вами этим утром.

РОЛЬ И ФУНКЦИИ НАТО СЕГОДНЯ

Наш хорватский коллега не смог приехать на конференцию. Три недели назад я была в Загребе на конференции Фонда им. Генриха Бёлля, где обсуждался вопрос вступления Хорватии в НАТО, что скорее всего может произойти в апреле следующего года на бухарестском саммите НАТО. Так что важно начать с того, что стоит сегодня в повестке дня. В дебатах относительно Хорватии говорится: «Сначала – НАТО, затем – Евросоюз». Идея скорее всего заключается в том, чтобы сначала вступить в НАТО для того, чтобы затем интегрироваться в ЕС. Существует несколько эмпирических подтверждений этого принципа, примеры Польши, Венгрии и все остальные страны, которые вошли в состав ЕС сразу же после вступления в НАТО. Но имейте в виду, что этот вопрос крайне важен. В Хорватии существует серьёзная нерасположенность к НАТО. Опросы показали, что только 20% населения выступало за вступление в НАТО в феврале или марте. За последние два месяца эта ситуация изменилась, т.к. премьер-министр Хорватии заявил, что существует большой риск угрозы безопасности со стороны Сербии. Теперь 62% поддерживает вступление Хорватии в НАТО, что представляется довольно интересным. В Хорватии на самом деле не существует сообщества безопасности и есть серьёзное нежелание вступать в так называемую военную организацию. Мне кажется, Ян Хендрик ван Тиль дал некоторое представление о том, чем является НАТО на сегодняшний день. Я собираюсь представить несколько дополнительных аспектов, которые проявились в 1990-ых гг. Я расскажу об их влиянии на саму организацию, влиянии на ее новых членов и немного поговорю о перспективах.

Это – огромная карта государств-членов ЕС, а также государств-членов НАТО. У нас 26 стран-членов НАТО и 27 стран-членов ЕС. Не все они совпадают, что является одним из вопросов для обсуждения. Думаю, все знают о проблемах с Турцией и Кипром в том, что касается Берлина-плюс, это несоответствие параметрам, необходимым для членства, является причиной довольно больших проблем.

В начале 1990-ых гг., после падения берлинской стены, приведшей к объединению Германии, стали оформляться разноречивые концепции. Одним из условий Запада было членство объединённой Германии в НАТО. Сначала Горбачёв был несогласен с этим. Затем произошла знаменитая встреча Горбачёва и Коля. Последовало предложение советской стороны,

и на последней встрече в рамках Варшавского договора стало ясно, что шансов для преобразования этой организации не существует. Советский Союз предложил, что обе эти организации взяли на себя руководство Конференцией по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе, что безусловно было отвергнуто западными странами. Существовал англо-американский проект, по которому предлагалось вновь вернуться к реформам НАТО. Франция настаивала на европейской платформе НАТО и на новой роли ЕС, что получило новое дыхание в результате известной петербургской декларации начала 1990-ых гг.

В ноябре 1991 г. появилась новая стратегическая концепция, гласящая, что больше не существует никаких прямых угроз со стороны Советского Союза. Тем не менее оставался еще один литовский пример. Все помнят, что события в Литве были напоминанием о том, что угроза не исчезла полностью. Теперь уже существовало множество новых рисков экономического, политического и социального характера в переходный период. Климат на Востоке складывался из этнических противостояний и территориальных споров. Таким образом теперь существовала более сложная ситуация, помимо классических вопросов обороны. Именно в этом контексте были осуществлены изменения в характере миротворчества и управления кризисами. Прекращение линейной обороны в Центральной Европе около 1991 г. и значительное уменьшение затрат на оборону были замечательным периодом для всех, кто надеялся, что наступит время, когда на вооружённые силы не будут тратиться такие огромные деньги.

Косово был первым, совершенно неожиданным, конфликтом после окончания холодной войны. Это было испытание, которое ЕС полностью провалил. Причины этого провала я объясню позже. НАТО добились успеха. Дейтонская конференция в 1995 г. была абсолютной победой концепции НАТО. Конференция по безопасности и сотрудничеству в Европе, идея русских, была преобразована в ОБСЕ, вторую миротворческую организацию. Дейтонское соглашение было подписано в 1995 г., и Россия принимала участие в его осуществлении со своим особым статусом.

В 2004 г. ЕС начал руководить дейтонской миссией, как военной, так и гражданской составляющей. НАТО больше не присутствует в Боснии-Герцеговине. Именно такая схема обсуждается применительно к Косово, каким бы ни было решение о его статусе.

В 1999 г. НАТО вошла в Косово без мандата ООН. Это вызвало большие споры внутри Альянса. Интервенция на самом деле была проблематичной. Было впечатление, что суверенитет не был принят во внимание, хотя говорилось, что гуманитарные вопросы оправдывают вмешательство в дела

суверенного государства. Польша, Венгрия и Чехия только что вступили в НАТО в 1997 г. на мадридском саммите. Им было трудно принять эту ситуацию. Вчера кто-то сказал, что в Словакии только 20 или 30% поддерживают членство в НАТО. Это связано именно с опытом тех лет. Кроме того, существовали настоящие разногласия между русскими и американцами по этому вопросу. Все помнят предложение о создании «Священного союза славян» – словенцев, сербов, белоруссов и русских. Это были очень серьезные разногласия, и ситуация изменилась лишь после 11-го сентября.

После событий 11-го сентября, впервые за всю свою историю, НАТО приняла статью №5, которая гласит, что если какой-либо член Альянса находится под угрозой, остальные обязаны оказать ему помощь. Раньше НАТО не имела военного присутствия в Афганистане или Ираке. Теперь, без сомнения, НАТО присутствует в Афганистане. Самым поразительным результатом правления администрации Буша было то, что она пожертвовала самым важным трансатлантическим форумом, каким была НАТО.

Дебаты о роли НАТО, которые развернулись на прошлогоднем Рижском саммите и продолжаются до сих пор, касаются роли, которую должна играть НАТО через 16 лет после окончания холодной войны. Эта организация всё ещё переживает кризис. Это касается также и Европейского Союза, и ОБСЕ. Полемика идет о миссии организации, её политической роли, глобальных альянсах и партнёрствах. Существует много разногласий по этим вопросам. Французы предпочли бы ограничить НАТО более традиционной ролью, подобной той, которую она имела перед окончанием холодной войны.

Страны Восточной и Центральной Европы часто не придают Европейскому Союзу большого значения и считают его не очень важной и слабой организацией. В долгосрочной перспективе это, наверное, ошибочная точка зрения. Многосторонний и наднациональный подход ЕС может обеспечить ему высокую устойчивость на протяжении долгих лет.

... договор 1993 г. впервые поставил на повестку дня вопрос о единой европейской международной политике и политике в области безопасности, что является т.н. вторым «столпом» этого соглашения. Мы уже упомянули о восстановлении Западноевропейского союза, который затем был интегрирован в Амстердаме после 1997 г. В Европейском Союзе параллельно велись дебаты о европейской составляющей НАТО, которая могла бы быть более самостоятельной и более независимой от США.

В рамках единой европейской оборонной политики, начиная с 2003 г. и по сегодняшний день, было проведено довольно много операций, особенно в Европе на Балканах. Впечатление такое, что Европа наконец-то вновь

заняла своё достойное место после неудач в начале 90-ых гг.

Что касается отношений между НАТО и ЕС, то с 1996 г. у нас есть соглашение Берлин-плюс. Согласно этому соглашению военные операции без участия США и только при использовании натовских вооружений и техники могут проводиться лишь в рамках гуманитарных спасательных операций или в мирных восстановительных работах. Это – прямой результат Дейтона и интервенции. Несомненно, США хотели, чтобы европейцы несли ответственность за свою собственную безопасность. Идея заключалась в следующем: «Давайте, мы предоставим вам вооружение и технику, вы будете расхлебывать собственную кашу, которую заварили, но всё-таки не отдельно, не независимо от НАТО».

Госсекретарь США Мадлен Олбрайт заявила, что существует три главных риска, связанных с такой независимой европейской оборонной политикой, проводимой отдельно от США. Могли проводиться одинаковые миссии и существовал риск дискриминации, при которой государства, не являющиеся членами ЕС и/или НАТО, могли быть исключены. Думаю, это восприятие было достаточно точным, если посмотреть на наши сегодняшние проблемы с Турцией и Кипром.

Теперь я перейду к обсуждению некоторых основных аспектов расширения.

Первое – влияние на новых членов. Во многих отношениях это влияние касается гомогенизации. Влияние распространяется не только на вооруженные силы, но и на структуры, организации, а также обязательства по пятой статье. Есть новые члены, но есть также их соседи, которые не являются государствами-членами и которые могут дать повод для роста напряженности. Это особенно актуально для стран Центральной Европы. Они воспринимают сами себя Западом Востока. Теперь они стали Востоком Запада, что в некотором смысле довольно унижительно. Мне кажется, что нынешние конфликты между Польшей и ЕС как раз связаны с этим.

Второй аспект – влияние на саму организацию. Каждый раз после присоединения новых членов в ЕС и НАТО наступает кризис, причиной которого являются культурные различия. Например, столкновения культур, советского опыта и западноевропейского опыта. Обсуждается вопрос обмена оперативной информацией, разведанными в маленьком альянсе по сравнению с таким обменом в большом альянсе. Довольно сложно интегрировать все эти новые государства-члены, все эти страны бывшего Советского Союза.

Дебаты о членстве – это серьёзные дебаты. Этот вопрос также активно обсуждается в бывших советских странах. В Восточной Европе существ-

вует романтическое представление о приверженности США Восточной Европе. Я являюсь экспертом по странам Балтии. После многочисленных обсуждений с американцами, а также лицами, принимающими решения, высказывалось явное нежелание принимать балтийские страны, особенно из-за России.

Программа «Партнёрство во имя мира» в НАТО, похожая на Политику европейского соседства в ЕС, получила среди многих членов этого партнёрства прозвище «Партнёрства во имя отсрочки». Эта программа помогла выиграть время и привыкнуть к сорудничеству и оказалась достаточно успешной.

Серьёзный вопрос: как быть с Россией и Украиной? Основополагающий акт НАТО-Россия, ратифицированный в Париже в 1997 г. одновременно с вступлением первых трёх новых членов – Польши, Венгрии и Чехии, подвергся многим изменениям. Я вернусь к этому позже.

Медовый месяц США и России, начавшийся сразу после 2001 г, сегодня уже закончился. Сразу после событий 2001 г. начался активный обмен оперативной информацией. Россия и США заключили много сделок в то время, особенно относительно войны в Афганистане. Затем последовало предложение Великобритании создать Совет 20-ти. В конечном счёте решили принять 19 + 1 с Россией, которая будет достаточно тесно интегрирована в НАТО. Сегодня этих близких отношений уже не существует.

Вернёмся к хронологии этих интеграций. Первое расширение было пролоббировано г-жой Мадлен Олбрайт и берёт начало в Чехословакии в 1997 г. Германия немного колебалась и поддерживала Венгрию. Франция хотела, чтобы Румыния и Словения оказались в первом раунде.

Затем начали обсуждать страны Балтии. Это было довольно сложно, поскольку они являлись частью бывшего Советского Союза. Была создана инициативная группа и осуществлено весьма эффективное лоббирование, особенно в Вашингтоне. США попросили ЕС сделать первый шаг. Вступление в НАТО было отложено.

Джордж Буш оказывал явное предпочтение варианту «Восток-один». В своём знаменитом выступлении в Варшаве в июне 2001 г. он заявил, что проигнорирует позицию России и пригласит эти государства. События 11-го сентября положили начало неожиданному «медовому месяцу» США и России. В этот период произошло определённое сближение позиций. Создавалось впечатление, что процесс расширения ЕС и НАТО был парализован. В 2002 г. было принято решение, что эти два расширения произойдут в 2004 г.

Принцип обусловленности. Я не говорила о Плане действий по подготовке к членству в НАТО (MAP). У Польши, Венгрии и Чехии не было та-

кого плана. Они были просто приглашены вступить в НАТО. Теперь, после «Востока-один» у нас имеется МАР, состоящий из 5-ти глав – политика, экономика, военная оборона, ресурсы и безопасность.

В будущем году в Бухаресте будет рассматриваться решение о принятии трёх новых государств-членов – Албании, Хорватии и Македонии. Грузия, вопрос которой будет обсуждаться на этой конференции, скорее всего получит статус МАР и когда-нибудь всё-таки войдёт в НАТО. Рассмотрение вопроса Украины снято с повестки дня. Администрация Буша лоббирует Украину, но в Европе эта идея всё ещё отвергается. В случае с Грузией мы имеем дело с более сложными проблемами, такими, как неразрешённые конфликты в Абхазии и Южной Оссетии.

Будущее также сопряжено с обязательствами. Региональная роль всех новых государств-членов, будет заключаться не только в «потреблении» безопасности, но и в предоставлении таковой. Каковы будут их вклады, их восприятия и их роли в интегрированном альянсе?

ОБСУЖДЕНИЕ

Андрей Рябов. Мне бы хотелось выслушать Ваше мнение относительно сценария возможной трансформации НАТО в мировой альянс, построенный на новых идеях. Если НАТО на самом деле преобразуется в глобальную (мировую) организацию, какой будет реакция Китая? Вы предлагаете, что, если это произойдёт, правительство в Пекине должно попытаться создать новый военный альянс на Востоке, может быть на основании «Шанхайской Шестёрки», включив в него множество стран, в том числе и Россию. Не сейчас, конечно. Сейчас это невозможно. Но, скажем, лет через 5-6. К тому времени это будет абсолютно реалистично. К сожалению, этот вопрос не относится к нашей сегодняшней дискуссии, но мне кажется, что мы должны учесть и этот процесс. Если этот новый союз будет продвигаться на Запад и между этими двумя союзами будет конфронтация, то НАТО и военный блок под руководством Китая перейдут сюда в регион Каспийского и Чёрного морей. Было бы это новой линией конфронтации? Что вы думаете о таком сценарии? Возможно ли это?

Ян Хенрик ван Тиль. Спасибо за вопрос. Это даёт мне возможность высказаться по этому конкретному аспекту. В самом НАТО сейчас правительства не обсуждают глобальный (мировой) альянс. Я знаю, что существует множество статей об идее глобального альянса, демократии, глобальной

НАТО, принятия новых членов, находящихся за пределами евроатлантического пространства. Но сейчас на этом уровне полемики в НАТО не идёт. Это не стояло на повестке дня встречи в Риге, конечно же, это не вопрос для обсуждения в Бухаресте или в предсказуемом будущем. Любопытный сценарий, построенный на идее о том, что существует глобальный альянс, типа НАТО, с глобальной статьёй №5, который пойдёт на конфронтацию с Китаем, Индией (но Индия по идее должна быть партнёром) или другой страной-соперницей, далек от реальности. Говоря это, я хочу затронуть один аспект, касающийся происходящих обсуждений. Обсуждается не столько глобальный альянс, сколько глобальные партнёрства. Это значит, что НАТО, по мнению американских стратегов, а также некоторых поддерживающих её европейских союзников, должна иметь глобальных партнёров. Чаще других упоминаются партнёры из азиатско-тихоокеанского региона – Япония, Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия. Иногда идут немного дальше и говорят об Аргентине в Южной Америке. Можно найти и вторую категорию, которая безгранична. Но первая категория – это та, о которой я упомянул. С такими глобальными партнерами НАТО может выполнять операции и миссии во всём мире, которые являются приоритетными для обеспечения безопасности евроатлантического пространства. Афганистан является хорошим примером, где чётко применяется этот принцип. Там находятся войска Новой Зеландии, Австралии. Вопрос вот в чём. Если эти страны помогают НАТО в области военной мощи, в области проведения операций, какую роль следует им отвести в процессе формирования или даже принятия решений внутри НАТО? Идея, предложенная США, предполагает создание единого партнёрства с гибкими рамками сотрудничества, связанного с определённой миссией или операцией. Затем стали обсуждать вопрос о том, почему эта идея не понравилась Франции или даже другим восточноевропейским странам. Они сказали, что с одной стороны, будут существовать союзники, а с другой стороны, будут существовать глобальные (мировые) партнёры через их вклад в миссии и операции. Они станут важнее большинства европейских союзников. Акцент в Альянсе автоматически будет перенесён с Европы и европейской безопасности на другие театры военных действий, такие, как Азия, создавая таким образом для НАТО новые проблемы безопасности и конфликты. Например, когда премьер-министр Японии приезжает в Североатлантический совет, он, конечно же, говорит об Афганистане, поскольку Япония оказывает там материально-техническую поддержку. Но он также говорит о Северной Корее, о взятии заложников, о Китае, и обращается к 26 союзникам, которые как союзники НАТО не имеют позиции, мнения и вообще ничего. Вот это и

критикуется. С одной стороны НАТО втянута в конфликты и вопросы безопасности, не касающиеся евроатлантического пространства. С другой, не может реагировать на них политически. Обсуждения происходят, и вы правы в своем замечании, но всё происходит на более низком уровне, чем вам кажется. На Кавказе или в Центральной Азии нет большой конфронтации сил. Речь скорее идет о смене альянсов и о способности альянса реагировать на эти сдвиги. Это не представляет проблемы для США, потому что США вовлечены в проблемы всех регионов мира. Таким образом, это дополнительные способы приобрести новых партнёров и сделать этих партнёров инструментами НАТО, в основном через подготовку и улучшение оперативной совместимости вооруженных сил, совместную работу. Но у этой работы нет политической изнанки. Европейские партнёры, и не только Франция, но и партнёры из бывшего Советского Союза, чувствуют опасность в смещении приоритетов, в новой категоризации союзников и партнёров, в смещении центра внимания НАТО, и, в связи с этим, в ослаблении процесса подключения принципа коллективной обороны, согласно статье №5. Вот об этом идет речь.

Паата Закареишвили. Спасибо докладчикам за интересные доклады. Из-за статуса обоих докладчиков есть соблазн задать вопрос: существует ли различие в подходах НАТО между Францией и Германией, особенно по отношению к Грузии? Когда во Франции состоялись президентские выборы, президент Грузии в тот же день публично подтвердил слухи, которые ходили в политических кулуарах Грузии, «что Франция при президентстве Жака Ширака мешала вступлению Грузии в НАТО. Однако после победы Никола Саркози начнётся необратимый процесс вступления Грузии в НАТО». У вас двойной статус – вы являетесь представителем МИДа Франции, и вместе с этим вы – немецкий дипломат. Каковы различия между этими странами по отношению к Грузии?

Ян Хендрик ван Тиль. Спасибо за ваш вопрос. Это очень тонкий вопрос. В общем, до недавнего времени позиции Франции и Германии относительно этого вопроса были схожими. В принципе ясно, как я уже сказал в начале своей презентации, что любая европейская страна, соблюдающая определённые критерии, может войти в НАТО. Здесь действует политика открытых дверей. Это юридически и политически ясно. Но вы должны соблюдать эти критерии. Есть также и обратная сторона медали. Это вопрос, который я пытался обсудить с вами, вопрос вклада в европейскую стабильность. Если копнуть глубже, можно также спросить про техниче-

кие аспекты – выбор времени обсуждения этих вопросов, вопросы подачи расширения. Это возвращает нас к тому, что я уже упомянул. Конечно ни во Франции, ни в Германии нет сопротивления принятию в НАТО новых европейских стран, тогда как по Грузии есть некоторые ограничения с географической точки зрения. Во Франции и Германии в определённой степени беспокоятся о том, в каком ключе ведутся дебаты – в духе противостояния России. Это не должно быть целью НАТО. Целью должно быть расширение сферы безопасности и стабильности, а не создание дополнительной нестабильности. Конечно встает вопрос «когда?». Так, если Франция и Германия не имеют ничего против, они задают вопрос: «Как и когда?». Вопрос о получении МАР будет ещё раз оценён до бухарестского саммита. Пока я ещё не заметил изменения позиции Франции по этому вопросу. Это может проявиться в подготовке к бухарестскому саммиту. Но пока это чистая догадка.

Я бы хотел добавить один аспект восприятия к тому, что сказала Сусанна о МАР. Почему решение о МАР настолько важно? В конце процесса МАР вы получите политическое решение о вступлении в НАТО или нет. Поэтому МАР не так важен. Давайте предоставим стране МАР. Мы наблюдаем за этим в Македонии вот уже 6 лет. Это не меняет дел в одночасье. У вас масса времени, чтобы принять ситуацию, объяснить её всем сторонам, стабилизировать ситуацию. МАР не должен восприниматься так, как это до сих пор понималось в Париже, где он политически рассматривался как обещание принятия в НАТО. Таким образом, если вы находитесь на стадии интенсивного диалога, можно сказать, что НАТО признала желание Грузии вступить в Альянс. НАТО сейчас объясняет Грузии, что это подразумевает. НАТО развивает сотрудничество. Но это не означает принятия политического решения о том, что мы хотим видеть Грузию в составе НАТО. Если в Париже Грузии предоставляется МАР, под этим понимается, что данное ей обещание остается в силе, если только в Грузии или на окружающей её территории не произойдёт каких-либо важных изменений, при условии, что она удовлетворила все критерии – те 5 глав, которые перечислила Сусанна. Вот почему это такой важный вопрос.

Я хотел бы вернуться к одному конкретному пункту. Почему существует такое сильное нежелание [принимать]? Если Грузии дано это обещание и она успешно удовлетворит критерии, это значит, что все союзники должны принять на себя твёрдые обязательства о том, что если понадобится, они готовы умереть за Тбилиси. Это – обязательство. Это твёрдое обязательство, что мы готовы умереть за Тбилиси. Это очень важная политическая позиция. Новый президент Франции наверняка примет это к сведению. На

сегодня я точно знаю, что никакой новой позиции у Франции не существует, но посмотрим. Может быть, это не удовлетворяет вас, поскольку всё не так ясно, но таков политический процесс.

Арда Инал-Ипа. У меня 2 вопроса. Первый. Вы говорили о том, что целью НАТО является стабилизация. Но не кажется ли Вам, что процесс расширения, может даже не сам процесс, а спешка начать процесс, спровоцирует Россию изменить свою политику и побудить к милитаризации?

Каковы мотивы того, что НАТО не принимает государства с нерешёнными конфликтами? Существуют разные конфликты. Наш грузино-абхазский конфликт не касается формы автономии или федерализации. Это – конфликт о желании абхазов иметь своё независимое государство. Существуют ли различия в подходах к таким конфликтам?

Ян Хендрик ван Тиль. Я вижу определённые противоречия между этими двумя целями. С одной стороны, расширение увеличивает зону стабильности. С другой стороны, это подход политической власти. Я согласен с вами, что есть проблема времени, проблема коммуникаций. Как говорят французы, «дайте время для времени». Иногда лучше двигаться медленно и достичь цели, нежели торопить события. Тем не менее, с точки зрения принципов это понятно. Если Грузия будет идти по правильному пути с точки зрения реформ, то будет прогресс в этом направлении. Обе стороны несут огромную ответственность за решение двустороннего конфликта, не угрожая стабильности. Никто не должен использовать НАТО в качестве инструмента в двустороннем конфликте. НАТО не должна вставать на ту или иную сторону. Она этой роли не играет. Такое манипулирование ослабит возможности НАТО оказывать стабилизирующее воздействие на новые присоединяющиеся страны. Итак, нет простого ответа на ваш вопрос. Мы должны различать различные уровни и то, как они соотносятся друг с другом.

Сусанна Нис. В том, что касается нерешённых конфликтов, ЕС и НАТО находятся в одинаковой ситуации. Не существует прецедента. Вопрос присоединения Грузии сильно отличается от других. В этом году было много сомнений насчёт вступления в ЕС Болгарии и Румынии. Многие советовали сделать это позже, поскольку они не выполнили условий. Тем не менее это было сделано, как сказал Ян Хендрик, по политическим причинам. И всё-таки я бы сказала, что МАП очень важен.

У нас нет прецедента такого рода проблемы, которую представляет собой Грузия с её конфликтом с Абхазией. Вероятно, когда мы говорим

о стабильности, надо конкретизировать, о чьей стабильности идёт речь. В Абхазии имеется понятное стремление к независимости. Определённо, НАТО приходится выступать против желания одной или другой стороны. Грузия хочет, чтобы Абхазия была её частью, а Абхазия этого не хочет. Для НАТО это конфликт лояльности. В настоящий момент в НАТО обращают мало внимания на вопрос Абхазии, по крайней мере в НАТО в целом.

Я не совсем поняла первый вопрос, ваше упоминание амбиций России.

Арда Инал-Ипа. Продолжение расширения, я думаю, способствует тому, что Россия будет чувствовать угрозу.

Сусанна Нис. Думаю, это ужасно, что реорганизацией Европы занимается исключительно Запад. Например, 10 июня между Парижем и Мюнхеном открылась новая транспортная линия. У нас высокоскоростные средства связи на Западе и абсолютная дезинтеграция связей на Востоке. Все эти транспортные артерии будут восстановлены по большей части с Запада. То же самое происходит с расширением НАТО. Создаётся впечатление, что вся эта реорганизация идёт с Запада. Это не очень приятно для России. Сегодня Андрей Рябов расскажет нам о московском ракурсе этой проблемы.

Арчил Гегешидзе. Мой первый вопрос к Сусанне. К сожалению, ваш хорватский коллега не смог приехать, чтобы рассказать, как его страна готовится к интеграции в НАТО и что принес этот процесс Хорватии с точки зрения приближения к требуемым стандартам. Что подразумевает План действий членства (Membership Action Plan - MAP) в отличие от Плана действий индивидуального партнерства (Individual Partnership Action Plan – IPAP)? Является ли это всего-лишь продолжением незаконченных дел в рамках IPAP, или это качественно иной процесс с точки зрения достижения более высоких стандартов по выполнению обязательств, которые страны должны брать на себя для вступления в НАТО? Что приобрели Хорватия и другие балканские страны благодаря этому процессу? Как и в какой степени прогрессировали эти страны в целом? Не только с точки зрения модернизации военного сектора, но всех пяти секторов.

Мой второй вопрос адресован г-ну ван Тиллю. Вы сказали фразу, которая должна звучать очень, очень устрашающе для наших абхазских коллег: «Если НАТО решит пригласить Грузию в свой состав, это будет означать, что НАТО готова «умереть за Грузию». Что это может означать на практике? Значит ли это, что НАТО готова в переносном смысле «умереть за Грузию», включившись в дипломатическую схватку с Россией, чтобы пре-

вратить последнюю в конструктивного игрока, который всеми имеющимися ресурсами должен способствовать достижению компромисса и мира на основе переговоров между сторонами в конфликте? Или же это подразумевает применение “твёрдых” форм безопасности?

Сусанна Нис. Что касается изменений в Хорватии в вопросах безопасности, одним из важных моментов МАР является то, что министерство обороны должно возглавлять не военное, а гражданское лицо. Вооружённые силы не должны играть политической роли. Разница между ИРАР и МАР – в обещании, это как Политика европейского соседства для ЕС. Это дает начало переговорам о вступлении. Таким образом, МАР более обязывает. Этот процесс проходит при поддержке. Проводятся встречи и обмены. Какую выгоду извлекла Хорватия из этого? Не думаю, что большую. Это не очень важный вопрос для Хорватии сегодня. Что на самом деле является важным для Хорватии, так это то, что ЕС будет следующим шагом после НАТО. Они хотят стать членом ЕС. С точки зрения экономических достижений, а также с точки зрения достижений демократических, она намного опережает некоторых членов, вошедших в Альянс с 2004 г. Они реально хотят быть членом ЕС. И НАТО делает их на один шаг ближе к ЕС.

Ян Хендрик ван Тиль. Помимо этого политического момента обещания членства, я хочу напомнить вам, что НАТО на самом деле не только военный альянс. Это политический альянс, основанный на ценностях. В инструментах сотрудничества существует много предложений по вопросам демократизации, развития правового государства, экономики и т.д. и конечно реформ в сфере обороны. Но партнёрства построены на двух принципах, одним из которых является включённость. Каждому партнёру предлагаются все инструменты. Второй принцип – это самодифференциация. Так, партнёр решает, как далеко он хочет пойти. Белоруссия и Узбекистан являются партнёрами. Но если вы посмотрите на программы их сотрудничества, они не очень существенны. Если сравнить это с ИРАР Грузии, например, МАР немного отличается от нее. Партнёр и здесь решает, как далеко и как быстро он хочет идти. Я уже упомянул, что на западе Балкан Албания и Македония продвигались медленнее, чем Хорватия. Но партнёр должен жить по критериям НАТО. Финишной прямой, на которую должна выйти страна-кандидат, являются критерии, установленные НАТО. В этом главное отличие. Это действительно последний раунд для выхода на финишную прямую вступления.

Теперь, что касается вашего второго вопроса. Я сказал «умереть за Грузию», чтобы показать драматичность процесса расширения альянса. Ста-

тья №5 не бессмысленна. Вы переносите внимание на внутренний конфликт Грузии. Это не является частью моей презентации. Вы обсудите это во время заседания другой группы. Я бы определённо сказал, что это не является смыслом моего аргумента. И более того, это не является намерением НАТО. Кроме инструментов демократизации и прочих у НАТО нет других рычагов влияния на этот конфликт. Вопрос заключается не в том, чтобы умереть за Тбилиси против Сухуми или ещё чего-либо. Статья №5 – это внешняя оборона. По-моему, у НАТО нет ответа, который она может дать относительно того, что сказала Сусанна о проблеме внутреннего замороженного конфликта. Если процесс евроатлантической интеграции Грузии продолжится, мы должны будем найти решения и подходы, чтобы урегулировать конфликты. Но членство может быть предоставлено только суверенному, признанному государству. Это будет Грузия как таковая в пределах признанных международным сообществом границ. Внутренние конфликты Грузии – это внутренние проблемы Грузии. Но умереть за Тбилиси не означает умереть за Тбилиси во внутреннем конфликте.

Джонатан Коэн. Сусанна, вы перечислили критерии MAP, его пять этапов. И Вы, Ян Хендрик, говорили о дискуссиях о том, насколько MAP является ключевым решением. Но Вы ничего не сказали о процессе перехода от интенсивного диалога к MAP. Вы перечислили, что должно быть реализовано, чтобы MAP привёл к вступлению, но является ли процесс перехода от интенсивного диалога к MAP решением, которое предполагает удовлетворение определённых критериев? Если это так, было бы интересно их конкретизировать. И второе, существует ряд дискуссий о том, должно ли решение быть принято на основе стандартов или же решение должно быть принято на основе политических интересов. Некоторые утверждают, что Грузия не соответствует стандартам. Конечно, MAP – это процесс, который может дать Грузии время для достижения необходимых стандартов. Но если вы, Ян Хендрик, говорите, что это крайне важное решение, наверное, необходимо детально рассмотреть реальные перспективы для достижения этих стандартов в определённые временные рамки и нет ли среди членов НАТО таких, которые настаивают на преждевременном предоставлении MAP из стратегических соображений. Если это действительно так, не лучше ли откровенно заявить об этом сразу, потому что в прошлом было несколько примеров того (мы уже вчера обсуждали это), когда члены НАТО не достигали требуемых стандартов. Достаточно вспомнить Турцию, Испанию, Португалию. Но по стратегическим соображениям они были приняты в определенный момент. Кажется, что у правящей элиты

Грузии, которая так упорно настаивает на получении МАР, есть ожидание, что она почти выиграла дебаты относительно перехода от интенсивного диалога к МАР раньше, чем это было запланировано, из-за стратегических интересов. Мне бы хотелось услышать ваше мнение касательно этих двух моментов.

Ян Хендрик ван Тиль. Первый вопрос – существует ли процесс, ведущий от интенсивного диалога к МАР и существуют ли определённые критерии? Ответ – безусловно нет. Интенсивный диалог – это, если посмотреть на различные этапы членства, участие в партнёрстве, а не отдельный этап между IPAP, который Вы правильно упомянули, и МАР. МАР на самом деле был создан давно, во время первого расширения (принятия Польши, Венгрии и Чехии). Кстати, это был очень ограниченный документ. Он был создан, чтобы объяснить, что означает быть членом, и применить к нему политический подход и политические дебаты. Позднее были разработаны инструменты партнёрства. Интенсивный диалог не был их частью. Этот документ никогда не прекращал своего существования.. Его не изымали из обращения, но его не применяли. Что вы должны понять, так это то, что интенсивный диалог – не обязательный шаг от IPAP к МАР и к процессу вступления. Это – политическое заявление. Это – политическая интенсификация отношений без МАР. Вы можете прямо перейти от IPAP к МАР, если процесс не прерван. Правительство Грузии хорошо знает это. Но в случае Украины, а затем прецедента Грузии, в основном основанном на сомнениях относительно геостратегических выборов этих стран, хода внутренних реформ, внутренней стабильности политической ориентации, было решено, что надо принять во внимание желание и намерение правительств вступить в НАТО после демократических революций. Но с другой стороны, еще не существовало чёткой картины. Получение МАР, по мнению некоторых союзников, означает политическое обещание принятия. Таким образом, это стратегическое решение. Поэтому, в случае Украины и Грузии был возобновлён интенсивный диалог как политический инструмент. Таков мой ответ на ваш первый вопрос.

Теперь ответ на ваш второй вопрос о стратегических причинах, которые могут оправдать ускорение процесса МАР. В самом НАТО существуют различные восприятия о желательности ускорения процесса. Надо осторожно рассмотреть несколько факторов и уровней проблемы. Общая политическая динамика должна создать впечатление, которое смогло бы оправдать такое ускорение. В настоящее время я думаю, что до или после Бухареста мы увидим, изменилась ли ситуация. Некоторые союзники

не согласны с идеей существования всеобщего стратегического интереса установить стабильность в этом регионе, в стране, в Альянсе на трёх уровнях, который оправдывал бы ускорение процесса евроатлантической интеграции Грузии.

Лиана Кварчелия. Вы сказали, что в восприятии новых независимых государств НАТО призвана играть три роли: во-первых, гаранта безопасности против России, во-вторых, пропускного билета в Европейский Союз и, наконец, инструмента в процессе демократизации. Создается впечатление, что последний пункт рассматривается руководящими элитами некоторых из этих государств как досадное предварительное условие, которое, впрочем, можно игнорировать. Представляется также, что Грузия и Украина рассматривают членство в НАТО в первую очередь именно с точки зрения сдерживания России. Вы также упомянули, что Франция и Германия не очень довольны конфронтационной линией поведения Грузии в отношении России. А что, существует неконфронтационный способ сдерживания России? Что, по-вашему мнению, поможет убедить Россию воспринять вступление Грузии в НАТО с радостью? Что могла бы Россия получить в обмен на вступление Грузии в НАТО?

Ян Хендрик ван Тиль. Ответить на Ваш вопрос непросто. В своём докладе я упомянул, что новые члены НАТО, бывшие члены Варшавского договора, подчёркивают угрозы России и сдержанно относятся к России. В этих странах существует восприятие, что Россия на самом деле представляет угрозу их независимости. Вы должны принять факт существования таких восприятий. Но если бы Вы спросили у президента Путина (такого шанса у меня нет) или другого представителя России, они бы сказали, что Россия не угрожает этим странам, не имеет агрессивной позиции, не ставит под вопрос независимость этих стран. Если вы хотите принять этот подход, вам придётся принять подспудное восприятие угрозы. Это не относится ко всем членам НАТО. Некоторые члены НАТО отдалённо представляют себе все это. У России есть экономические, энергетические интересы, связанные с интересами безопасности. Существуют сомнительные восприятия НАТО. Таким образом, вместо того, чтобы сдерживать Россию и отталкивать её, мы должны пойти на контакт с ней, подключить её к процессу. У нас есть Совет «Россия-НАТО». Это особая и разветвленная структура. Но с точки зрения веса она могла бы быть гораздо более ёмкой. Некоторые союзники могут заявить, что восприятие угрозы можно понять, приняв во внимание историю страны, опыт, риторику, исходящую из Москвы.

Но существует другой подход к решению этого вопроса – стабильность в расширении таких структур через партнёрство, включая и Совет «Россия-НАТО». Дебаты продолжаются. Провалилась ли эта политика вовлечения России? Нужна ли нам сейчас политика сдерживания или нет? Находимся ли мы всё ещё в процессе диалога, подключения России? До тех пор пока такая двойственность будет продолжаться, я не думаю, что НАТО, как организация, сможет решить принять такой подход к России. Логика остаётся иной. Как я уже сказал, существуют различные восприятия роли НАТО внутри самого Альянса. Как они будут эволюционировать дальше, зависит от всех партнёров. Это зависит от России. Восприятия значительно изменились за последние несколько лет из-за энергетических проблем Украины и Грузии, из-за определённых восприятий роли России во внутренних делах Грузии и Украины. Существуют сомнения, насколько далеко всё это заходит и как мы должны на самом деле толковать всё это. В НАТО не считают, что мы должны сдерживать Россию и затеивать игру, в которой мы дадим им что-то, а взамен они позволят нам принять Грузию в НАТО. Основополагающая идентичность НАТО и основополагающая оценка угрозы со стороны России не до конца понятны. Мы не находимся в процессе, где мы можем сказать, что даём им то-то и то-то. Здесь присутствуют представители НАТО, которые могут лучше меня объяснить это. У нас, скорее, параллельный подход, с одной стороны, мы говорим, что мы принципиально не можем закрыть наши двери перед этими странами, с другой стороны, принципиально НАТО – это структура стабильности. НАТО готова к сотрудничеству с Россией, не угрожает России, мы находимся в процессе объяснения этого.

Сусанна Нис. Ваш вопрос о России бесспорно самый важный с точки зрения принятия Грузии. С 1990-ых годов мы укрепляем структуру безопасности. Если НАТО до сих пор играет главную роль трансатлантического форума, выстраивающего отношения с США, что само по себе важно, на сегодняшний день у нас нет ничего подобного для организации отношений между Европой и Россией и между Восточной Европой и Россией. Все эти конфликты неизбежно оказываются в НАТО и в рамках ЕС. Это одна проблема. Я думаю, что Россия, а также государственная дипломатия Восточного блока могли бы быть более конструктивными в создании такого необходимого форума. На сегодняшний день сложилась негативная ситуация относительно системы противоракетной обороны и предложения Путина иметь общую базу в Азербайджане. Это было бы неплохо с точки зрения совместного использования общих инфраструктур или чего-либо

подобного. Но сегодня у нас нет такого сотрудничества, которое необходимо для многих конфликтов. Проблемой также является восприятие угрозы. Поэтому это так важно. У нас изменилось восприятие угрозы. После энергетического кризиса такое восприятие угрозы со стороны России распространилось по Западной Европе. В Западной Европе Россия больше не рассматривается как надёжный партнёр в сфере энергетики, но воспринимается как энергетическая сверхдержава.. Нам нужен форум для построения отношений с Россией. Пока у нас нет ничего, что мы могли бы предложить в обмен на расширение НАТО.

Вячеслав Чирикба. Большое спасибо за ваши интересные доклады. У меня 2 вопроса. Первый – Ян Хендрику, второй – Сусанне. На мой первый вопрос вы частично дали ответ, ответив на вопрос Арчила. Абхазский вопрос и вопросы других конфликтов не являются предметом первоочередного обсуждения в НАТО, но я подозреваю, что это рано или поздно встанет на повестку дня. Мне также хотелось бы прокомментировать ваши слова относительно того, что приветствуя Грузию в составе НАТО, члены НАТО принимают обязательства «даже умереть за эту страну». Это важные вопросы, поскольку в самой Грузии существуют довольно высокие ожидания от вступления в НАТО, что мы слышали вчера от наших грузинских коллег. Эти ожидания исходят из двух главных вопросов. Первое – сдерживание или уменьшение влияния России на политику и экономику Грузии. Второе – помощь в восстановлении территориальной целостности Грузии, мнение, которое высказывает не только народ, но и грузинские политики. Это – одно из главных ожиданий. Таким образом, я не думаю, что если Грузия станет членом Альянса, НАТО сможет легко избежать вмешательства во внутреннюю политику Грузии. Нам хорошо известно, что большая часть населения Абхазии, около 200,000-300,000 людей, является технически гражданами России и гражданами Абхазии. Если вдруг Грузия начнёт военную кампанию в Абхазии, технически против граждан России на территории Абхазии, Россия, согласно своей конституции, будет вынуждена вмешаться, чтобы защитить своих граждан. Как бы повела себя НАТО в случае такого маловероятного сценария? Это не очень простой вопрос. Вчера мы также слышали от наших грузинских коллег, что существуют некоторые ожидания, что Статья №5 может быть применена против России. Это вопросы не на сегодня, а так, для будущего обсуждения. Это нелёгкие вопросы. Обсуждается ли это в НАТО? Есть ли какие-либо идеи относительно этого?

Второй вопрос к Сусанне. Вы говорили о расширении НАТО – Восток один, два, три. Сейчас мы остановились на 3. Существуют ли какие-либо

ограничения этого расширения на Восток? Говоря о Кавказе, входит ли в планы НАТО принятие остальных стран этого региона – Азербайджана и Армении?

Пола Гарб. Первый вопрос мы отложим до следующей сессии, на второй ответим сейчас.

Сусанна Нис. Никаких ограничений не существует. Это зависит от желания. Почему не Армения или Азербайджан? Ограничений нет. Альянс явно меняется так же, как и ЕС. Ведутся новые дебаты о концентрических кругах или усиленном сотрудничестве. Такого рода вещи наверняка будут происходить.

Ян Хендрик фан Тиль. Позиция Франции отличается от этой точки зрения. В Вашингтонском соглашении имеются ограничения. Вступление ограничено европейскими странами, потому что партнерство ограничено странами ОБСЕ. Это закрытый процесс. В НАТО воспринимают Грузию как европейскую страну, хотя если почитать разную литературу, оказывается, Грузия на деле не находится в Европе. Но я не хочу углубляться в эти детали. Чем больше расстояние, на котором мы находимся, тем менее заинтересованными чувствуют себя союзники. Статья 5 не подходит для такого рода солидарности с отдаленными партнёрами. Можно, например, проследить эту внутреннюю дискуссию по поводу партнёров, которые просят о каких-то гарантиях безопасности. Союзники довольно прохладно относятся к этому вопросу.

Бастиан Хермиссон. Г-н фан Тиль, Вы упомянули, что во Франции считают, что начало МАР является прямым обещанием членства, поэтому это может являться причиной нежелания даже начинать процесс. Потому что однажды начав, нет дороги назад. Если опять провести параллель с Европейским Союзом, у нас аналогичная ситуация относительно переговоров о членстве в ЕС и этих процессов, потому что в прошлом как только начинались переговоры о членстве, критерии могли быть изменены и проявлялось немало гибкости. И тут неожиданно на повестку дня встал вопрос Турции. И по крайней мере со стороны Франции мы видим, что ведутся переговоры с открытым концом в том, что касается результата и сроков, и каким образом должны быть выполнены все критерии. Думаете ли вы, что когда расширение НАТО достигнет определённой стадии, МАР может стать таким процессом с открытым концом, и таким образом может возникнуть больше желания начать этот процесс?

Сусанна Нис. Что касается Турции, то здесь действительно дипломатия вошла в конфликт с практикой. Произошло следующее: начало переговоров в октябре 2005 г. при всем существующем внутри сопротивлении без прояснения ситуации. Все слабости политической ситуации Турции связаны с этим. Это наихудшая практика. Почему бы НАТО не вынести урока из этой отрицательной ситуации? В худшей практике, к сожалению, ничего нельзя исключать.

Ян Хендрик ван Тиль. Я не могу возражать или делать предположения по поводу будущего. Но я думаю, что в данную минуту опасность того, что МАР превратится в нескончаемый процесс, сравнительно ограничена. Я упомянул, что МАР является политическим обещанием принятия страны в альянс. Это не сформулировано в единую доктрину. Вы можете спросить, является ли это оборонительной или наступательной доктриной, оборонительной в том смысле, что это не является средством достижения чего-либо через давление, когда МАР предоставляется определённой стране в определённое время. Поддавшись давлению, вы можете обнаружить, что в конце процесса МАР вас ждет также и политическое решение о предоставлении членства. В особых случаях, где ситуация становится сложной или консенсус относительно какой-то страны ослабевает, может случиться, что это решение будет переоценено в конце процесса и будет рассматриваться как более важное. Но это опять-таки предположение. Я думаю, в основе этого лежит принцип, что если страна готова к вступлению, и Альянс на самом деле хочет принять эту страну, то эта страна будет принята. Если есть сомнения относительно готовности страны, политической ситуации в стране, динамики процесса реформ, её стабильности, в процессе вы обнаружите доктрину, которая позволит вам отложить или трансформировать процесс.

Вальтер Кауфманн. Пожалуйста, опишите более детально трансформирующую силу вступления в НАТО и МАР. Я думаю, на протяжении двух предыдущих дней у нас были довольно откровенные дискуссии о политических событиях в Грузии и Абхазии. Большинство наших грузинских коллег критично относятся к текущим политическим событиям Грузии относительно разграничения компетенций, независимой судебной системы и других критически важных вопросов. Вместе с тем, Арчил Гегешидзе сделал очень интересный доклад, в котором вступление в НАТО было представлено как важнейший шанс для Грузии стать частью западного сообщества с его ценностями, и рассказал о трансформирующей силе гражданского

общества, благодаря вступления в НАТО. Мы не говорим о вступлении в ЕС, что произойдёт ещё очень нескоро. Давайте возьмём Албанию, которая уже получила свой MAP. Мы недавно видели Буша, приветствующего Албанию и её политические и экономические реформы. Ещё раз, будьте настолько откровенны, насколько это позволяют ваши функции, чтобы избежать чисто декларативных разговоров о цивилизующей, трансформирующей силе вступления в НАТО. Каков опыт других стран с MAP? Каков опыт Хорватии? Является ли причиной реформ ожидаемое вступление в НАТО? Какова внутренняя ситуация в Албании? Существуют ли там какие-либо реформы, и реализуются ли они в действительности? Направлены ли реформы на самом деле на защиту прав человека, демократию, права меньшинств? Или эти реформы осуществляются в основном на основе политического решения, геостратегического решения? Вы можете рассказать о Хорватии, Албании и других примерах?

Ян Хендрик фан Тиль. Все три перечисленные Вами страны, получившие MAP, являются несколько сложными для обсуждения в этом отношении, поскольку они проводят такие же реформы для вступления в ЕС. Как определить мотивирующий эффект НАТО в этих странах? Я не знаю. Но можно сказать, что в общем, критерии у НАТО и ЕС более или менее одинаковые. И те, и другие основаны на ценностях. Достижения в процессе демократизации и росте экономики значительны. Я не могу сказать наверняка, какая из мотиваций сильнее – вступление в ЕС или вступление в НАТО.

Существует одна сфера, к которой НАТО имеет прямое и полное отношение – это сфера военной обороны и демократизации военных структур. В этих сферах также наблюдаются значительные изменения. Различается только скорость. Иногда проходят годы безо всякого прогресса, но в конце, как раз сейчас в преддверии Бухарестского саммита, ощущается мотивирующий эффект НАТО. Да, вместе с ЕС у НАТО есть значительная трансформирующая сила. И она должна иметь такое влияние. На самом деле движущей силой является не НАТО, а правительство, которое решает двигаться вперёд. Это критически важный движущий фактор. Это урок, который можно извлечь из примера Албании. Когда на протяжении многих лет правительство не прилагало усилий, ничего реального не происходило. В течение последних 1,5 лет правительство активно действует, и многое произошло. НАТО предлагает инструменты для трансформации. ЕС предлагает критерии, которые дают ориентиры правительству. Но решение принимается самими партнёрами.

Сусанна Нис. Я согласна с тем, что было сказано. Я добавлю, что не столь важен размер касок, сколь реформы в военно-гражданских отношениях.

ЕС и НАТО являются символами демократической либеральной Европы и трансатлантических отношений. Новые государства-члены указывают на это. ЕС и НАТО – как отец и мать, вы не выбираете из них одного или другого. Не надо воспринимать МАР слишком серьёзно. С точки зрения Грузии, когда Саакашвили возглавил государство, он пообещал, что очень скоро Грузия вступит в ЕС и НАТО. Это было символом того, что Грузия собирается вернуться в Европу. Он сделал многое, чтобы реализовать эту идею. Единственная его надежда – получить МАР. Преимущество членства в НАТО, даже если часами спорить о самой организации, это то, что НАТО даёт опыт в области применения принципа многосторонних отношений. Полное отсутствие такого опыта является огромной проблемой в Восточной Европе. Бывший Советский Союз никогда не опирался на обмена такого рода. У нас на Западе есть преимущества. ЕС и НАТО являются школами такого подхода. Это является одним из самых важных преимуществ членства в НАТО.

Бруно Коппитерс. Одним из самых трудных моментов в этой дискуссии относительно влияния вступления Грузии в НАТО на абхазский конфликт является отсутствие аналогичных национальных конфликтов у других членов НАТО, т.к. ни у одного члена НАТО не существует де факто государства на их территории.

У меня есть одно замечание к заявлению Ян Хендрика ван Тилиа, которое он сделал во время нашей дискуссии. Он сказал, что членство НАТО означает, что если надо, другие члены альянса готовы умереть за вас. Мне кажется, что это высказывание является преувеличением того, что означает солидарность в этом контексте. Идея, что НАТО вступит в войну, и страны НАТО даже будут готовы умереть за Грузию, отвечает скорее самым отчаянным надеждам некоторых грузин и самым страшным опасениям некоторых абхазов, но она очень далека от сегодняшней практики НАТО. Страны НАТО не были готовы даже к тому, чтобы их солдаты гибли на войне в Косово в 1999 г., которая была первой войной, в которой участвовала НАТО. Подход НАТО к потерям заключался в нулевой терпимости – то есть, неприемлемости никаких потерь. Говоря об участии НАТО в боевых действиях в Афганистане, надо отметить, что некоторые её члены не желают терять там своих солдат. Существует масса вариантов того, как будут действовать члены НАТО в случае военного противостояния между Грузией и Россией. Эти страны НАТО совсем не обязательно будут гото-

вы умереть за Грузию. Последствия таких конфликтов могут быть самыми разными. Военный конфликт между Россией и Грузией далеко не означает, что Грузия будет оккупирована и, например, потеряет свой суверенитет. Было бы хорошо избегать таких драматичных высказываний в нашей дискуссии, которая и без того достаточно сложна.

Ян Хендрик ван Тиль. Мне не известно об официально оформленном подходе НАТО к внутренним спорам в государствах-членах. Обсуждение вопросов Грузии и Молдовы и замороженных конфликтов является делом в основном тех организаций, у которых есть инструменты для мирного решения конфликтов. Как эти организации поддерживаются соперниками с обеих сторон? Что находится вне сферы нашей компетенции на международном и внутреннем уровнях? Мне очень трудно представить себе какие-либо сценарии, при которых НАТО стала бы воевать на грузинской земле. В этом я с вами согласен. Что я подразумевал, говоря, что НАТО умрёт за Грузию? Кстати, эта фраза принадлежит не мне. Её сказал один высокопоставленный французский чиновник, которого я не могу назвать. Я её не придумывал. Это действительно категория, о которой думают. Главная идея статьи №5, сути НАТО – это особый альянс и солидарность. НАТО – это не просто ещё одно ОБСЕ, или ещё один клуб. Здесь существует особая и очень сильная солидарность.

Я вовсе не согласен с вашими примерами. Косово не было членом НАТО, Сербия не была членом НАТО. Это была операция вне пределов Альянса, где союзники попытались избежать потерь, но тем не менее ради солидарности были готовы пойти на жертвы. Конечно, из-за неравного распределения сил, к счастью для союзников, потерь со стороны союзников было меньше, чем с другой стороны. Я не совсем понял ваш анализ насчёт Афганистана. После 11 сентября США не просили об этом. Союзники НАТО в один голос объявили о своей солидарности с США. На основании солидарности НАТО принимала участие в операциях, подобных операциям в восточном Средиземноморье. Из солидарности на основе статьи №5, НАТО вошла в Афганистан и приняла на себя шаг за шагом всю операцию. В Афганистане гибнут союзники НАТО. Я бы сделал заключение, противоположное вашему. То, что мы наблюдаем в Афганистане, это то, что появляются пределы солидарности. Вы находитесь далеко от региона, у вас есть статья №5 о солидарности, но с другой стороны, этот театр военных действий находится довольно далеко от ядра евроатлантической солидарности. Вырисовываются пределы солидарности. Некоторые страны, например, Германия, в отличие от Канады и Великобритании, не желают

нести большие потери из-за внутренних политических причин. Конечно, это угрожает солидарности внутри Альянса. Я бы применил это и к другим регионам и задал вопрос, следует ли расширять НАТО с такой легкостью? Может быть в регионах, где союзники НАТО на самом деле не чувствуют такой же естественной солидарности по вопросам, которые на национальном уровне не воспринимаются как жизненно важные, возникнут похожие трудности?

Бруно Коппитерс. Мне кажется, высказывание о том, что государства-члены НАТО готовы погибнуть за других членов НАТО, сбивает с толку. Сбивать с толку здесь означает, что трудно использовать это выражение как критерий солидарности. Государства-члены НАТО сами должны решать, как они должны ответить на агрессию, угрожающую другому члену альянса. Статья №5 чётко гласит, что каждый член окажет помощь другому члену НАТО, который является жертвой агрессии, так, как он «сочтёт необходимым» для восстановления и обеспечения коллективной безопасности. Это вовсе не означает, что каждый член Альянса должен принести себя или своих солдат в жертву. Они могут применить другие меры, которые они считают нужными для восстановления коллективной безопасности. Констатировать, что все члены Альянса примут на себя обязательство умереть за Тбилиси, если это будет необходимо, совсем не то же самое, что сказать, что отдельные солдаты могут погибнуть, будучи посланными в другую страну в составе миротворческих сил. Российские солдаты гибнут в Абхазии, но это не означает, что Россия готова умереть, защищая Абхазию. Мне кажется, таких сбивающих с толку выражений необходимо избегать в дискуссиях относительно вступления Грузии в НАТО.

Арда Инал-Ипа. Существуют ли у НАТО какие-нибудь средства или механизмы, которые могут проконтролировать или остановить действия члена Альянса, неприемлемые для НАТО? Или достаточно надеть другую шляпу и вести себя как захочется, как это делают США в Ираке?

Ян Хендрик ван Тиль. Я не припоминаю никаких санкций, принятых против членов НАТО или союзников, за действия, предпринятые ими за пределами Альянса.

Джеймс Маккей. Я очень ценю вопросы и ответы докладчиков этой группы. Я не вмешивался, т.к. хотел дать докладчикам возможность высказаться. В этом конкретном случае, вопрос о том, существует ли формальный

процесс принятия санкций по отношению к союзникам? Нет. Но я могу перечислить целый ряд вещей, имевших место даже в этой стране, где мы сейчас находимся. Происходили неприемлемые для союзников события, угрожавшие ценностям Альянса, после которых поступили весьма суровые сигналы. На протяжении последних 20 лет Турция и Греция 4-5 раз приближались к состоянию войны, но это было предотвращено во многом благодаря неформальным переговорам и дипломатическому давлению, которые может оказывать такая организация, как НАТО. Можно ли сказать, что существует формальная процедура применения санкций? Нет. Но неформальные связи и давление, которые могут быть использованы, являются довольно сильными. Во второй половине дня я расскажу вам больше о том давлении, которое мы оказываем на Грузию.

Магдалена Фричова. Мой вопрос касается конструктивного диалога с Россией. Вы упомянули, что это то, что нам хотелось бы видеть. Мне кажется, что мы все разделяем мнение, что это на самом деле необходимо. Мой вопрос состоит в следующем: на каком уровне происходит конструктивный диалог? Насколько существенным являлся этот диалог, и на каком уровне вы можете предвидеть его в условиях общего отсутствия доверия? А также, не только общее восприятие того, что это попытка Запада закрепиться на территории её ближайших соседей, но и реальные представления России о том, что перед лицом коллективной природы альянса возникнут реальные последствия для бюджета России, и, возможно, ей придется перенаправить некоторые финансы на реагирование на возможное расширение. Насколько далеко зашли дискуссии о более существенных проблемах?

Сусанна Нис. Не существует односторонней картины конструктивного диалога с Россией. У нас есть несколько форумов для этого. Россию приняли в члены Совета Европы, хотя права человека там не особо соблюдаются, и условия вступления для России касательно вопросов меньшинств, были намного проще чем, например, для стран Балтии. Но это было сделано ради того, чтобы подогнать их под общие рамки, чтобы была возможность обсуждения. К сожалению, международный контекст настолько важен, что если у вас плохие отношения, как особенно сейчас между США и Россией, этого сразу сказывается на всём остальном.

Панель II. Политический контекст, влияющий на решение о вступлении Грузии в НАТО.

Сусанна Нис. Мы переходим к более конкретному обсуждению вопроса Грузии и НАТО в продолжение утренней дискуссии, которая касалась более общих вопросов о НАТО и её эволюции.

Андрей Рябов

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ И ЗАПАДА КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ПЕРСПЕКТИВЫ ВСТУПЛЕНИЯ ГРУЗИИ В НАТО

Нет сомнения в том, что перспективы вступления Грузии в НАТО в значительной мере будут зависеть от международного контекста, который в данном конкретном случае во многом определяется отношениями между глобальными игроками или участниками, США и Европейским Союзом, с одной стороны, и Россией, с другой. Причём для планов Грузии «чувствительными» могут оказаться как состояние отношений Запада и России на уровне мировой политики, так и по проблемам, затрагивающим ситуацию в столь конфликтном регионе, как Причерноморье. Правомерность такой постановки вопроса предопределяется еще и тем, что в современных условиях в международных отношениях доминируют принципы *Realpolitik*, при которых многие важные решения, затрагивающие судьбы небольших государств, принимаются, исходя из существующего баланса сил как в мировой политике в целом, так и в конкретном регионе.

За последние 1-2 года под влиянием обостряющихся противоречий между Россией и Западом появилось немало пессимистических прогнозов о кризисе отношений между ними, который якобы ведёт (если уже не привёл) к новой холодной войне. Подобные предположения, как минимум, не бесспорны. Однако значение их в том, что они поднимают тему устойчивости в отношениях Запада и России, которая чрезвычайно важна для понимания перспектив вступления Грузии в НАТО. В этой связи в рамках данной статьи автору хотелось бы в динамике рассмотреть различные стороны взаимоотношений США и Евросоюза с Россией в проекции их возможного влияния на реализацию планов Грузии по присоединению к

Североатлантическому Альянсу. При этом задача видится и в том, чтобы выделить те факторы, которые не подвержены воздействию конъюнктуры, и те, которые могут неожиданно внести существенные коррективы в позиции сторон и привести к изменениям в балансах сил.

США и Россия: будет ли пересмотр status quo? Взаимоотношения США и России охватывают, главным образом, геополитические проблемы. Это касается вопросов обеспечения стратегической безопасности, включая столь болезненную ныне для России тему, как размещение американской ПРО в Польше и Чехии; поддержание режима нераспространения ядерного оружия, включая такую весьма чувствительную уже для американцев тему, как российско-иранское сотрудничество в атомной сфере. США и Россия сотрудничают в борьбе с международным терроризмом, хотя и здесь есть важные аспекты, по которым у обеих сторон существуют серьезные претензии друг к другу. Так, американцы считают одним из главных спонсоров и вдохновителей международного терроризма Иран, в то время, как у Москвы с Тегераном сложились вполне конструктивные отношения. И иранцы неоднократно помогали России смягчить негативную реакцию исламского мира на действия российских военных в Чечне. В Кремле, напротив, склонны считать, что международный терроризм находит серьезную финансовую и политическую подпитку в мусульманских странах, являющихся союзниками США, в первую очередь, в государствах Персидского залива. Недавно в повестку дня российско-американских отношений прочно вошла тематика обеспечения энергетической безопасности, по которой развернулся интенсивный диалог. И, наконец, США и Россия тесно взаимодействуют по проблемам региональных конфликтов. В первую очередь, это касается конфликтов на постсоветском пространстве, где Россия по-прежнему является одним из наиболее влиятельных игроков. Хотя и на Ближнем Востоке, где Россия поддерживает тесные контакты с Сирией и Ираном, она также сохраняет за собой определенное влияние на ситуацию.

Существующая повестка дня не создает перспективу условий для развития сотрудничества между двумя странами и сближения их позиций, поскольку, во-первых, она практически исключает экономическую взаимозависимость, а, во-вторых, по ключевым проблемам мировой политики и безопасности расхождений в подходах сторон гораздо больше, чем точек соприкосновения. В то же время, пока Россия сохраняет за собой позиции важного игрока в вопросах обеспечения стратегической безопасности в мире, она будет восприниматься единственной сверхдержавой в качес-

тве неудобного, но неизбежного партнера. И это обстоятельство придает двухсторонним отношениям определенную устойчивость, не позволяет им переходить на тот уровень конфронтации, за которым могут начаться процессы, способные подорвать нынешний уровень поддержания безопасности в мире. Осознавая взаимную зависимость в вопросах стратегической безопасности, обе стороны в моменты максимального обострения отношений, находят в себе достаточно выдержки, чтобы избежать их дальнейшей эскалации. Так, нынешняя американская администрация неоднократно не реагировала на жесткие высказывания и действия президента Владимира Путина и его ближайших соратников о готовности России к новой гонке вооружений. Также и Путин сдерживал пыл влиятельных «силовиков» из своего окружения, мечтающих о возврате к таким отношениям военно-политического соперничества с США, которые существовали у Советского Союза во времена Леонида Брежнева и Юрия Андропова. Два отмеченных полюса во взаимоотношениях США и России, с одной стороны, продолжающееся ухудшение этих отношений, а с другой, понимание взаимной зависимости, в итоге создают определенное пространство для политического торга, которое активно пытается использовать в первую очередь российская сторона. Американцы до сих исходят из того, что торг с намного более слабым конкурентом едва ли уместен. Такой позицией они лишь раздражают Москву, укрепляя в ее руководящих кругах убежденность в приверженности США политике унилateralизма и гегемонизма.

Отрицательная динамика в отношениях между США и Россией за последние несколько лет, начиная с вторжения американцев в Ирак в 2003 г., привела к коллапсу доверия между двумя державами, который постепенно происходил после того, как в сентябре 2001 г. В.Путин поддержал операцию США против международного терроризма в Афганистане. Как справедливо отмечает один из ведущих российских специалистов в области международных отношений Дмитрий Тренин, ныне «ясно, что США и Россия уже вычеркнули друг друга из списков потенциальных партнеров... Каждая из сторон теперь рассматривает другую в лучшем случае как досадную помеху, в худшем – как потенциального противника»¹. При этом и в Москве, и в Вашингтоне считают нынешнее положение своих геополитических соперников неустойчивым. В российской столице полагают, что, увязнув в Ираке, США утратили способность быть мировым гегемоном и контролировать ситуацию в некоторых регионах мира. Поэтому проект однополярного мира, с точки зрения российских политиков, провалился. В Америке же расценивают сегодняшний подъем России, рост её влияния

1 Тренин Д. Почему Америка и Россия нужны друг другу // Pro et Contra, №2 (36), март – апрель 2007, с.9.

на мировую политику как явления временные, обусловленные лишь благоприятной мировой конъюнктурой цен на нефть и газ, представляющих собой главный предмет российского экспорта. Отсюда в столицах обоих государств возникают жёсткие внешнеполитические установки на использование любого удобного случая для того, чтобы при первой возможности, при первых признаках слабости конкурента попытаться потеснить его в той или иной сфере политики или в каком-то регионе мира. Особенно ярко это проявляется на постсоветском пространстве. К примеру, сразу после того, как США раскритиковали режим президента Ислама Каримова в Узбекистане за подавление протестных выступлений в Андижане, и официальный Ташкент в ответ выдворил из этой страны американские военные базы, их место тут же заняли российские воинские контингенты. Точно также после избрания президентом Украины Виктора Ющенко, которое произошло вопреки активному вмешательству России в украинскую избирательную кампанию на стороне его главного конкурента премьера Виктора Януковича, и американцы, воспользовавшиеся ослаблением позиций Москвы в этой стране, начали активно продвигать идею её вступления в НАТО.

Постсоветское пространство относится к числу наиболее конфликтных зон в российско-американских отношениях. Россия традиционно считает его сферой своих жизненных интересов и потому очень ревниво относится к действиям других глобальных игроков, в первую очередь, США, развивать сотрудничество с государствами региона, вовлекать их в собственную зону влияния. Существует весьма распространённое мнение, что это соперничество уже привело к фактическому расколу СНГ «на антироссийское объединение ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова) и прооссийскую группировку ОДКБ (Россия, Белоруссия, Армения, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия). Те же лояльные государства (без Армении) входят в экономическое ядро СНГ в виде ЕврАзЭС, а вместе с Китаем, но без Белоруссии и Армении – в ШОС»². Начиная с «революции роз» в Грузии в ноябре 2003 г. и особенно украинской «оранжевой революции» ноября 2004 г., в Москве стали подозревать Соединенные Штаты в том, что, поддерживая оппозиционные силы во многих постсоветских странах, они пытаются продвигать там идеи демократизации по американскому образцу, имея целью вырвать эти страны из-под российского влияния и, в конечном итоге, добиться смены политического режима и в самой России на послушный, прозападный. В то же время, пытаясь вступить в политический торг с Соединенными Штатами, Москва хотела бы сделать

2. Арбатов А. Москва – Мюнхен: новые контуры российской внутренней и внешней политики. Рабочие материалы Московского Центра Карнеги. М., 2007, №3, с. 17.

ситуацию на постсоветском пространстве предметом разменов с американцами, предлагая им уступки по другим проблемам в обмен на более лояльное отношение к российской политике в этом регионе мира³. Однако США в рамках проводимой администрацией Джорджа Буша политики унилатерализма не готовы идти на подобные размены.

Конфликтными являются и интересы сторон в регионе Черного моря. США уже с первых лет нынешнего столетия стали рассматривать этот регион как стратегический коридор, который должен обеспечить альтернативные Персидскому заливу пути транспортировки энергоносителей из стран Ближнего Востока и Центральной Азии на Запад. После начала военных операций в Ираке и Афганистане для США Причерноморье превратилось в регион, непосредственно примыкающий к зоне боевых действий. По этим причинам американцы в своей внешней политике взяли курс на расширение своего военно-политического присутствия в данном регионе с опорой на союзников по НАТО (Румынию, Болгарию, Турцию) и дружественные государства (Украину и Грузию)⁴. В военном плане реализация этих планов выразилась в подписании с Румынией и Болгарией соглашений о создании военно-морских баз (ВМБ) США в Констанце и Бургасе «в целях поддержания коммуникаций с воинскими подразделениями в Ираке». Примечательно, что эти базы должны располагаться рядом с начальными пунктами уже действующих или планируемых терминалов нефтепроводов Констанца – Триест и Бургас – Александрополис. По некоторым данным, американцы зондировали также возможность своего присутствия на военно-морских базах Украины (в Севастополе) и Турции (в Трабзоне)⁵. Другой важной мотивацией для создания американских ВМБ стали угрозы стабильности этого «тылового» для операций США на Ближнем Востоке региона, потенциально исходящие от наличия здесь четырёх замороженных конфликтов вокруг непризнанных государств – Приднестровья, Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха. В политическом же плане для укрепления позиций США в регионе актуальным стал вопрос о возможном приёме в НАТО новых Причерноморских государств – Украины и Грузии. При этом, когда попытка в ускоренном режиме инициировать процесс вхождения в НАТО Украины в 2006 г. провалилась, прежде всего,

3. См. Тренин Д. Россия пересматривает свою роль в мире и свои отношения с Западом // The Washington Quarterly. Цит. по русскому изданию: <http://www.inosmi.ru/print/233496.html>;

4. См. Язькова А. Крепкий морской узел. Большое Причерноморье становится зоной пересечения разнообразных геополитических интересов // Дипкуррьер, 14 мая 2007 г.

5. См. там же.

по внутривосточным причинам этой страны, американская администрация начала уделять повышенный интерес к вовлечению в Североатлантический Альянс Грузии, в которой, в отличие от Украины, подавляющее большинство населения поддерживает эту идею.

Расширение военно-политического присутствия США в Черноморском регионе, включая планы вхождения в НАТО Украины и Грузии, вызывают серьезную обеспокоенность в Москве, привыкшей рассматривать этот регион в качестве сферы своих жизненных интересов. К тому же, согласно российским взглядам на обеспечение национальной безопасности в Причерноморье, восходящим ещё к временам имперской России, начиная с середины XIX в., Южный Кавказ является первым стратегическим рубежом, призванным защитить страну с юга. Применительно к современным условиям это предполагает, что в данном регионе Россия хотела бы соседствовать с дружественными или, по крайней мере, с нейтральными государствами. Появление же здесь страны-участницы военно-политического блока, который в Москве до сих пор рассматривают в качестве несущего потенциальную угрозу для России, будет однозначно воспринято как слом всей системы безопасности в южном направлении.

В противовес американскому видению региональной безопасности в Причерноморье, стержнем которого является военно-политическое доминирование США в регионе с опорой на поддержку союзников по НАТО, Россия хотела бы, чтобы безопасность в регионе поддерживалась усилиями расположенных здесь государств, и в первую очередь, наиболее сильных в военном отношении – РФ и Турции⁶. И эта позиция в последние годы все чаще встречала понимание в Анкаре, в период пребывания у власти правительства Эрдогана⁷. Примечательно, что процесс сотрудничества между двумя странами в области безопасности развивался по мере ухудшения американо-турецких отношений, начиная с вторжения войск США в Ирак. Знаковым в плане российско-турецкого сближения стало присоединение Москвы к инициативе Анкары «Black Sea Four» по совместному военно-морскому патрулированию в Чёрном море для пресечения каналов транспортировки оружия, террористов, наркотиков.

Сомнительно, чтобы Россия в ближайшей перспективе согласилась на изменение баланса сил в регионе в пользу США и НАТО, которое неизбежно произойдёт в случае присоединения Грузии к Альянсу. Но едва ли и

6. См. Кожокин Е. Главные игроки в регионе - Турция и Россия // Today's Zaman, June 18, 2007. Цит. по русскому изданию: <http://www.inosmi.ru/print/235100.html>;

7. Мегаломматис М. Начало зловещей российско-турецкой оси // The American Chronicle, June 26, 2007. Цит. по русскому изданию: <http://www.inismi.ru/print235173.html>;

США пойдут на односторонние шаги, способные вызвать резкую реакцию России, особенно если это будет связано с рисками дестабилизации обстановки в этом «тыловом» для американцев регионе. К тому же в Вашингтоне, по-видимому, осознают, что у России остаются определенные рычаги влияния на ситуацию на Ближнем Востоке, например, через Сирию или, в меньшей степени, через Иран, которые Москва в условиях нынешнего состояния двухсторонних отношений при необходимости вполне может задействовать в неблагоприятном для американцев направлении.

До завершения полномочий нынешних американского и российского президентов Дж. Буша и В. Путина вряд ли что-нибудь может принципиально измениться в двухсторонних отношениях⁸.

Что же касается предстоящих в 2008 г. в обеих странах президентских выборов, то в отношении российских позиций каких-либо значимых изменений после мартовских выборов ожидать не приходится. Кто бы ни стал следующим главой Российского государства, ясно, что нынешняя властная элита («питерская команда» В.Путина) сохранит в своих руках ключевые позиции в управлении страной. И внешнеполитический курс РФ в целом останется прежним. Может быть, из него исчезнет нынешняя жёсткость, готовность в любой момент и по любому пикироваться с Соединенными Штатами, но принципиальные подходы, в том числе и к расширению НАТО, останутся прежними. И если Россия никак не могла влиять на прием в Альянс государств Балтии, а тем более бывших стран-участниц Варшавского договора, то в отношении ситуации на Чёрном море нынешний баланс сил в регионе позволяет ей сдерживать здесь неблагоприятные для Москвы изменения.

Сложнее сформулировать прогноз в отношении возможного влияния американских выборов на перспективы вступления Грузии в НАТО. Скорее всего, эти перспективы улучшатся, если к власти в Белом Доме придет кандидат от Демократической партии. Это будет означать, что уровень претензий Вашингтона к российской внешней и внутренней политике по части ее недемократичности и «неоимпериализма» на международной арене существенно вырастет. И страны, недовольные политикой России, в том числе и Грузия, получат, несомненно, большую поддержку у США. Однако и в этом случае ожидать от Вашингтона радикальных шагов, не взирая на российскую реакцию, пожалуй, можно лишь при условии, если американцам удастся серьёзно улучшить свои позиции в Ираке. Это сделает возможности для внешнеполитического выбора США в конкретных ситуациях более свободными.

8. McFaul M. Russia: Rebuilding the Iron Curtain. Testimony in the House Committee on Foreign Relations, May 17, 2007.

Сумеет ли повлиять на ситуацию Евросоюз? В отличие от Соединенных Штатов Европейский Союз связывают с Россией отношения экономической взаимозависимости. Так, с одной стороны, Европа получает из России 44% потребляемого ею газа, в то время как Россия поставляет в страны этого континента 67% от всего экспорта этого углеводородного сырья⁹. Времена, когда российские правящие круги хотели сделать свою страну частью «большой Европы» давно прошли. Теперь Россия гордится тем, что в силу благоприятной экономической конъюнктуры на мировых рынках, может играть роль самостоятельного центра силы на мировой арене. Поэтому Москва не намерена адаптироваться к требованиям ЕС в двухсторонних экономических отношениях, равно как и Евросоюз не собирается делать исключения из принятых им правил ради «российской специфики».

Обе стороны накопили достаточный объём претензий друг к другу. Евросоюз добивается ратификации Россией Энергетической Хартии, Протокол к которой предполагает обеспечение равного доступа независимых газопроизводителей к трубопроводной системе. На это Россия, политический и экономический строй которой базируется на господстве в экономике нескольких государственных и полугосударственных монополий, контролируемых влиятельными чиновничьими кланами, согласиться не может. ЕС выражает недовольство тем, что Россия во внешней политике все чаще использует экспорт нефти и газа как фактор давления на партнеров. Европейский Союз подчеркивает, что углубляющееся различие в ценностях, вызванное движением России по пути свертывания демократии, является серьезным препятствием для дальнейшего развития отношений.

В свою очередь, Россия недовольна тем, что как ЕС в целом, так и отдельные европейские страны препятствуют российским компаниям в приобретении пакетов акций в наиболее значимых отраслях экономики, прежде всего, в газовой и аэрокосмической. Думается, после того как ЕС, скорее всего, примет правовые нормы, запрещающие газопроизводителям владеть газораспределительными сетями в странах Союза, это недовольство еще больше усилится. Россия считает такую практику дискриминационной в том смысле, что ЕС добивается для своих производителей свободного доступа к газопроводной системе РФ, но сам не готов идти ни на какие уступки. Москву раздражает визовый режим для россиян при поездках в Европу. Российские правящие круги полагают, что граждане РФ ежегодно инвестируют в экономику стран Евросоюза миллиарды евро, и хотя бы это обстоятельство должно было бы заставить европейских чи-

9. Тренин Д. Почему Америка и Россия нужны друг другу // Pro et Contra, №2 (36), март – апрель 2007, с.9.

новников предпринять реальные меры на пути к поэтапной отмене визового режима. Кремль также выражает явное недовольство тем, что страны ЕС критикуют российские внутриполитические порядки и поддерживают прозападный крен в политике ряда постсоветских стран. Не нравится Москве и то, что и в вопросах, касающихся урегулирования конфликтов вокруг непризнанных государств на постсоветском пространстве, Евросоюз в подавляющем большинстве случаев солидаризируется с США.

Ситуация в российско-европейских отношениях всё больше напоминает тупик. При этом обе стороны предпринимают шаги, направленные на диверсификацию рисков, обусловленных слишком тесной экономической взаимозависимостью друг от друга. Так, отдельные страны ЕС принимают амбициозные планы постепенного сокращения доли нефти в топливном балансе. Евросоюз проявляет большую активность в плане поисков альтернативных маршрутов поставок газа из Центральной Азии в Европу, минуя российскую территорию. В ответ на это Россия всячески демонстрирует, что на её восточных границах появился новый потребитель российского газа, потенциально сравнимый с Европейским Союзом. Это Китай. Проблема, однако, состоит в том, что, несмотря на растущее недоверие и взаимные претензии, в течение ближайших 7-10 лет обе стороны будут вынуждены сохранять отношения тесного экономического партнерства. Именно этот срок потребуется ЕС для замены российских поставок газа на альтернативные пути. Что же касается поставок газа из РФ в Китай, то, по мнению специалистов, они едва ли возможны в значимых масштабах до 2013 г. В настоящее же время переговоры между двумя странами полностью зашли в тупик, поскольку цена в 100 дол. за 1000 м³ газа, на которой твердо стоит Китай, не покрывает даже себестоимости добычи российского сырья. Не исключено также, что после открытия в Синьцзян-Уйгурском районе КНР крупных месторождений природного газа, Китай в скором будущем утратит интерес к импорту газа из России.

В отличие от США, ЕС во взаимоотношениях с внешним миром выступает как *soft power*, которая делает упор на экономическое развитие, социальный и культурный прогресс. Это в полной мере относится и к региону Причерноморья. После вступления в ЕС в 2007 г. Румынии и Болгарии Брюссель намерен здесь играть более активную роль. Однако экономические рычаги влияния вряд ли окажутся эффективными. Перспективы вступления Турции в Евросоюз оказались подвешенными. Что касается Украины и Грузии, то и в отдаленном будущем вопрос об их присоединении к Союзу не стоит. Другие же формы экономического сотрудничества, предлагаемые ЕС, не могут сыграть роль столь же действенного инструмента модернизации

ции, которую сыграла для стран Центральной Европы и Балтии конкретная помощь ЕС этим странам при подготовке их вступления в Союз. Да и более ранний опыт Организации Черноморского Экономического Сотрудничества (ОЧЭС), которую ЕС сначала рассматривал как школу подготовки для вступления в Союз, показал, что для втягивания региона в сферу влияния у Брюсселя ресурсов пока не хватает.

Может быть, не случайно, что, понимая ограниченность своих ресурсов влиять на ситуацию в регионе с помощью инструментов экономического развития и модернизации, Евросоюз решил активизироваться в сфере урегулирования конфликтов вокруг непризнанных государств Южного Кавказа. Речь идет о плане, разработанном спецпредставителем ЕС на Южном Кавказе Питером Сэмнэби, предполагающем расширение участия ЕС в миротворческих процессах в регионе под эгидой ООН. Проблема, однако, в том, что Россия не считает Евросоюз сильным игроком в вопросах, касающихся безопасности и урегулирования конфликтов, и вряд ли намерена напрямую сотрудничать с ЕС по этой проблематике. Такая позиция основана на том, что у Евросоюза нет собственной военной инфраструктуры и что, несмотря на все усилия, государства-члены ЕС так и не смогли прийти к осуществлению общей внешней политики.

Что касается планов вступления Грузии в НАТО, то здесь Евросоюзу вряд ли удастся занять консолидированную позицию. Некоторые из крупных стран-участниц ЕС (Германия и Италия) настороженно относятся к этим планам, другие (Великобритания), напротив, поддерживают стремление Тбилиси присоединиться к Альянсу. Учитывая, что Россия активно использует в своих интересах различия между европейскими странами в их подходах к внешней политике, можно предположить, что Москва и дальше будет стремиться использовать эти противоречия с тем, чтобы создать для Грузии дополнительные трудности на её пути в НАТО. При этом очевидно, что Россия намерена действовать, прежде всего, через те страны, которые проявляют наибольший интерес в развитии двухсторонних отношений с РФ на основе поставок им или транзите через их территории, российских энергоносителей. Речь идет о таких странах как Германия, Италия, Греция, Болгария и Венгрия.

В то же время Москва явно преувеличивает расхождения в позициях между «старой» и «новой» Европой в рамках ЕС, между США и Евросоюзом. На самом деле, оппонировав американцам, европейские страны лишь «отстаивают своё право не участвовать в тех начинаниях Вашингтона, которые напрямую не касаются европейских интересов, но чреватые челове-

ческими потерями. Не более того»¹⁰. Этот вывод нашел свое подтверждение и в официальной позиции стран ЕС относительно планов США разместить национальную ПРО в Польше и Чехии. Несмотря на все старания Москвы, страны ЕС отказались от каких-либо попыток отговорить США от реализации их планов. В этой связи можно предположить, что если в Вашингтоне примут окончательное решение о поддержке вступления Грузии в НАТО, и оно не будет сопряжено с рисками дестабилизации ситуации в Черноморском регионе, страны ЕС, если не одобряют такую позицию открыто, то и не будут возражать ей.

Вызовы сочинской Олимпиады 2014 г. Принятие Международным Олимпийским Комитетом решения о проведении Зимних Олимпийских Игр 2014 г. в российском черноморском городе Сочи внесло определенные коррективы в отношении ситуации вокруг перспектив взаимоотношений России с Соединенными Штатами и Европейским Союзом и их влияния на перспективы вступления Грузии в НАТО. Большинство наблюдателей в России высказали в этой связи предположение, что теперь Москва будет просто вынуждена идти на снижение уровня конфронтации с Западом, и, прежде всего, продемонстрировать своё миролюбие, готовность к компромиссам на Южном Кавказе, в регионах, непосредственно примыкающих к месту проведения Олимпиады. И это потребует со стороны Кремля серьезных уступок Западу, а именно, отказа от поддержки Абхазии, с тем, чтобы грузино-абхазский и грузино-осетинский конфликты могли бы быть урегулированы к 2014 г. на принципах сохранения территориальной целостности Грузии. Согласно этим оценкам, вполне вероятно, что Россия должна будет проявить терпимость к вступлению Грузии в НАТО.

С одной стороны, такой сценарий представляется вполне вероятным. Однако нельзя не учитывать и факторы, которые могут сыграть против изменений в политике России в сторону большей уступчивости и толерантности. Во-первых, если внутривластное давление на Кремль со стороны наиболее активно настроенных антизападных сил, силовых структур и военно-промышленного комплекса (ВПК) окажется значительным, то президент страны, кто бы им ни стал, вряд ли пойдет наперекор позициям столь мощной коалиции. Во-вторых, в Москве допускают, что отказ от поддержки Абхазии может повлечь за собой обострение ситуации в западной части российского Северного Кавказа, населённой черкесскими народами. А это чревато опасной дестабилизацией всего региона и никак не улучшит ситуацию вокруг проведения Олимпиады. В-третьих, некоторые экспер-

10. Лукьянов Ф. Европа в офсайде // <http://www.gazeta.ru/column/lukyanov/1880936.shtml>;

ты полагают, что Россия в случае нежелания идти на уступки США и ЕС перед Олимпиадой вполне будет готова, чтобы провести её в «усеченном составе», с меньшим количеством стран-участниц, как это было во время Летних Олимпийских Игр в Москве в 1980 г.

Иными словами, в связи с предстоящей сочинской Олимпиадой появляются новые факторы, которые могут повлиять на отношения России с США и Евросоюзом в их проекции на перспективы вступления Грузии в НАТО. Однако, как конкретно сработают эти факторы, в настоящее время предсказать сложно.

Вместо заключения. Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что в настоящее время состояние отношений США и Евросоюза с Россией оказывает сдерживающее влияние на реализацию планов Грузии по вступлению в НАТО. Такая ситуация, судя по всему, сохранится до начала 2009 г. После же смены власти в США и России веер возможностей несколько расширится. Однако всё же решающее значение будет иметь баланс сил и влияния между США и Евросоюзом, с одной стороны, и Россией, с другой, прежде всего, в Причерноморье и в ближайших к нему регионах, таких, как Ближний Восток и Центральная Азия.

Джеймс Маккей

КАКИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ БУДУТ ВЛИЯТЬ НА РЕШЕНИЕ О ПРИНЯТИИ ГРУЗИИ В НАТО?

Я работаю в штаб-квартире НАТО и являюсь ответственным по вопросам Грузии. Я слежу за всеми аспектами отношений НАТО с Грузией, включая ИРАР и интенсивный диалог. Кроме того, я являюсь ответственным за Молдову. Однако, балансировать эти два дела довольно сложно. Вы можете вычислить, что я – американец, по моему акценту. Однако, я никогда не получал зарплаты от американского правительства. Я работаю непосредственно на Генерального Секретаря НАТО и нанят напрямую этой организацией.

В состав НАТО входят 26 стран. Если вы спросите о мнении НАТО, то получите 26 разных ответов. Существует всего несколько предметов, о которых можно сказать, что они являются мнением НАТО, потому что всё это должно быть согласовано между всеми 26 членами. Даже Генеральный Секретарь НАТО оказывается в затруднительном положении, высказывая то, что, как ему кажется, является мнением НАТО. Так что, я хочу сказать, что всё, о чём я буду здесь говорить, является моим личным мнением, потому что кого-то в одной из 26 стран может разозлить то, что я скажу.

Я хочу поблагодарить моих 2-х коллег за то, что они выполнили за меня столь сложную работу и рассказали о трансформации, которая происходила в НАТО на протяжении последней декады. Это фон того, о чём я собираюсь говорить.

Меня попросили рассказать о политическом контексте, который может повлиять на решение о приближении Грузии к НАТО. Я хотел бы обратить внимание на 2 главных аспекта. Во-первых, мне хотелось бы взглянуть на стратегические интересы НАТО и Грузии. Почему НАТО сотрудничает с Грузией? Во-вторых, каковы перспективы вступления в НАТО для Грузии, и каков процесс с этого момента?

Позвольте мне начать разговором о контексте. Если бы мне пришлось говорить о регионе, где существуют слабые демократические институты, нет правового государства, народ занимается контрабандой, торговлей людьми, наркотиками и оружием массового поражения, имеют место межэтнические конфликты, о каком регионе бы я говорил? На сегодняшний день в мире существует несколько таких регионов, попадающих в эту

категорию. Кавказ является одним из них. Но если вернуться на десять лет назад, то же самое можно было сказать о Восточной и Центральной Европе. В 1991-1992 г.г. не было ясно, достигнет ли Восточная и Центральная Европа успеха. Было много сомнений относительно политической жизнеспособности и демократического характера многих из этих новых, недавно приобретших независимость, государств. Мне кажется, что именно в этом контексте мы должны обсуждать, почему НАТО работает в этих регионах.

С точки зрения НАТО именно успех, достигнутый на протяжении последних 10-ти лет, оправдывает мотивированность того, что мы делаем в этих странах. Достигнув стабилизации в Центральной и Восточной Европе, мы продолжаем работать на Кавказе, Балканах, в Северной Африке. В этих регионах мы применяем ту же модель, что и в Центральной и Восточной Европе. Конечно, поскольку как политологи, собравшиеся за общим столом, мы прислушиваемся ко всем различиям между моделями Центральной и Восточной Европы и другими странами. Но я думаю, что многие инструменты, которые мы используем, являются одинаковыми, и я уверен, что мы можем добиться успеха.

Итак, каковы стратегические интересы НАТО в Грузии? Почему НАТО там? Есть две основные причины. Первая – жёсткая безопасность, вторая – мягкая безопасность. Жёсткая безопасность, мне кажется, была детально описана в докладе г-на Рябова. Я очень ему благодарен за представление нашему вниманию стратегического контекста. Много аспектов жёсткой безопасности было затронуто во время его выступления, поэтому я не буду вдаваться в них детально.

Совершенно ясно, что западные страны имеют свой интерес к энергетическим ресурсам и транзитным регионам, а также к базам для военных операций. Но, честно говоря, многие страны на Южном Кавказе или в Центральной Азии являются более важными в этом отношении, чем Грузия. Я бы назвал Казахстан и Узбекистан, которые с энергетической и военной геостратегической перспективы гораздо важнее, нежели Грузия. Грузия, разумеется, транзитная страна. Но она, конечно, не так важна, как Казахстан, являющийся одновременно и производителем энергии, и транзитной страной. Нет необходимости принимать страну в члены НАТО, для того, чтобы сделать ее надёжным поставщиком энергии или надёжной базой для военных действий. Мы сотрудничаем с целым рядом стран, которые не заинтересованы в членстве НАТО. Я бы назвал такие страны, как Казахстан и Армения, которые однозначно заявили, что не хотят быть членами НАТО. Для НАТО это не проблема. Мы не ищем новых союзников. Мы не собираемся идти и стучаться людям в двери, умолая: «Вступайте,

вступайте!»). Это создает для нас головную боль, потому что, как мы уже говорили об этом утром, между некоторыми членами альянса имеются огромные разногласия относительно того, можно ли принимать ту или иную страну, что делать с этими странами, являются ли они частью Европы или нет. Таким образом, целью нашего сотрудничества со странами не является попытка привлечения их в состав альянса. Оно направлено на то, о чём я расскажу во второй части своего доклада, – мягкую безопасность. Я опять хочу извиниться перед политологами, потому что это определение «мягкой безопасности» может немного отличаться от традиционно принятого в академических кругах определения.

Из десятилетнего опыта работы в Центральной и Восточной Европе НАТО сделала вывод, что страны, в которых есть демократия, свободная рыночная экономика, верховенство закона, являются более надёжными, стабильными и способными обеспечить свою собственную безопасность. Именно поэтому НАТО работает не только на Южном Кавказе, но и в таких регионах, как Балканы, Центральная Азия и Северная Африка. Если НАТО поможет этим странам стать более стабильными и демократичными, это значительно улучшит безопасность НАТО, поскольку без этой помощи эти страны могли бы стать источником или транзитом для международного терроризма, торговли людьми, наркотиками и оружием массового поражения. Таким образом, НАТО очень заинтересована в активной деятельности в этих странах. Ключевым моментом, который я хотел бы отметить, является то, что мы обнаружили, что те страны, которые способны обеспечить безопасность изнутри и могут развиваться изнутри демократически посредством свободной рыночной экономики, могут стать странами-производителями и обеспечителями безопасности, и, таким образом, не представлять собой угрозы в своём регионе.

Это подводит меня ко второй части моего доклада. Прежде чем я перейду к ней, говоря опять о стабильных демократических государствах, я хочу сказать, что мы ведём откровенные и открытые обсуждения с нашими коллегами из России на Совете «НАТО-Россия». Это – ежемесячные дискуссии. Мне кажется, это очень хорошо. Они непросты. Бывает, что кто-то кричит и бьёт кулаком по столу. Пока ещё никто не бил по столу ботинком. Мне кажется, очень важно вести такой диалог и то, что мы можем говорить конкретно о тех разногласиях, которые у нас имеются. Однако (я разговаривал с представителями Думы, я несколько раз ездил в Россию и встречался с там коллегами), мне пока не приходилось услышать убедительные аргументы о том, почему стабильные, демократические и финансово устойчивые страны представляют угрозу для безопасности России.

Главная проблема – убедить Россию, что новые государства-члены НАТО и те страны, с которыми мы сотрудничаем, будь то Украина или Молдова, став более стабильными, демократичными, способными лучше обеспечить безопасность свою и своего народа, вряд ли могут угрожать России. Благодаря своей экономической и политической силе, Россия всегда будет важна в этом регионе. Это неизбежно. Это – закон физики. Таким образом, если эти страны будут более стабильными, более надёжными партнёрами, кажется, что Россия, даже благодаря одной своей географии, будет иметь хорошую возможность быть активной и задействованной там в будущем.

Во второй части своего доклада я хочу немного рассказать о перспективах Грузии в сфере интеграции в НАТО. Это напрямую связано с тем, о чём я говорил в первой части – это продвижение ценностей. НАТО заинтересована в Грузии, потому что грузинское правительство и грузинский народ пытаются провести реформы, пытаются достичь высоких демократических стандартов. Я понимаю, что вчера вы долго обсуждали, как много надо ещё сделать грузинскому правительству в этом направлении. Безусловно, я согласен со многими из этих утверждений. Но мне кажется, что нельзя отрицать прогресса последних нескольких лет. Вы конечно можете утверждать, что правительство должно сделать гораздо больше, прежде чем завершится процесс перехода, но прогресс последних нескольких лет в целом ряде областей внушителен.

НАТО занялась бы Грузией независимо от того, хочет последняя стать её членом или нет. Как я сказал, мы активно работаем в Казахстане и Армении. У нас есть ИРАР с обеими этими странами. Таким образом, поскольку она входит в сферу наших интересов, это является главной причиной того, что мы работаем в Грузии. Союзники НАТО занимают очень чёткую позицию относительно этого. Это согласованная позиция Альянса. Мы будем работать с теми странами, которые стараются проводить реформы, и если страна стремится к вступлению в НАТО, то её двери открыты. Чтобы стать членом Альянса, достаточно обеспечить достижение стандартов.

Я затрону один из основных стандартов, который является главной ценностью НАТО, – это мирное разрешение конфликтов. Это то, на что мы неоднократно указывали грузинским властям. Без мирного урегулирования конфликтов не может быть и речи о перспективе вступления в НАТО. Вместе с тем, эти конфликты не могут блокировать дальнейшую интеграцию Грузии в НАТО, потому что никакая третья сторона не может наложить вето на стремления Грузии на её вступление в НАТО. Таким образом, если Грузия проводит свои реформы, делает доброжелательные, искренние попытки мирного урегулирования конфликта, конфликты не могут послужить поводом для вето.

Как это будет реализовано на практике? Мы упомянули об этом в предыдущей дискуссии. Насколько я понял, завтра мы начнем само обсуждение вопроса интеграции Грузии в НАТО, какое влияние это может оказать на грузино-абхазский конфликт. В данный момент у меня нет конкретных деталей. Также, как я не могу вам сказать, когда Грузия получит МАР или вступит в НАТО. Но я считаю, что у НАТО богатый опыт нахождения решений уникальным проблемам. Именно так этой организации удалось выстоять в последние десять лет. Это привело к созданию «Партнёрства во имя мира» и программ для Северной Африки. Мы найдём способ решить и эту проблему.

Что касается конфликтов, то у нас имеется только один документ, который затрагивает роль конфликта по отношению к расширению НАТО. Это – исследование о расширении НАТО 1995 г. До сих пор это исследование является основой для обсуждения вопросов о расширении Альянса. В документе говорится, что страны с территориальными конфликтами или этническими проблемами должны работать в направлении мирного решения этих проблем в соответствии с принципами ОБСЕ. Такие попытки будут рассматриваться как один из факторов, определяющих членство в НАТО. Означает ли это, что Грузия должна урегулировать конфликты прежде, чем сможет вступить в Альянс? Наша трактовка – нет, не означает. Какой путь должна проделать Грузия, чтобы приблизиться к МАР и следующему этапу? Это заключение должна сделать каждая из 26-ти стран индивидуально. У каждой из них свои стандарты. Но я думаю, что Грузия, на самом деле, находится на пути, ведущем в НАТО. Именно поэтому я от всего сердца принимаю участие в этой конференции. Очень важно начать обсуждение этих вопросов, так чтобы обсудить их реально и конкретным образом. На этом пути мы встретим ещё много проблем и вызовов, поскольку, как я уже сказал, Грузия подходит все ближе [к цели], и каким бы ни было политическое решение между Грузией и Абхазией, грузинский и абхазский народ всегда будут соседями. Таким образом, мы должны начать обсуждение этого вопроса самым существенным образом, потому что это будет важным изменением для Грузии.

Временные рамки неизвестны. Конечный пункт ясен. Я откровенно надеюсь и верю, что этот процесс интеграции в НАТО принесёт пользу всем народам региона. Я с нетерпением ожидаю продолжения нашей дискуссии. Я счастлив, что могу обсуждать более конкретные детали интенсивного диалога и МАР, поскольку я думаю, что г-н Рябов проделал очень хорошую работу, говоря на высоком стратегическом уровне. Я простой референт и мыслю на очень базовом конкретном уровне. Мне платят слишком мало,

чтобы думать о высоких материях. Но я рад, что имею возможность обсудить многие шаги и меры, которые мы принимаем с целью продвинуть процесс вперёд.

Ещё раз благодарю вас за приглашение. Спасибо, что выслушали меня. И с нетерпением жду дальнейших обсуждений.

Сусанна Нис. Спасибо, Джеймс, за ваш интересный вклад. Передаю слово нашему третьему докладчику из Брюсселя, г-ну Бруно Коппитеру.

Бруно Коппитерс

Докладчики предыдущей сессии отвечали на вопросы о политическом контексте, который может оказать влияние на решение о принятии Грузии в НАТО. Я же попытаюсь взглянуть на побудительные мотивы Грузии стать членом НАТО и на заинтересованность НАТО в интеграции Грузии или в том, чтобы сделать Грузию страной НАТО. Я проанализирую ожидания, имеющиеся у обеих сторон.

Надежды на вступление в НАТО возникли у Грузии более десяти лет назад. Ещё до заключения Дейтонского мирного соглашения в 1995 г., положившего конец войне в Боснии, в Грузии уже шли бурные обсуждения о роли военных действий в сепаратистских конфликтах и о потенциальной роли НАТО в Грузии. Президент Грузии Шеварднадзе обратился к НАТО с просьбой применить модель Боснии в Абхазии. Он говорил, что в Абхазии, так же как и в Боснии, имела место этническая чистка. Если военное вмешательство было необходимо в Боснии, оно необходимо и в Абхазии. Шеварднадзе придерживался этой позиции и в 1999 г., когда НАТО выступила против Сербии. Он отмечал, что грузинское население Абхазии пережило то же, что и албанские косовары, и поэтому ему требовалась аналогичная защита и гуманитарная интервенция со стороны международного сообщества. В этом случае применение «модели Косово» по отношению к Абхазии точно так же означало бы применение военной силы НАТО. В некоторых своих интервью Шеварднадзе был сравнительно благоразумен, заявляя, что существует разница между моделью Косово и её применением в Абхазии, в том смысле, что Запад не в состоянии взять верх над Россией в Совете Безопасности в случае с Абхазией. Но остальные грузинские чиновники отмечали, что решение НАТО вступить в войну против Сербии без согласия России было положительным. Его нужно поддерживать и помнить о нём при принятии решения об использовании силы в абхазском вопросе. Таким образом, все ожидали, что НАТО сможет сделать что-то относительно Абхазии, и, конечно же, военным путём. Главной задачей ставился выход из зашедших в тупик переговоров.

Теперь несколько слов об ожиданиях НАТО. Действительно, что когда имеется 26 членов, то между ними непременно будут существовать серьёзные разногласия – начиная с тех, кто поддерживает простое сотрудничество Грузии с НАТО, вплоть до тех, кто ратует за принятие Грузии полноправным членом НАТО. Но все государства НАТО, похоже, объединяет ожидание того, что интеграция Грузии в НАТО окажет положительное влияние на урегулирование её внутренних конфликтов. Правильны ли эти ожидания? Реалистичны ли ожидания Грузии относительно того, что НАТО хочет и может помочь вывести грузино-абхазские переговоры из тупика? Верны ли ожидания НАТО относительно того, что дальнейшая интеграция Грузии в НАТО поможет решить грузино-абхазский конфликт или грузино-российский конфликт?

Мы должны выделить несколько отличий. Вопрос Абхазии связан не только с историческим грузино-абхазским конфликтом, но и с историческим грузино-российским конфликтом. История обоих конфликтов совершенно разная. Исторически, грузино-абхазский конфликт стал частью грузино-российского конфликта о национальной идентичности и интересах. Мнения учёных о том, как проходила интеграция, различаются. Некоторые говорят, что грузино-абхазский конфликт всегда был связан или даже являлся частью грузино-российского конфликта, и что Россия всегда использовала заявления абхазов против грузин и даже провоцировала их выступления против Грузии. Другие, как например абхазский учёный Станислав Лакоба, заявляют, что грузино-абхазский конфликт стал частью грузино-российского конфликта во время войны 1992-1993 гг., но не до войны.

Так что, вопрос Абхазии подразумевает два разных вида национальных конфликтов. Один – внутригосударственный, грузино-абхазский, конфликт, и это всё-таки внутригосударственный конфликт, даже если Абхазия является де факто государством, и другой конфликт – межгосударственный конфликт между Россией и Грузией. Говоря о различных ожиданиях от интеграции Грузии в НАТО, мы не должны забывать об этом различии.

Более того, если мы говорим о разрешении национальных конфликтов, мы говорим о различных аспектах разрешения конфликта. Конфликт подразумевает несовместимость позиций сторон относительно их идентичности и интересов. Другие определения, релевантные в данном контексте, которые могут быть применены по отношению к грузино-российскому и грузино-абхазскому конфликтам, это: первой целью разрешения конфликта является *предотвращение конфликта*: несовместимость позиций не должна перерасти в открытое насилие. Вторая цель – это *трансформация конфликта*: позиции партнёров должны быть более совместимы. Невоз-

можно трансформация конфликта, когда идентичность и интересы расходятся ещё дальше. Третья цель разрешения конфликта, которая может быть применена в случае грузино-абхазского конфликта, – это *урегулирование конфликта*: стороны должны найти соглашение по общим конституционным рамкам. Совместное принятие решений докажет, что найдена совместимость идентичности и интересов.

Если мы разграничим эти различные факторы, то сможем сделать вывод, что влияние интеграции Грузии в НАТО на грузино-российский и грузино-абхазский конфликты может оказаться положительным по отношению к некоторым из целей, но далеко не обязательно ко всем из них. Эти различные цели должны быть реализованы в разные промежутки времени. Для трансформации конфликта требуется долгий период времени. Предотвращение конфликта, наоборот, может быть осуществлено за более короткий срок.

Если конфликт характеризуется несовместимостью идентичностей и интересов сторон, то со временем они могут трансформироваться. Стороны могут изменить свои взгляды на то, как они воспринимают друг друга, как они воспринимают себя и как они определяют свои интересы. В литературе о разрешениях конфликтов трансформация обычно описывается как нечто положительное. Трансформация конфликта необходима как условие для разрешения конфликта. Но также существуют примеры негативной трансформации конфликта, когда идентичности сторон, то, как они воспринимают друг друга, уже негативны и со временем становятся более негативными. Трансформация грузино-осетинских отношений на протяжении последних нескольких лет является ярким примером такой негативной трансформации. Поэтому нужно быть очень внимательным к этим различиям между положительной и отрицательной трансформацией конфликта.

Что мы хотим видеть, так это положительную трансформацию конфликта, трансформацию несовместимых позиций сторон в совместимые таким образом, чтобы стороны могли работать вместе. Традиционный пример этого – исторические разногласия между Францией и Германией. На протяжении предыдущих столетий они много воевали между собой, но первой инициативой, предпринятой новоизбранным президентом Франции, была поездка в Берлин для обсуждения вопросов об улучшении форм сотрудничества. Исторический конфликт был разрешён. Этот процесс является следствием положительной трансформации конфликта.

Если мы говорим о положительном эффекте вступления Грузии в НАТО, мы должны проанализировать последствия этих различных форм

разрешения конфликтов. Мой тезис в следующем: совместное членство двух конфликтующих сторон в международной организации по безопасности может оказать положительное влияние на предотвращение конфликта, трансформацию конфликта и урегулирование конфликта, и, таким образом, на решение конфликта в целом. Но ситуация во внутригосударственных и межгосударственных конфликтах будет совсем иной, если одна из сторон примкнёт к международной организации, а другая останется за её пределами. Такие ситуации должны быть рассмотрены отдельно.

Имеется много примеров того, когда внутри ЕС, ОБСЕ или НАТО между двумя суверенными государствами имеются национальные конфликты, а также конфликты касательно национальной идентичности и интересов, и их интеграция в эти организации оказывает позитивное влияние на предотвращение, трансформацию и урегулирование конфликта. Во время холодной войны в рамках СБСЕ и ОБСЕ Германия и Польша достигли успехов в вопросах касательно их границ и территориальной целостности. Этот процесс ускорился благодаря процессу вступления Польши в ЕС. Даже несмотря на то, что разногласия между Германией и Польшей сохранились и после 2004 г., был достигнут значительный прогресс по сравнению с ситуацией, существовавшей до 2004 г. То же самое можно сказать об отношениях Германии и Чешской республики. Это не означает, что все политические проблемы между этими странами решены, но существует явный прогресс относительно фундаментальных вопросов их национальной идентичности. Та же ситуация существует между Ирландией и Объединённым Королевством. Прогресс в вопросе Северной Ирландии и, в особенности, Белфастское соглашение, является результатом сотрудничества между Ирландией и Объединённым Королевством в рамках ЕС после вступления обеих стран в 1973 г. В отношениях между Грецией и Турцией наблюдаются серьёзные подвижки в сторону решения конфликта. В этом случае мы видим положительную трансформацию конфликта, где совместное членство в НАТО и перспективы совместного членства в ЕС, где Греция поддерживает кандидатуру Турции на членство в ЕС, играет важную роль.

Можем ли мы ожидать такого же результата для Грузии после её вступления в НАТО по отношению к её конфликту с Россией? Здесь мы можем провести параллель с Балтийскими странами. Перспективы вступления в ЕС и НАТО до 2004 г. и их интеграция в обе организации в 2004 г. сыграли огромную роль в их отношениях. Это имело положительный результат в сфере предотвращения конфликта. На сегодняшний день трудно даже представить себе открытый военный конфликт между Россией и странами Балтики. В таком случае к нему подключились бы НАТО и ЕС на стороне

Балтийских стран. Их членство в обеих организациях стимулирует все стороны избегать открытых конфликтов. Но с другой стороны трудно утверждать, что трансформация конфликта прошла в положительном смысле. Наоборот, отношения между Россией и странами Балтики в некотором смысле ухудшились с тех пор, как они стали независимыми государствами. Во время распада Советского Союза Ельцин поддержал независимость Балтийских стран. Но сегодня невозможно говорить о разрешении конфликта, когда смотришь на глубокие разногласия между Балтийскими странами и Россией относительно вопросов национальной идентичности и ключевых государственных интересов. Таким образом, существуют противоречия между положительными последствиями для предотвращения конфликтов, с одной стороны, и отрицательными последствиями для трансформации конфликтов, с другой. Есть основания предположить, что похожие разногласия могут возникнуть и в Грузии, если она станет членом НАТО.

В случае грузино-абхазского конфликта мы говорим о внутригосударственном конфликте. Здесь уроки другого порядка. Ближайшим примером является Кипр, хотя в этом случае мы имеем дело с влиянием интеграции его признанного правительства не в НАТО, а в ЕС. В отличие от большинства национальных конфликтов в Европе существует проблема с де факто государством на Северном Кипре, что означает, что здесь существует государственная власть, осуществляющая контроль над частью территории Кипра и его населением. Эта часть территории Кипра формально является частью ЕС, его граждане формально являются гражданами ЕС, но она не подконтрольна признанному правительству Кипра и всех институтов ЕС. Похожая ситуация возникнет в случае, если Грузия станет членом НАТО: Абхазия и Южная Осетия будут формально частью территории НАТО, но вне пределов контроля Грузии-члена НАТО.

На Кипре главной целью до 2004 г. и до его вступления в ЕС не являлось предотвращение конфликтов. Никто не считал реально возможной войну между Грецией и Турцией. Главными целями были трансформация и урегулирование конфликта. ЕС не сыграл прямой роли в посредничестве в урегулировании конфликта, во то время как ООН работала над компромиссным решением, т.н. планом Аннана.

В начале переговоров о вступлении в ЕС, турки-киприоты были категорически против членства в ЕС. Позднее они одобрили это решение, особенно после того, как увидели, что они могут получить политическое равенство посредством совместной интеграции с греками-киприотами в ЕС. Таким образом, мы имеем дело с позитивной трансформацией конфликта. Турки-киприоты увидели своё будущее вместе с греками-киприота-

ми. ООН-овский план Аннана предлагал им надежные институциональные гарантии защиты их идентичности, интересов и равенства с общиной греков-киприотов.

Сначала греки-киприоты поддерживали вступление в ЕС, но их позиция относительно плана Аннана ужесточилась из-за твёрдого обещания ЕС, что они смогут вступить в ЕС даже без воссоединения острова. Членство в ЕС дало им шанс и даже повод отказаться от плана Аннана, т.к. у них были реальные перспективы усилить свои позиции после вступления в ЕС и начать переговоры о новом плане, который будет больше отвечать их интересам.

Таким образом, мы наблюдаем позитивную форму трансформации конфликта для общины турков-киприотов в Северном Кипре и негативную форму трансформации конфликта для общины греков-киприотов на юге Кипра. После провала плана Аннана из-за сопротивления греков-киприотов, Евросоюз заявил, что не будет соблюдать нейтралитета, поскольку Кипр теперь является членом ЕС. У ЕС ограничены возможности для вмешательства в этот конфликт и оказания помощи в его решении. Его возможности как медиатора или фасилитатора были бы намного выше, если бы Кипр не был членом ЕС. Греки-киприоты возможно приняли бы план Аннана на референдуме 2004 г., если бы это было условием для вступления в ЕС.

Так как же объяснить все эти различия между положительным влиянием совместного принятия конфликтующих сторон в международную организацию по безопасности и отрицательным влиянием в случае, если только одна сторона становится членом такой организации? Многое зависит от того, увеличивает или уменьшает членство равенство сторон. Это является первым объяснением существования различных последствий вступления для трансформации конфликта. Трансформация конфликта может быть положительной, если обе стороны становятся членами организации, которая даёт им возможность участвовать на равных в международном обеспечении безопасности, и отрицательной, если в организацию вступает только одна сторона.

Второе объяснение различных потенциальных результатов членства в международной организации по безопасности нужно искать в функционировании многосторонней системы типов коммуникаций между сторонами. Трудно добиться позитивной трансформации конфликта, если переговоры проходят исключительно на двустороннем уровне. В рамках многосторонних переговоров коммуникация может оказать более положительное влияние на трансформацию конфликта. Если бы Германии и Франции пришлось

решать свои разногласия исключительно на двустороннем уровне, они не смогли бы прийти к таким положительным результатам, каких достигли посредством совместного членства в западных организациях, и, в первую очередь, в ЕС. Именно в составе Евросоюза смогли сблизиться Ирландия и Великобритания..

В-третьих, когда стороны, которые хотят разрешить национальный конфликт, вместе вступают в международную организацию по безопасности, они увеличивают количество общих правил, которые они обязаны соблюдать. Это тоже способствует положительной трансформации конфликта.

Из всех этих трёх объяснений вопрос равенства, возможно, является одним из самых существенных. Если две враждующие стороны становятся членами одной и той же организации, то их совместное членство и общее суверенное равенство приведёт к взаимному уважению их равноправия. Элемент равенства очень важен для сотрудничества в рамках многосторонней структуры и совместного членства в такой организации, как НАТО, основанной на своде правил. И, наоборот, если одна из сторон остаётся вне пределов многосторонней структуры, таким образом возрастает их неравенство. В таком случае им приходится пытаться решить свои разногласия на двустороннем уровне.

В случае турецко-греческого национального конфликта, обе стороны являются членами НАТО, и Греция поддерживает вступление Турции в Евросоюз. Это вступление окажет дальнейшее содействие в разрешении их конфликта. Такое совместное вступление увеличит их равенство, их общение и количество правил, которые они должны будут совместно соблюдать. Но если Грузия получит доступ в НАТО, то суверенное равенство, взаимное общение и количество правил, которые должны будут совместно соблюдать Россия и Грузия, не увеличатся.

В случае внутригосударственного конфликта между Грузией и Абхазией уже существует ощутимое неравенство из-за требований относительно членства и участия в международной организации по безопасности. По традиции суверенитет является основным условием для членства, а так же для участия в международных организациях, помимо ЕС, когда дело касается участия. В Совете министров ЕС федеративные штаты и регионы обладают ограниченной формой участия. Членство Грузии в НАТО не даст Абхазии никакой возможности участия в этой организации. Таким образом, это увеличит уровень неравенства между Грузией и Абхазией, осложнит их отношения и не приведёт к общим правилам, которых они должны будут вместе придерживаться.

Что касается Кипра, план Аннана нашёл решение относительно вопро-

са равенства, взаимоотношений и соблюдения общих правил для несuverенных сторон. Если бы план Аннана был принят, ЕС дал бы одинаковый вес общинам и греков-киприотов, и турков-киприотов. Представители греков-киприотов и турков-киприотов в Совете Европейского Союза (Совете Министров) представляли бы не каждый свою общину, а государство Кипр в целом. Это было бы формой равенства. Это сделало бы привлекательным ЕС для турков-киприотов. Но на данный момент такое решение невозможно найти в рамках НАТО. НАТО не даёт никакой формы выражения несuverенным сторонам. В этом смысле НАТО более негибкая организация, нежели ЕС.

Сегодня утром Джеймс сказал, что демократические государства становятся провайдерами безопасности. В какой-то мере это верно на международном уровне, но это утверждение также относительно. США не обеспечили безопасность в Ираке, несмотря на то, что решение об Ираке было принято довольно демократично. $\frac{3}{4}$ населения США поддержали войну. Конгресс тоже поддержал её. Было бы трудно заручиться более демократической поддержкой этого решения. Утверждать, что демократические государства являются гарантами безопасности, ещё сложнее во внутренних конфликтах. В таком случае нет ограничений с точки зрения правовых норм на право центрального правительства на силовое вмешательство. Я помню, как однажды во время первой Чеченской войны 1994-96 гг. президент Клинтон заявил, что он сравнил бы роль Ельцина в чеченском конфликте с ролью Линкольна в гражданской войне в Америке. Так что, демократия и применение силы во внутригосударственных конфликтах не исключают друг друга. Относительно грузино-российского конфликта, вступление Грузии в НАТО создаст новые формы неравенства. На данный момент Россия является более сильной стороной конфликта. Членство Грузии в НАТО создаст другой вид неравенства. Грузия – очень маленькая страна по сравнению с Россией, но она, как часть большой организации, попытается превратить свой конфликт с Россией в конфликт между НАТО и Россией. Разногласия Грузии с Россией автоматически перейдут в повестку дня переговоров между НАТО и Россией. Это так и не станет многосторонним взаимодействием. Это будет происходить на двустороннем уровне НАТО-Россия.

Но у НАТО также будет возможность способствовать предотвращению конфликта между Россией и Грузией. Это может произойти подобно тому, как российская поддержка Абхазии улучшила ситуацию с предотвращением ее конфликта с Грузией. Ахазия получила поддержку от России, которая превратила грузино-абхазский конфликт в конфликт между Грузией

и Россией. Это улучшило ситуацию в сфере предотвращения конфликта, но ухудшило перспективы трансформации и урегулирования конфликта. Это называется сохранением статуса-кво и замораживанием переговоров. Нечто подобное может произойти, если грузино-абхазский и грузино-российский конфликты будут переведены на уровень отношений НАТО—Россия.

Таким образом, можно заключить, что ничего существенного не последует после вступления Грузии в НАТО. Я предполагаю, что её вступление в организацию затронет отношения между Россией и НАТО, поможет предотвращению возникновения насильственных конфликтов между Россией и Грузией и между Абхазией и Грузией, но увеличит разногласия конфликтующих сторон относительно их идентичностей и интересов. Я не могу себе представить, как вступление Грузии в НАТО сможет оказать положительное влияние на трансформацию или урегулирование конфликта.

Результат, скорее всего, не будет существенным. Бельгия не умрёт за Грузию и Россия не умрёт за Абхазию. Что я могу ожидать от этого, так это дальнейшего замораживания грузино-абхазского и грузино-российского конфликтов. Мы можем заключить, что грузины не достигнут целей, которые они связывают со вступлением в НАТО, или более конкретно, не оправдывается их ожидание того, что вступление в НАТО поможет вывести из тупика грузино-абхазский конфликт. Ожидания НАТО, что интеграция Грузии сможет способствовать решению её национальных конфликтов, тоже должны рассматриваться как чересчур оптимистичные, но не очень реалистичные.

ОБСУЖДЕНИЕ

Ибрагим Чкадуа. Проработка решения проблемных ситуаций необходима уже сегодня. Так как Грузия выступает в роли кандидата в члены НАТО, а затем и как член НАТО, может возникнуть конкретная ситуация, когда на территории кандидата, т.е. Грузии, а в абхазской интерпретации, конечно, на её границе располагаются миротворческие войска России. Предполагает ли устав НАТО такую ситуацию – нахождение вооружённых сил ненаатовского государства на подконтрольной территории натовского государства?

Джеймс Маккей. Это интересный вопрос, но я не думаю, что полезно слишком много говорить о всех этих возможных сценариях. Будем справляться с ними по мере их возникновения. Мне кажется, чем больше Грузия

приближается к ... но давайте сначала проясним, где мы находимся сейчас в данном процессе. Вступление Грузии в НАТО – это далёкая перспектива. Это не произойдёт в 2008 или 2009 г. Когда это произойдёт? Я не знаю. Но эти реальные вопросы относительно статьи №5 ... я хочу сказать, что здорово строить предположения, но... Но мы говорим о том, что будет в будущем. И эти реальные вопросы о том, как НАТО отреагирует на ситуацию, когда Грузия будет иметь статью №5, это то, с чем нам не придется иметь дела довольно долгое время. Я хотел бы ответить Бруно на его высказывание о том, будет ли интеграция полезна или нет. Какая Грузия, вероятнее всего, начнёт конфликт с Абхазией? Грузия, которая демократична, у которой есть гарантии безопасности и, таким образом, не боится за выживание государства? Грузия, в которую поступают миллиарды долларов иностранных инвестиций? Или Грузия, которая не очень демократична, не имеет сильных гарантий безопасности и слаба экономически? Которая из этих двух Грузий будет более склонна резко отреагировать и начать конфликт с Абхазией? Я уверен, что последняя. Я знаю, я не отвечаю на ваш вопрос. Вероятнее, что недемократичная Грузия вне НАТО скорее вызовет конфликт с Абхазией, нежели демократическая и стабильная Грузия в составе НАТО. В течение нескольких следующих лет мы будем наблюдать за развитием отношений между НАТО и Россией. Обсуждается вопрос о возможности введения миротворческих сил НАТО-России в Приднестровье. Надо проделать долгий путь, прежде чем придется думать о конкретных вопросах такого характера.

Андрей Рябов. Я думаю, что уже сейчас возникает целый ряд проблем, вопросов, которые неизбежно будут очень острыми, если вопрос вступления Грузии в НАТО будет переведен в повестку дня реально, в реальную повестку дня, в плоскость практических политических решений. В первую очередь, это касается российских политиков, я не вижу, чтобы они об этом думали. Есть две очень важные проблемы. Если Россия, как сказал бы президент Путин, *исходит* из принципа территориальной целостности Грузии, то каким образом будет решаться проблема Сочи и сочинской Олимпиады? Почему это так важно? Одна маленькая деталь. Два года назад правительство Российской Федерации приняло новое законодательство, решение о пограничной зоне, 30-ти километровой пограничной зоне, свободный доступ к которой не только иностранцев, но и граждан Российской Федерации существенно затруднён. Даже в такой национальный заповедник, один из символов национальной гордости – Печорский монастырь в Псковской области, который находится в непосредственной близости от границы с

государством-членом НАТО, Эстонией, доступ рядовым российским гражданам ограничен. Просто так посетить места пребывания великого поэта сейчас вы не можете. И вот представьте себе ситуацию с городом Сочи, который находится в 20-ти минутах езды на такси от государства НАТО. И не просто город Сочи, а город, куда инвестировала абсолютно вся российская элита, город, где размещается резиденция господина президента, премьер-министра, резиденции Газпрома, Роснефти и т.д., и т.п. Каким образом это всё вмещается? Как это решать? Я не знаю, у меня нет решения. Я не пограничная инстанция правительства Российской Федерации. Но я вижу, что создаётся масса проблем, когда отвечаешь на вопрос – как это решать? Второй вопрос, также связанный с возможностью Олимпиады, возможностью сочинского аэропорта. Принять такое количество самолетов, которое бы вместило туристов, журналистов со всего света, сложно. Очевидно, что вопрос о Сухумском аэропорте так или иначе возникнет. Сейчас об этом никто не хочет думать. Но он возникнет. Как в этих условиях это решать? Я повторяю, что у меня нет ответа и я не могу решать это. Но я считаю, что эти практические вопросы должны обсуждаться уже сейчас. Хуже, когда политические решения столкнут нас с этими вопросами, у которых нет решения. Поэтому мне представляется, что это те вопросы, которые имеют вроде бы техническое отношение, но для обсуждения проблемы в большом формате они должны рассматриваться как вопросы политические.

Вопрос. Вы не думаете, что нужно просто подождать пять лет, а надо решать уже сейчас?

Вопрос. Андрей, можно провести Олимпиаду в другом государстве?

Андрей Рябов. Безусловно, с точки зрения сегодняшнего дня, в данном случае согласен с тезисом, который прозвучал в докладе, что возможна трансформация конфликта, введение в него каких-то новых ценностей. Это создает новые возможности. Я хотел подчеркнуть, что в нынешний период эти проблемы не решаются. Видимо, действительно, Бруно правильно сказал, что время – это лучший способ что-то здесь изменить...

Магдалена Фрицова. Что вы можете сказать о шансах принятия Грузии в НАТО, если она превратится в сильную Грузию с сильными институтами и крупными иностранными инвестициями, но очень авторитарную и недостаточно демократичную? В Грузии очень много голосов из оппозиции, которые намекают на то, что такого рода процессы уже происходят.

Мой вопрос г-ну Рябову. Наблюдая за событиями в России по СМИ, создаётся впечатление, что понятие обиды сильно – «как можно так обидеть Россию!», когда речь идёт об отношениях Запада с Россией. Это всё более заметно в политическом дискурсе, в СМИ и в общественном дискурсе. Мой вопрос к вам: как вы оцениваете полемику о возможном вступлении НАТО в Грузию? Когда Бруно говорит, что, по его мнению, это заморозит отношения. Что вы можете ответить на это?

Джеймс Маккей. Я не верю, что авторитарная Грузия может быть сильной, сильной также в экономическом смысле. Грузия слишком маленькая. Она не сидит на нефтяных ресурсах. Только большие государства с крупными природными ресурсами могут быть такими сильными и богатыми одновременно. Грузинское государство знает, что если оно начнёт войну с Абхазией и начнёт ... мы обсуждали это за обедом ... что же тогда станет последней каплей, пределом для грузинского правительства? Уже сейчас прямые иностранные инвестиции во много раз превосходят иностранную помощь. Это гораздо больше, чем счёт «Вызов тысячелетия». Это гораздо больше, чем даёт Евросоюз. Так по каким же причинам эти инвестиции перестанут поступать? Одной из них будет ситуация, когда Грузия спровоцирует конфликт. Совершенно ясно, что многие инвесторы сказали правительству Грузии: «Мы придём сюда, если вы обеспечите мирное разрешение конфликта». То есть, существует такой предел, последняя капля У Грузии просто нет природных ресурсов, чтобы справиться самой. Сильная Грузия будет полностью интегрирована в европейские и евроатлантические организации. Если она не будет полноценным членом, то, по крайней мере, будет связана с ними.

Андрей Рябов. Конечно, мы должны принять во внимание эти позиции относительно подъёма российского патриотизма к тому, кто нас обидел. Но какое влияние может иметь это на реальное принятие решений во внешней политике? Мне кажется, что именно из-за таких распространённых в общественном мнении и центрах, где принимаются решения, позиций многие представители правящей элиты не думают, что вступление Грузии в НАТО может произойти в ближайшем будущем. Это может произойти в далёкой перспективе, но не в ближайшие 2-3 года. Поэтому, если не обсудить это сейчас, мы можем забыть об этом на некоторое время. Мой вопрос о Сочи тоже имеет отношение к этому вопросу, потому что правящая элита не задумывается об этом. Они думают, что у России сейчас много шансов отложить этот вопрос из-за большого количества проблем в черноморском пространстве и из-за того, что ЕС больше сосредоточен на внутренних

проблемах. Расширение НАТО тоже происходит с затруднениями. На сегодняшний день США не столь сильны и также сосредоточены на вопросах Ирака. Таким образом, эти вопросы могут быть постепенно отложены. Таково моё мнение.

Александрос Яннис. Куда ведёт Россия по вопросу Косово и каким будет урегулирование для России? Если Косово получит независимость, и Россия не будет согласна, как это повлияет на Абхазию и какой будет реакция России на это?

Андрей Рябов. Я не думаю, что российское правительство имеет какую-нибудь возможность и интерес выработать свой план относительно Косово. Основная позиция такова – дайте сербам и албанцам возможность достичь компромисса безо всякого участия. Примите во внимание позицию правительства в Белграде, сербов. Если, например, после возможного вето России на Совете Безопасности ООН США и Евросоюз официально признают Косово без какого-либо соглашения с Россией относительно постсоветских стран или каких-либо обещаний России, мне кажется, что шансы Абхазии и Южной Осетии быть признанными 50/50. Результат будет зависеть от многих факторов – (1) позиции различных групп вокруг Путина, поскольку некоторые из них имеют различные взгляды на вопросы внешней политики на Кавказе, на доктрины национальной безопасности. (2) Позиция президента Путина. Проблема в том, что, с одной стороны, он хочет показать западному сообществу, что они больше не должны игнорировать наши интересы и проблемы, иначе он может принять неприятные для вас решения. Вместе с этим, Путин как политический лидер, в отличие от Ельцина, не любит принимать решений. Он предпочитает откладывать или передавать решения, или просит своих советников или членов правительства разработать решение и вернуться к нему для дальнейшего обсуждения. Итак, по-моему, шансы равны, 50/50. Невозможно предсказать, как поведёт себя Кремль после этого. Это будет зависеть от многих факторов, включая ситуацию на данном этапе.

Арчил Гегешидзе. Вы отметили, что российское правительство продемонстрировало свою гибкость, которую никто не ожидал, это было неким приятным сюрпризом. Эта гибкость относится лично к президенту или же она как-то характеризует всю систему принятия решений в стране? И если это первое, то что мы знаем в отношении господина Путина в смысле гибкости, и если второе, то насколько устойчива эта система принятия

решений... в смысле гибкости? Это первый вопрос. Второй вопрос об известной проблеме, связанной с Габалинской РЛС. Насколько это предложение России может влиять на двусторонние отношения с Ираном и вообще российско-иранские отношения, существует такое стратегическое партнерство во многих делах, в том числе по отношению к Западу? Повлияет ли это на будущие отношения? Что же касается Косово, то у меня нет вопросов, у меня есть комментарии. Я вчера попытался в одном из своих ответов на вопросы выразить такое мнение, что внешняя политика России по Косово мотивируется тем, что Россия... я согласен, что не в той степени она заботится о сербах или о ком-то другом, главный интерес в том, что она хочет утвердить и создать прецедент в такой формуле в отношении к этой проблеме, которая на постсоветском пространстве гарантировала бы дальнейшее *сохранение* (?) замороженных конфликтов, т.е. пусть договариваются стороны и после этого мы, значит, решим конфликт, а договариваться, переговариваться можно десятилетиями. В чём Россия, как мы понимаем, в основном заинтересована на постсоветском пространстве. Ей, как нам кажется, не на руку, она не желает решить конфликты ни в одну, ни в другую сторону.

Андрей Рябов. Постараюсь ответить кратко, хотя вопрос очень интересный. Во-первых, я хотел бы подчеркнуть, когда я говорил о гибкости... чтобы меня не восприняли так, что я считаю, что вся российская политика гибкая, тонкая. Нет, я имел в виду тактическую гибкость. То есть, вовремя почувствовать, когда стало слишком жарко и включить кондиционер. Или когда слишком холодно, принести в комнату обогревательный прибор. В краткосрочном плане, в тактическом. Безусловно, это заслуга президента и его аппарата. Какого аппарата? К сожалению, этот вопрос очень дискуссионный. Мы знаем, какие люди и как принимают решения. Есть помощник по международным вопросам, господин Приходько, который в последнее время очень влиятелен. Но существуют и какие-то другие люди. Иногда, видимо, можно говорить о Министерстве иностранных дел, когда Москва нуждается в проведении «soft line», «мягкого курса». Потому что ничего лучшего для проведения «soft line», как господин Лавров и команда, работавшая в ООН, Чуркин и другие, ничего лучшего нет. Мы видели, как они мастерски провалили первую резолюцию по Косово. Это действительно была красивая профессиональная дипломатическая игра.

Что будет, когда Путин уйдет? Я думаю, что эта гибкость исчезнет, а вместо гибкости будет сумбур. Тогда будет много людей, считающих себя специалистами, имеющих соответствующий статус пытаться влиять на процесс принятия решения. Подчас, решения могут оказываться совер-

шенно неожиданными в результате столкновения вот этих лоббистских устремлений. Я думаю, что это будет серьезная проблема для российской внешней политики – какая-то осмысленность. Сейчас, как бы к ней не относиться, есть определенная внутренняя логика. Боюсь, что эта логика может быть в сильной степени утрачена в случае возникновения новой конфигурации.

Габалинская РЛС. Думаю, что в значительной степени это был, как принято регулярно сейчас говорить в России – PR-ход. Ход, который должен был прежде всего продемонстрировать – и прежде всего российскому общественному мнению, что неправду говорят наши западные партнеры о том, что мы такие прямолинейные, грубые, циничные. Мы на самом деле гибкие, мягкие, мы готовы идти на уступки. Вот посмотрите – наш ключевой партнер по геополитическим вопросам ни к чему этому не готов. Я думаю, что был вот такой шаг. Думаю, что, тем не менее, этот шаг может оказаться неприятным для тех в Москве, кто его разрабатывал, потому что Соединенные Штаты согласятся, судя по всему, вести переговоры по Габалинской РЛС и одновременно не откажутся от своих планов в отношении Польши и Чешской Республики. В результате красивого тактического хода можно получить большое стратегическое поражение.

Третий вопрос по поводу Ирана. Мое мнение постороннее – что в Москве недооценивают этой иранской реакции. Хотя формально не было высказано на дипломатическом уровне озабоченности, разочарования, какого-то официального негативного отношения, но я думаю, что негативный эффект будет в плане снижения доверия к России как партнеру. Я хочу сказать, что и так к России как к партнеру в Иране не очень высокий уровень доверия, в отличие от многих официальных... я даже опасюсь, что в какой-то сложный момент Россия, как та золотая рыбка, развернется хвостом и поплывет куда-то в сторону, оставив Иран с его проблемами. Думаю, что вот это решение, по крайней мере, укрепляет подобного рода недоверие. Хотя, конечно, вряд ли оно помешает российско-иранскому сотрудничеству особенно по сферам, связанным с атомной энергетикой, с военно-промышленным комплексом. Я думаю, что оно будет продолжаться, но политически недоверие явно будет усилено в Тегеране.

И наконец, по поводу российской политики в отношении конфликтов. До недавнего времени мне казалось, что действительно эта политика в целом ориентирована на замораживание на долгие перспективы. Это касается не только грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов, но и Приднестровья, и Карабаха, где роль России, как известно, незначительна. И Крыма, на самом деле, хотя это не конфликт, но латентная проблема на

самом деле, очень серьезная проблема в российско-украинских отношениях. Но сейчас сама обстановка, среда для принятия решений в России стала иной. Дело в том, что мы видим, как сталкиваются во внешней политике два подхода. Один, назовем его условно, интеграционистский, который считает, что да, конечно, все постсоветское пространство удержать под своим контролем, в сфере своего влияния не удастся, но надо попробовать хотя бы что-то. И надо найти инструменты, связанные с этой частью пространства вокруг России. Отсюда появляются несколько странные проекты как *МАНГО* – создание ассоциации стран производителей газа – Россия, Узбекистан, Казахстан, который не был осуществлен. Другие проекты, связанные с экспортом энергоносителей. Вновь возвращаются к проекту Евразийского экономического сообщества, как бы его оживить, придать ему новый импульс. Одним словом, это одна линия.

А вторая линия – это такая жёсткая, эгоистическая, я бы сказал, линия экономизации российской внешней политики. Подход предельно простой и в каком-то плане примитивный: нет никакого различия между друзьями, нейтральными странами и не друзьями, скажем так, все они потребители наших ресурсов, поэтому единственный инструмент в отношении с ними – это денежные расчеты за наши поставки. И в данном случае неважно, это Белоруссия, или это республики Балтии, которые ушли уже в Европейский Союз. В этой ситуации, почему это важно? В ситуации ножниц между двумя разными подходами, а ведь мы видим, как они реально воплощаются во внешней политике, кто-то выталкивает Лукашенко из Российско-Белорусского Союза, другие люди, наоборот, тянут его в обратную сторону. И все это происходит на коротком расстоянии, в течение короткого времени, в течение одной недели. И виден этот процесс. Проблема непризнанных государств оказывается в этих ножницах. Прежнее системное видение, отложить насколько это возможно, оказывается, подвержено влиянию этой борьбы. И как будет развиваться это системное видение? Сохранится ли оно в прежнем виде, как оно было раньше, я не знаю. По крайней мере, есть сильные сомнения в том, что эта линия останется неизменной. Вот эти факторы борьбы между двумя подходами, скажем так, изоляционистов и интеграционистов, они будут влиять на решение этой проблемы.

Пола Гарб. Как вы определяете сильную демократию, каковы ваши критерии, когда вы говорите о сильной демократии, и где находится Грузия в этих критериях? Думаете ли вы, что Грузия находится на пути к сильной демократии? Думаете ли вы, что Грузия – демократизирующаяся страна, или она уже достигла демократии?

Джеймс Маккей. Думаю, трудно сказать, что где-нибудь в мире, кроме Швейцарии, существует абсолютная демократия. Все страны – это развивающиеся демократии. Вопрос в том, в какой части спектра они находятся. На данном этапе Грузия – развивающаяся демократия. Грузия проводит сравнительно свободные и справедливые выборы. Есть в Грузии проблемы с выборами? Да. Отчёты ОБСЕ очень чётко определяют эти проблемы – проблемы со списками избирателей, проблемы со СМИ, проблемы слишком большой рекламы кандидатов со стороны правительства и непредоставления достаточного эфирного времени оппозиционным партиям. Я не могу даже сказать, что в какой-то из стран НАТО не существует этих проблем. Но сравните с выборами в 2000, 2001 и 2003 г. Сравните их с нынешними выборами, и вы увидите явный прогресс. Придётся ли Грузии пройти долгий путь? Да. Грузия демократизируется. Требуются десятилетия, чтобы осознать, что настоящая демократия – это когда между разными ветвями правительства имеется баланс. Другой аспект грузинской демократии – Шалва и я говорили об этом на прошлой неделе – это то, что очень важно иметь действенную судебную власть, которая держала бы под контролем исполнительную и не подвергалась бы давлению со стороны исполнительной власти. Всё это – части одного пакета, которые мы готовим. Грузинские власти часто запрашивают список из 10 необходимых условий, которые они должны исполнить для вступления в НАТО. Невозможно на самом деле дать им такой список. Можно дать им список вещей, которые они должны сделать сейчас, затем дать им список следующих 10 вещей и после этого ещё один список других 10. Десять новых стран, вступивших в НАТО, новые союзники, присоединившиеся к НАТО в течение последних нескольких лет, все они были на разных этапах демократии. В некоторых случаях существовали огромные различия в уровнях развития демократии. Единственное, что их объединяет, – это то, что у союзников была твёрдая вера, что рано или поздно они достигнут её, что процесс, который они начали, необратим, и что в конце концов они достигнут того состояния, той «нирваны» демократии, для достижения которой, как я уже сказал, многие союзники прилагают все усилия.

Пола Гарб. Политологические исследования показывают, что демократизирующиеся страны нестабильны, неустойчивы. Как в таких случаях НАТО способствует уменьшению непостоянства во время переходного периода?

Джеймс Маккей. Я не могу точно припомнить цитату, но она приблизительно гласит, что демократия – это беспорядочная система, но это лучшая

система из всего, что можно придумать на сегодня. Конечно, на этом пути придётся спотыкаться, наткнуться на проблемы. Существуют проблемы, с которыми мы сталкиваемся и сегодня. Мы ведём очень, очень сложный диалог. Мой коллега здесь видел недавнюю оценку IPAR, которую мы написали для Грузии. К сожалению, это конфиденциальный документ. Я могу перечислить здесь лишь основные аспекты. На прошлой неделе на конференции в Тбилиси мы обсуждали некоторые главные аспекты документа. Это серьёзные вопросы, которые мы должны поднять перед правительством Грузии. Не для того, чтобы избавиться от бремени. Это не то, что НАТО может сделать в одиночку. Это не только вопрос НАТО. Это вопрос ОБСЕ, ООН, это вопрос ЕС. Это очень важно в контексте конфликта. Это не имеет прямого отношения к вашему вопросу. Но я не затрагивал этого в своём докладе. НАТО не играет роли в решении конфликтов. У НАТО нет такого опыта. Причина, по которой ОБСЕ и ООН являются двумя важными игроками в решении конфликтов и в переговорах, – это их многолетний опыт. У них есть ресурсы. У них есть международный мандат как таковой. НАТО всегда будет играть вспомогательную роль. Поэтому всегда, когда речь идёт о конфликте, мы в первую очередь обращаемся к ОБСЕ или ООН. Какую вспомогательную роль будет играть НАТО? Она поможет правительству Грузии развиваться, потому что мы верим, что более демократическое правительство будет лучшим собеседником, более вероятным в достижении мирного решения конфликта.

Пола Гарб. Хочет кто-нибудь из присутствующих сделать комментарии по данному вопросу?

Бруно Коппитерс. Демократия – это возможность делать выбор, в том числе и неправильный. Война в Ираке является одним из примеров неправильного выбора. Отсюда вполне вероятно, что демократия может вступить в войну во внутреннем сепаратистском конфликте. Но также верно и то, что нет лучшей альтернативы, чем демократизирующаяся Грузия. Другой вариант – недемократической Грузии – который мы видели в действии в августе 1992 г., когда Грузия приняла решение о военной интервенции в Абхазию, был намного хуже.

Многие подчёркивают важность экономики в стабилизации ситуации. Инвесторы в Грузии хотят политической стабильности. Но я не думаю, что это является существенной гарантией для разрешения конфликта. Экономика не играла главной роли в урегулировании грузино-российского конфликта. Я не раз слышал заявления президента Грузии и других предста-

вителей власти, что экономические последствия роли России реальны, но этого не достаточно, чтобы поставить Грузию на колени. Они [грузинские власти] проявляют безразличие и нежелание идти на компромисс, как и Россия, которая остаётся столь же непреклонной, как и прежде, несмотря на экономические издержки её напряженных отношений с Грузией. Мне кажется, что грузины считают, что существуют более важные интересы, чем защита экономических интересов или сохранение иностранных инвесторов.

Кроме этого, экономическое развитие и иностранные инвестиции также могут увеличить угрозу насильственного конфликта. В Азербайджане, например, некоторые заявляют, что повышение экономического благосостояния увеличит их потенциал проведения военных операций в Нагорном Карабахе. Национальные конфликты должны решаться как национальные конфликты, конфликты об идентичности и интересах, а не как конфликты, решение которых может быть достигнуто экономическими средствами.

Демократия является необходимым условием решения конфликта, но не гарантией. Взгляните на национальный конфликт между Японией и Китаем. Тот факт, что Япония – это демократическая страна, не является гарантией того, что она может решить проблему своей национальной истории. Япония такая же демократия, как и Германия. Но эти страны имеют совершенно разные подходы к прошлому.

Вопрос этой конференции больше касается будущих перспектив членства в НАТО. Было бы также очень интересно задать вопрос, чего уже достигли НАТО и процесс поступательного вступления Грузии в НАТО в грузино-абхазском конфликте. Мне кажется, что даже если Грузия и не является членом НАТО, последняя и так оказала большое влияние на Грузию. Она положительно повлияла на процесс демократизации Грузии, на смягчение некоторых взглядов Грузии, но с другой стороны, она была использована в грузино-абхазском конфликте как потенциальная угроза подкрепить аргументы Грузии относительно того, что в крайнем случае она может применить силу. Я думаю, эта перспектива отрицательно повлияла на трансформацию конфликта, несмотря на положительные результаты в сфере демократизации Грузии и предотвращения конфликта.

Джеймс Маккей. Я, конечно, не выступаю в поддержку демократии как решения всех жизненных проблем. Мне кажется, необходим целостный подход. Но я думаю, мы чётко понимать, что Грузия – не США, но Грузия – не Россия и не Азербайджан. Если мы говорим о конкретном примере Грузии, речь идет о демократизации, но также о выработке целого ряда

стимулов, побуждающих к хорошему поведению. Мы, конечно, не просто поддерживаем демократию как единственное и самое важное решение. Мы также строго предупреждаем грузин о последствиях несоблюдения международных правил. К сожалению, слишком часто грузины обращаются к нам и говорят, что другая сторона не играет по международным правилам, будь та другая сторона Абхазия, Осетия или Россия. Мы призываем к терпению и ясно даём грузинам понять, что мирное разрешение конфликта – это единственная возможность продолжать получать поддержку Запада. Я знаю, что эта проблема была затронута на самом высоком уровне. Если решение конфликта не будет достигнуто мирным путём, будут прекращены все виды помощи. Таким образом, это создаёт структуру стимулов для хорошего поведения. Мне бы хотелось полагаться на такие замечательные, великие идеи как демократия. Возможно, мой доклад звучит как «воздушные замки», или, как мы говорим по-английски, похожа на «пирог в небе», нечто чрезвычайно привлекательное и недостижимое. Но если вы взглянете на ИРАР, План действий для индивидуального партнёрства, становится ясно, что в этот план входит много конкретных реформ и конкретных стимулов, побуждающих к развитию и сдержанному поведению, попытке создания условий, в которых грузинское правительство вполне уверено, что может вести реальный диалог с абхазской стороной относительно двух народов, продвигающихся по общему пути вперёд.

Вальтер Кауфманн. Мой первый вопрос к вам, Джеймс, относительно того, что вы не слышите никаких убедительных аргументов со стороны России, почему они должны быть против демократического, стабильного, интегрированного соседа в лице Грузии. Думаете ли вы, что примеры Польши, Балтийских стран, может, даже Чехии, являющихся членами НАТО, которые сейчас ведут себя не совсем дружелюбно по отношению к России, убеждают их в обратном? Указывают ли они на Польшу, которая сейчас является стабильным и демократическим соседом, но чьё поведение становится для нас всё более отвратительным? Второй вопрос возвращает нас опять к вопросу разрешения конфликта, когда вы сказали, что без мирного разрешения конфликта не может быть получено членство в НАТО. На данный момент я не вижу в Грузии какого-нибудь мирного разрешения конфликта, по крайней мере, в абхазском направлении. Не существует никакой политики. Здесь не прибегают к насилию, но есть ли критерии для мирного разрешения или, по крайней мере, процесса? Боюсь, что НАТО каким-то образом способствует принятию желаемого за действительное среди молодой политической элиты, когда закрываются глаза на всё, что

не делается и что делается. Даже если нет прямого насилия, разве всё остальное не имеет значения? Это мне непонятно. Иногда от представителей НАТО, а также властей США, исходят странные сигналы касательно подходов Грузии к конфликтным зонам. Эта конференция является одним из примеров того, как грузинские власти относятся к приглашению принять участие. Они говорят: «Нет, на данном этапе мы не должны вести диалог с абхазами». В то же время представители НАТО говорят, что грузины следуют мирным планам, которые они представили Совету Европы. Но здесь ничего не делается в этом направлении.

Джонатан Коэн. Я хотел бы вернуться к вашему ответу на вопрос Ибрагима о статье №5. Тогда вы сказали, что членство Грузии в НАТО – перспектива неблизкая и мы торопим события, слишком много думая о том, вступит ли Грузия в НАТО, потому что один Бог знает, какой будет ситуация на тот момент. С одной стороны, это верно – мы действительно не знаем, как будет развиваться ситуация, но если рассматривать нынешнее положение дел и то, что Вальтер только что сказал об отсутствии чёткой и последовательной стратегии разрешения конфликта... вообще-то, стратегия есть, вот только толку от неё маловато, хотя определённая чёткость в ней прослеживается. А стратегия такая: не иметь дела с абхазами, но говорить, что хотим иметь с ними дело. Меня волнует то, что статья №5 в восприятии абхазов является такой принципиальной проблемой. Когда говорят, что она теперь не актуальна и можно уже её не анализировать и не объяснять, что мы имеем в виду или каковы могут быть перспективы на будущее – такие слова лишь отговорка, причём очень опасная отговорка. По нескольким причинам. Во-первых, потому, что вопрос гарантий последние годы был центральным в переговорах сторон. Долго не могли решить, что же может послужить весомой гарантией безопасности. И сегодня никаких значительных продвижений в этом вопросе я не вижу. Поэтому, если мы говорим, что демократизация Грузии и её вступление в НАТО – это существенная гарантия безопасности, то мы должны предельно ясно сформулировать, что мы имеем в виду, и является ли статья №5 частью этой гарантии безопасности. Именно из-за того, как воспринимает происходящее абхазская сторона, из-за отсутствия доверия не только к Грузии, но и к международным институтам. Вчера кто-то заметил, что война в Абхазии началась через несколько недель после вступления Грузии в ООН. Конечно, сегодня положение совсем иное, но то, что случилось тогда, – это часть исторической памяти о том, что же такое международные институты. Вот почему, говоря о гарантиях, мы должны чётко и ясно объяснить, что подра-

зумеваем под этим. Ясность нужна и тогда, когда мы говорим о мерах укрепления доверия. На данный момент мы не видим никаких существенных мер по укреплению доверия. Если нашей целью является укрепление доверия, а не просто... После разговора с правительственными чиновниками Грузии у меня создалось впечатление, что в их представлении укрепление доверия заключается в том, чтобы представители международных организаций и международные деятели путешествовали по Абхазии и объясняли абхазскому руководству и народу, что быть частью грузинского государства – это хорошо. Однако грузинское правительство своими действиями постоянно подрывает доверие этого народа, вызывая у него нежелание становиться частью Грузии. На мой взгляд, у грузинской стороны отсутствует понимание того, что же такое настоящее укрепление доверия. Укреплять доверие – значит показать, что ты надёжный и заслуживающий доверия собеседник. К сожалению, за последние пятнадцать лет в этом мало преуспели. Пока мы не внесём ясность в этот вопрос (а статья №5, мне кажется, играет здесь первостепенное значение), мы будем лишь подпитывать существующее негативное восприятие, которое будет нагнетать отношения, которые нагнетают конфликт. Мне кажется, есть ещё один важный аспект – политическая воля. Существует ли политическая воля вести себя иначе? Принимая во внимание нынешнее руководство Грузии, однозначного ответа на этот вопрос пока нет. У меня есть ещё один вопрос другого характера. Я задам его сейчас в надежде, что найдется время на ответ. Он касается выборов в США. Многие считают, что Джордж Буш очень заинтересован в скором вступлении Грузии в НАТО. Отразятся ли изменения в Белом доме (придёт ли к власти другой республиканец, или, скорее, демократ, хотя пока говорить об этом рано), отразятся ли изменения в Белом доме на ситуации? Как представитель НАТО вы не в состоянии ответить на этот вопрос, но как у гражданина США у вас может быть свое мнение на этот счет.

Ян Хендрик фан Тиль. Я хотел бы вернуться к некоторым моментам, которые здесь упомянули. Первое, я хотел бы подчеркнуть то, что сказал Джеймс насчёт роли НАТО в этом конфликте в Абхазии. Я полностью согласен с ним, что НАТО не играет прямой роли в конфликте. У неё нет нужной квалификации, как он сказал. У неё нет нужных инструментов. Я бы хотел вернуться к одному моменту из доклада нашего коллеги из Брюсселя о том, что у НАТО нет подходящих инструментов для того, чтобы иметь дело с негосударственными образованиями.. У неё не будет их в ближайшем будущем. Таким образом, я понимаю, почему Джеймс возвращается к этому более общему концептуальному подходу к демократии, по-

тому что в разрешении конфликта между негосударственным участником Абхазией и правительством Грузии на этом уровне, для НАТО здесь нет роли. Она может только действовать посредством этих косвенных процедур демократизации реформ, поддержки в стране трансформации такого рода. Сказав это, я также согласен с теми, кто критикует этот чрезмерный акцент на демократии. Я приведу пример другого партнёра НАТО, нового члена, Сербии. В Сербии существует демократия, но на самом деле давление со стороны националистических партий используется как аргумент для невыполнения условий в рамках ... Так что демократия может иметь обратный результат, потому что может ограничить возможности маневрирования для правительства, ставшего заложником националистического общественного мнения или идеологических рамок, не позволяющих найти решения определённого конфликта. Сама по себе демократия не является панацеей. Но говоря это, я бы хотел подчеркнуть те заявления НАТО, обращённые ко всем сторонам, о которых говорил Джеймс. НАТО призывает к спокойствию, неразжиганию конфликтов, мирному разрешению конфликтов. Это не пустые разговоры. Существует принцип соблюдения условий. Сегодня утром я услышал о некоторых сценариях, например, о том, что правительство Грузии использует своё партнёрство с НАТО или членство, как гарантию безопасности, а затем разожжёт конфликт с Абхазией или Россией. В намерения НАТО вовсе не входит быть использованной таким образом. Она окажет всё возможное влияние на правительство в Тбилиси, какое только сможет. Это моя собственная оценка возможностей предотвращения такой ситуации. Это поставило бы НАТО в затруднительное положение. Здесь я отдаю должное Джеймсу. Когда взаимосвязь и взаимозависимость между Грузией и международным сообществом, в том числе и НАТО, сильны, пространство для разных авантюр сужается. Это так, даже если НАТО не собирается вмешиваться напрямую. В этом конфликте роль НАТО может быть только одна – содействовать мирному урегулированию. Она не будет принимать участия в военной или насильственной конфронтации. Вы должны безусловно понять это. При этом я хотел бы задать вопрос. Вы сказали, что наиболее вероятным результатом всего этого может быть то, что конфликт останется замороженным, затянется, поскольку не существует реального решения, а также нет средств или многосторонних рабочих механизмов, способствующих решению. Во время дискуссии я размышлял о вероятности того, что членство в НАТО может оказаться не столько стабилизирующим фактором, предотвращающим конфликт, как вы сказали, сколько фактором, ускоряющим конфликт, т.к. правительство Грузии может оказаться в ситуации, когда надо срочно решить эту проблему

определённым образом прежде, чем продолжить интеграцию, прежде, чем оно будет ограничено механизмами НАТО. Считаете ли вы этот сценарий вероятным или это чистый вымысел?

Андрей Рябов. Вальтер спросил об отношениях России к этим возможностям, хотя бы теоретических. Я думаю, что объяснение такого поведения мы должны искать в политической теории. Сегодня народ в Москве, также как и в Вашингтоне, смотрит на вопросы международной политики сквозь призму *real politik*. Таким образом, они думают, что если сегодня Россия и черноморское пространство и баланс сил благоприятны для России, даже после того, как Болгария и Румыния вступили в НАТО и ЕС, мы хотели бы предусмотреть такие решения, мнения, стратегии и тактики. Следовательно, если мы демонстрируем, что мы вовлечены в процесс обсуждения сценария вступления Грузии в НАТО, это означает, что это указывает на нашу слабость, что теоретически мы согласны с этим. Но мы не согласны. А раз так, давайте проигнорируем это. И все знают, что не существует решения этих замороженных конфликтов. Это настоящее тупиковое положение существующей сегодня политической повестки дня в данных политических, а также международных рамках. Так, может быть, это, конечно, не стратегия. Идея – развить, с одной стороны, двустороннее сотрудничество с Турцией как с одной из самых больших и влиятельных стран этого региона. «Черноморская четвёрка» является одним из таких сценариев. Россия присоединилась к «черноморской четвёрке», приняв особенно во внимание существующие в отношениях между США и Турцией проблемы. Почему бы не сотрудничать тесно с Турцией по вопросам безопасности и экономического сотрудничества в пространстве Чёрного моря? Другие принципы относительно замороженных конфликтов ... может быть, лучше переместить эту проблему на многосторонний уровень? Но на какой многосторонний уровень? Давайте попробуем решить эту проблему со странами, относящимися к бассейну Чёрного моря – Грузией, Украиной, Болгарией, Румынией, Турцией, Грузией, но без постороннего вмешательства со стороны стран ЕС, США и, может, даже Китая. Поэтому, когда год назад на Бухарестском саммите по Чёрному морю президент Румынии сказал, что Румыния хочет быть страной, действующей в интересах Запада в черноморском пространстве, его проигнорировали. Давайте рассмотрим ближайшее окружение, только те страны, которые расположены здесь. Воспринимая эти вопросы подобным образом, этот политический баланс сил, все те шаги, меры и решения, которые не совпадают с этими представлениями, могут быть игнорированы. По крайней мере, они не бу-

дут приняты во внимание. Несмотря на признание того, что не существует обоюдоприемлемых решений этих замороженных конфликтов. Так давайте делать то, к чему принуждает нас реальная политика, как это происходит в остальном мире. В этом есть своего рода логика.

Бруно Коппитерс. Мой тезис в следующем: вступление Грузии в НАТО может заморозить конфликт и, в это же время, предотвратит эскалацию насилия. Я не согласен с мнением, что главной причиной того, что конфликт заморожен, является заинтересованность одной из сторон в его замораживании. Мне кажется, что сама логика этого конфликта ведёт не к решению конфликта, а к его замораживанию. Сначала грузино-абхазский конфликт был асимметричен. Поддержка Абхазии со стороны России увеличила её силы и перевела конфликт в новую форму асимметрии – между Россией и Грузией. Теперь Грузия увеличит свои силы за счёт дальнейшего процесса интеграции в НАТО и, может, даже вступления в НАТО, что приведёт к третьей форме асимметрии, а именно – между Россией и НАТО.

Грузино-абхазский конфликт стал частью грузино-российского конфликта, а грузино-российский конфликт постепенно становится частью отношений России и НАТО. Это может оказаться полезным для предотвращения конфликта. Но ничто не указывает на то, что восприятия друг друга сторонами меняются в положительном направлении. Именно поэтому я думаю, что мы идём дальше в направлении замораживания конфликта. Если бы грузино-абхазский конфликт не стал частью грузино-российского конфликта, Грузия начала бы войну с Абхазией в попытке уничтожить её де факто государственность, так же, как Хорватия разрушила де факто государство Краину.

Вопрос о том, будет ли Грузия более сдержанна в применении силы до вступления, нежели после, очень интересен. Было правильно замечено, что на сегодняшний день процесс интеграции в НАТО оказывает на Грузию сдерживающее влияние, несмотря на то, что эта интеграция представляет огромную угрозу для Абхазии. Это потому, что применение силы со стороны Грузии против Абхазии окончательно уничтожит все шансы Грузии для вступления в НАТО. Поэтому маловероятно, что Грузия применит силу против Абхазии в ближайшем будущем.

Джеймс Маккей. Мне кажется, очень плохо, что сегодня здесь не присутствуют представители грузинского правительства, но позвольте мне также сказать, что так же плохо, что здесь нет представителей де факто правительства. Если бы мы могли сделать так, чтобы обе эти стороны встречались чаще, было бы намного лучше.

Если принять предположение Бруно относительно того, что конфликт не ухудшится после вступления Грузии в НАТО из-за ограничений, предусмотренных международными обязательствами Грузии, нельзя все-таки говорить, что ситуация на протяжении последних 10 лет была приемлемой. Я думаю, что мы не должны недооценивать любые попытки, которые можно предпринять для продвижения вперёд процесса, при котором будут соблюдены права человека, воля народа и желание народа жить в том обществе, которое они выберут. Я не думаю, что кто-либо из присутствующих хотел бы, чтобы всё осталось так, как это было на протяжении последних 10 лет. Жизнь по обе стороны конфликта была довольно жалкой.

Что касается стабильных демократий на границах России, и является ли это угрозой, и являются ли Польша, Литва и Латвия раздражителем для России? Да. Будут ли они представлять угрозу для России? Существует ли угроза нападения на Россию с их стороны? Нет. У России будут разногласия с этими странами, но это будет в ВТО. Это будет в Совете Европы. Это не произойдёт на поле битвы. По существу, эта интеграция заметно снизила вероятность войны в Центральной и Восточной Европе. Шансов для войны почти не существует. На границе между Германией и Польшей нулевой шанс войны. Вероятность войны на российско-польской границе тоже довольно низка сейчас.

Если Россия ищет на своих границах страны, которыми можно манипулировать, это одно. Но это – независимые, суверенные государства. У них есть право выбирать свой собственный путь. Если это делает ситуацию раздражителем, тогда да, это создаёт неудобства. Но я уверен, что это не причинило никакого вреда безопасности России.

Хороший вопрос задал Джонатан относительно того, что никаких мирных решений конфликта не происходит на местах, и каковы критерии. Мне придется с вами не согласиться, Джонатан. Что тут поделать. Мы твёрдо верим в то, что правительство Грузии сделало конкретные предложения. Можно обвинить обе стороны в применении оружия, в похищении людей? Да, обе стороны. Но можно ли обвинить правительство Грузии в том, что они ничего не делают? Нет, потому что они сделали конкретные предложения. Они пытаются продвигаться вперёд с помощью своих международных коллег. Могли бы они сделать больше? Да. Но по нашему мнению, определенные действия они предпринимают. Безусловно, ситуация сейчас намного лучше, чем это было 4 года назад. Позвольте мне закончить. Мы ведём этот разговор с января. Мы сейчас этого спора не разрешим. Я только хочу подойти к тому моменту, где наши мнения расходятся на этот счёт.

На данном этапе статья №5 не играет роли в грузино-абхазском кон-

фликте. Когда мы говорим о построении доверия, мы говорим о мерах построения доверия на грузинской и абхазской сторонах. Если грузинская сторона хочет в будущем иметь отношения с абхазской стороной, тогда она должна разработать меры построения доверия и обеспечить гарантии, способные убедить абхазский народ, что в будущем может быть какого-то вида ассоциация с Грузией, какой бы она ни была. Существует много разногласий относительно вопроса, какой должна быть эта ассоциация – дружественные соседствующие регионы, конфедерация или нечто иное. Я даже не собираюсь вникать в это, т.к. это не моя специальность. Говоря о мерах построения доверия, мы говорим о том, что грузины и абхазы разрабатывают меры построения доверия. Статья №5, как уже было сказано, является внешним гарантом. Таким образом, она будет связана с обязательствами Грузии на международном уровне, или гарантиями Грузии на международном уровне. Она никогда не будет играть роли во внутренней динамике грузинского государства, как это определено ООН.

Касательно вопроса об изменении в администрации. Как представители НАТО, мы не комментируем внутреннюю динамику враждующих сторон. Но я на самом деле не вижу существенных изменений в политике США относительно этого вопроса, потому что это реально не обсуждается. Похоже, что любая администрация США будет верить в то, что продвижение ценностей является основным принципом Альянса. Тактически, однако, могут возникнуть изменения в отношениях с Евросоюзом, который может повлиять на будущие действия США в евроатлантическом регионе. Обычно исход выборов в США предопределяют внутренние вопросы. Поэтому очень трудно предсказать внешнюю политику будущей администрации заранее. Парадокс американской политики заключается в том, что исход выборов зависит от внутривнутриполитических вопросов, а после выборов внешняя политика становится самой важной сферой деятельности любой администрации.

Инал Хашиг. Мы уже несколько часов ведем обсуждение, но каких-то конкретных ответов на наши вопросы мы не получили. А вопросов много, хочется хотя бы коротко узнать о перспективах, коль скоро НАТО, а точнее говоря, США пытаются форсировать принятие Грузии в НАТО. Хотелось бы узнать, предусматриваются ли в таком вопросе какие-то консультации с абхазской стороной, потому что до сих пор абхазская сторона вообще не представляет, как всё это будет происходить, на каких условиях. И сами представители НАТО тоже ничего не заявляют и не объясняют по этому вопросу. Вот сейчас прозвучал момент о том, что какие-то гарантии

должны быть, что этот конфликт будет разрешен мирным путем. С другой стороны, за полчаса до этого было заявлено, что НАТО – не та организация, которая разрешает конфликты. Об этом не было сказано, но НАТО – это та организация, которая может создавать конфликты. В этом аспекте нам было бы, конечно, очень важно узнать позицию НАТО по отношению к Грузии в этот переходный период, до ее принятия в эту организацию, как она должна себя вести по отношению к Абхазии. Нам хотелось бы узнать, что же будет после того, как Грузия, в конце концов, будет принята в НАТО, какова будет ее политика по отношению к Абхазии. Как эти рамки будут соблюдаться? И что за этим будет следовать, если Грузия будет выходить за рамки? Здесь очень много вопросов, на которые хотелось бы получить ответы. Но мы даже приблизительно ничего не слышим и не знаем. И даже нет никаких вариантов. Есть общее понимание о том, что Грузия стабильная, богатая, и у нее меньше соблазнов начать военные действия с Абхазией. А я вам просто скажу, что Грузия голодная или Грузия сытая, в одном вопросе она всегда едина – она всегда будет думать об Абхазии, она всегда будет думать, если этот конфликт не разрешится мирно, то она будет решать этот вопрос военным путём. И вы об этом должны знать. Мы, кстати, рассматривали вчера доклад по этому вопросу, мы заслушали доклад Арчила и там, кстати говоря, приведены данные опроса, которые интересно было бы знать американцам, где 42% опрошенных считают, что НАТО, прежде всего, придёт в Грузию для того, чтобы помочь Грузии решить территориальные проблемы. И территориальные проблемы решить, между прочим, не за счёт переговоров, а за счёт силы. И вы это тоже должны понимать. И поэтому есть комплекс вопросов, которые с учетом дефицита времени и с учетом того, что в США, я так понял, приближаются выборы... нужно как-то решать и объяснять, и не только нам объяснять, но и объяснять России, Грузии, у которой есть понимание того, что НАТО – это, прежде всего,... ценность цивилизации. Хотя для нас и для других каких-то стран существуют другие ценности, говоря о том, чего достигла цивилизация. Так что существуют вопросы, и мы хотели бы знать чёткие ответы, чтобы были даны хотя бы по блокам какие-то ответы или какие-то варианты ответов. Обволакивать все это разговорами о каких-то демократических стандартах, которые, собственно говоря, тоже размыты, это, наверное, не дело, когда речь идет о территории, которую вы собираетесь принимать в свой состав с конфликтами. И это на таком опасном участке, как Кавказ, который, собственно говоря, кишит этими конфликтами.

Джеймс Маккей. Прошу прощения, если я не ответил на ваши вопросы. Прошло уже почти 2 часа. Мне кажется, я ответил на некоторые из них.

Если мои ответы вас не удовлетворяют, приношу свои извинения. Может быть, я не смог предоставить достаточно убедительных аргументов. Я абсолютно честен с вами. Вы спросили, о чём мы говорим с грузинским правительством относительно разрешения конфликта. И я ответил, что мы говорим грузинскому правительству. Мы говорим, что мирное разрешение конфликта является основной ценностью НАТО.

Инал Хашиг. Извините, но прочитав вчерашнюю презентацию, вы поймёте, что грузинское правительство вас абсолютно не слышит.

Джеймс Маккей. Но я честен с вами здесь. Вы сами можете это подтвердить. Ваш вопрос тоже обсуждается. Мы не говорили с грузинами о гарантиях или о том, что произойдет с Абхазией. Именно для этого мы проводим конференции, подобные этой, для обсуждения этих идей. Мы говорили грузинам, что если они думают, что НАТО собирается решить за них их конфликты, они глубоко ошибаются. НАТО не решит проблем Грузии. Если правительство Грузии создает такие иллюзии у грузинского народа, тогда у грузинского правительства будут большие проблемы с местным населением, как только Грузия приблизится к интеграции в НАТО, поскольку их призовут к ответу за то, что НАТО не решает их проблем. Я был бы рад предоставить вам некоторые сложные расчёты, включая секретные замыслы и некоторые стратегические планы, которые строит по этому поводу НАТО. Но то, что я сказал вам, на самом деле является нашей политикой. Мы работаем с правительством Грузии, помогая им осуществлять реформы, поскольку мы верим, что реформированное правительство Грузии более безопасно для НАТО. Когда мы говорим о конфликтах, мы говорим, что мирное решение конфликтов является основной ценностью, поддержка Грузии НАТО основана на строгом соблюдении этого условия – мирное решение конфликта. Как я сказал, если мой ответ вас не удовлетворяет, я прошу прощения. Я присутствовал на каждой встрече президента Саакашвили с Генеральным Секретарём НАТО. Я получаю много других отчётов. Это всё, что обсуждается.

Арчил Гегешидзе. Первым делом хочу разъяснить вопрос по поводу ожиданий в Грузии от интеграции в НАТО в контексте разрешения конфликтов. Мне кажется, неправильно было интерпретировано то, что я говорил вчера. Я прошу наших абхазских коллег внимательно прочесть мою презентацию. Я на самом деле сказал, что 42% опрошенных считает, что процесс сближения с НАТО и интеграция в неё поможет восстановлению

территориальной целостности страны, однако там нет ни единого слова о том, что это будет сделано с помощью использования силы или же что это подстрекнёт грузинское правительство на использование силы. Наоборот, 92% опрошенных – за мирные переговоры как основной путь урегулирования конфликта.

Ещё я писал и подчеркивал в презентации, что НАТО на данное время является главным, чуть ли не единственным фактором в Грузии, который сдерживает партию войны и горячие головы, которые желали бы от правительства решений в пользу использования силы. Это было основным тезисом моей презентации.

Мой вопрос адресован г-ну Маккею и касается процесса, который остаётся пройти до саммита НАТО. Что это за процесс, какие стадии мы должны пройти? Я не жду от вас прогноза относительно конечного результата этого процесса, но хотелось бы узнать с точки зрения процедуры что осталось пройти до саммита

Джеймс Маккей. Спасибо за пояснение моего выступления. Я понимаю, почему сессия была закрыта вчера, но кажется, что с обеих сторон вчера были высказаны очень интересные мысли, и мне очень жаль, что я их пропустил.

Что касается процесса продвижения вперёд, мы всё ещё находимся на стадии интенсивного диалога, что означает, что мы продолжаем дискуссии с грузинским правительством в конкретных условиях относительно того, какие стандарты должны быть соблюдены для вступления в НАТО. Мы говорим не о специальных стандартах для Грузии, а о тех стандартах, которые относятся ко всем странам, желающим стать членом НАТО. Мы находимся в процессе этого обсуждения. Весной этого года мы оценили прогресс Грузии в рамках Плана действий индивидуального партнёрства IPAP.

Отчёт полностью засекречен, но основные заключения никого не удивят. Существуют сомнения насчёт независимости судебной власти и верховенства закона. В сфере обороны были проведены довольно хорошие реформы, а отчёт о стратегической обороне, в котором говорится о реформах следующих 10-ти лет, скоро будет подготовлен и опубликован. Мы хотим видеть их исполнения. Я думаю, многих удивит, какой малочисленной будет армия Грузии через 15 лет, если правительство будет придерживаться этого плана. Это будет самая маленькая армия в Кавказском регионе, намного меньше армии Армении или Азербайджана. Прогресс необходим в других сферах, таких, как демократическое строительство до выборов

2008 г., профессионализация Центральной избирательной комиссии, необходимость обновления списка избирателей, обеспечение равной поддержки со стороны СМИ для всех кандидатов, не только кандидатов со стороны правительства.

Всё это довольно хорошо известно, отчасти потому, что мы получаем информацию от НПО. Мы встречаемся и ведём переговоры с такими организациями, как ОБСЕ, Transparency International, Грузия для НАТО, Международная кризисная группа и др., потому что мы ссылаемся на информацию из их отчётов для того, чтобы решить, что писать в наших отчетах. Мы признаём, что у НАТО нет знаний во всех этих сферах. Мы доверяем коллективной оценке того, как правительство справляется на всех этих фронтах.

На протяжении следующих месяцев вплоть до саммита мы должны увидеть реальные усилия во всех сферах, которые я только что перечислил. Наша общая оценка такова, что всё идёт хорошо и правительство движется в правильном направлении. Мнения расходятся относительно того, как далеко ушло правительство и как далеко оно должно идти. На самом деле, никто не отрицает прогресса, но вопрос в том, какой прогресс будет достаточным и как далеко вы должны идти, чтобы убедить страны НАТО ... и опять-таки ... Это решаю не я. 26 союзников должны определить, какой процесс достаточен. Так будет продолжаться в течение почти 8-ми месяцев до саммита. Сможет ли грузинское правительство убедить нас в том, что прогресс налицо? Правительство уже начало готовить несколько важных планов, целью которых является убедить НАТО в достигнутом прогрессе. Но я полагаюсь на гражданское общество, которое скажет нам, как идут дела. Я приезжаю в Грузию 9-10 раз в год, пытаюсь понять на месте, как идут дела. Мы тесно сотрудничаем с ОБСЕ и ЕС, потому что они играют важную роль в этих регионах.

Лиана Кварчелия. У меня два вопроса. Как НАТО смотрит на тот факт, что тема вступления Грузии в НАТО, а на данный момент, присоединение Грузии к МАР, используется грузинским руководством во внутренней борьбе за власть? Помогает ли это процессу демократизации в Грузии? Во-вторых, важно, что послы НАТО в отношении конфликтов заключается в том, что конфликты должны разрешаться мирным путем. Но озабоченность абхазской стороны связана с тем, что НАТО пойдет дальше и заявит, что мирное урегулирование возможно только в рамках территориальной целостности Грузии. Абхазия не может согласиться с таким подходом. В таком случае, какие инструменты из своего арсенала будет готова задействовать НАТО?

Джеймс Маккей. Касательно первого вопроса о том, что грузинское правительство использует НАТО во внутренних интересах. Это являлось проблемой по отношению ко всем новым странам, в процессе вступления в НАТО Польши, Венгрии, Чехии, все они в своё время боролись с этим вопросом. Часто грузинское правительство посылает один сигнал, обращённый вовне, и другой, обращённый внутрь своего общества. К счастью для нас, существует масса пресс-служб, которые занимаются переводом сообщений. Мы узнаём в штаб-квартире НАТО почти обо всём, о чём грузинское правительство говорит у себя в обществе. Таким образом, мы можем говорить с ними. Хотя НАТО не всегда публично критикует каждый шаг правительства Грузии, на наших внутренних встречах мы ведём очень откровенные, жёсткие дискуссии с грузинским правительством об их действиях.

Лиана Кварчелия. Но грузинское общество не в курсе этого.

Джеймс Маккей. Нет, грузинская общественность не знает об этом, но мы знаем о том, что делает правительство на уровне грузинской общественности. В конечном итоге, грузинское правительство должно почувствовать себя ответственным перед грузинской общественностью. НАТО может давать советы, может и критиковать. Очень опасно, когда вы посылаете два сигнала, один внутренний, другой – внешний, потому что, в конечном итоге, это создаст вам проблемы. Придёт время выборов, и люди скажут: «Вы говорили то-то и то-то, а НАТО говорит совсем другое». Так произошло во всех новых странах НАТО. В конечном итоге, правительства некоторых стран были пойманы на том, что они делали. Я могу сказать вам, что тогда как мы не критикуем все ситуации, мы их обсуждаем.

Что касается второго вопроса, это не входит в компетенцию НАТО. ООН устанавливает международные границы стран. Это целиком относится к компетенции ООН. НАТО всегда придерживается принципов ООН в этом вопросе. НАТО будет действовать только в соответствии с принципами ООН по этому вопросу. Устанавливать границы не является компетенцией НАТО.

Шалва Пичхадзе. Лиана, позвольте мне привести пример Польши. Президент Польши, приведший страну в НАТО, а затем и в Евросоюз, после всего этого в прошлом году проиграл выборы. Это пример того, как правящая команда может проиграть, если сильны демократические институты. Если в Грузии демократические институты будут сильными (хотя, по-мо-

ему, они пока слабы), ни вступление в НАТО, ни вступление в ЕС не смогут правящей команде убедить народ, что правящая команда хорошая. Если демократические институты в Грузии будут слабыми, каковыми они являются на сегодняшний день, даже невступление в НАТО будет использовано в пользу правящей команды.

Магдалена Фричова. Я хотела бы уточнить комментарии Лианы. Думаю, мы затронули основные темы доверия, или его отсутствия, и восприятий. Так вернусь к тому, что, как мне кажется, было началом этого разговора, когда Ян Хендрик ван Тиль сказал, что Альянс хочет лучшего, что «мы не собираемся быть использованными в чьих-либо интересах и подразумеваем решение конфликта мирным путём». Я абсолютно согласна и понимаю, что это позиция НАТО. Однако, я не совсем уверена, что абхазы и осетины доверяют этому послы или этим сигналам других западных организаций, которые с подобными послы обращаются к грузинскому правительству. Мне кажется, что на самом деле мы видели на примере других организаций, таких как ОБСЕ или даже ООН, хотя и в меньшей степени, что уровень доверия со стороны абхазов и осетин к ним довольно низок. Население конфликтных регионов, судя по статусу международных организаций, не уверено в том, что существует готовность выслушать их опасения и стремления.

Теперь вернусь к вопросу об инструментализации НАТО. У меня такое ощущение, что сейчас в Грузии существует палка о двух концах. Действительно, правительство Грузии подписывается под мирным разрешением конфликта. Кроме того, существует два различных послы. С одной стороны, у вас мирные послы для Запада о демократии и её достижениях на сегодняшний день, а дома сообщения часто идут от лагеря войны, и в них речь идёт не только необходимости небольшой профессиональной армии, но также и о 100 000 резервистах, которые будут хорошо вооружены. Я понимаю, что это служит какой-то определённой внутренней цели и что само по себе не обязательно представляет непосредственной угрозы. Это не является доказательством желания начать войну, но в конфликтных регионах, конечно, это воспринимается иначе. Учитывая селективные восприятия, которыми обычно сопровождаются войны и то, как разные стороны по-разному воспринимают эти послы, очевидно, что это будет восприниматься как угроза.

Я думаю, что отсутствие доверия с обеих сторон, конечно, тоже влияет на контекст обсуждений НАТО.

Джеймс Маккей. Я согласен, что в контексте отсутствия доверия между сторонами любое сообщение, любой сигнал может быть искажен. К сожалению, так иногда происходит. Я надеюсь, что грузинское правительство стало более восприимчивым, особенно после отставки одного конкретного лица прошлой осенью, и что ситуация немного улучшилась. Но в конце концов, говоря как военное лицо из НАТО, я скажу, что война в Абхазии будет для Грузии пагубной. Вы говорите о 100 000 солдат; этого не может быть сделано. Это будет совершенно губительно для Грузии. Грузины так же, как и абхазы, знают об этом. Я искренне надеюсь, что среди представителей обеих сторон найдутся здравомыслящие люди, которые приложат все усилия, чтобы этого не произошло ещё раз. Не имеет значения, сколько у вас резервистов, у Грузии нет необходимого потенциала.

Магдалена Фричова. Да, но очевидно, что контекст очень сложен. С одной стороны вы говорите, что не существует наступательного потенциала, потому что на данный момент Грузия только строит свой оборонительный потенциал и пытается достичь оперативной совместимости с НАТО. Кроме того, почти не существует прозрачности военного бюджета. Какой сигнал всё это посылает регионам конфликта? Конечно, очень мощный. Ясно, что всё, что вы говорите – разумно. Но вместе с тем это – неполная картина.

Джеймс Маккей. Безусловно, прозрачность в вооружённых силах, в их бюджете – это то, чего мы неустанно добиваемся от правительства Грузии. На данном этапе, военный бюджет состоит из восьми статей. Мы надеемся, что к 2008 г. бюджет будет состоять по крайней мере из 70-80 статей, если не больше, в соответствии с Обзором стратегической обороны, потому что это увеличит прозрачность не только для абхазов и осетин, но и для грузинской общественности. Гражданское общество должно видеть, что происходит, должно быть в состоянии призывать правительство к ответу за те решения, которые оно принимает. Мы требуем этого постоянно. Это трудно – на постсоветском пространстве нормой является скрывать факты. Это скорее такая культура, нежели отсутствие воли.

Ян Хендрик ван Тиль. Я хотел бы выразить свою точку зрения. Необходимо понять, чего НАТО не может делать. НАТО воспринималась как часть возможного военного решения. Мы сказали, что это абсолютно исключается. Теперь мы переходим к вопросу, может ли НАТО гарантировать статус кво. Это абсолютно исключено. Вы должны понять это. НАТО не признает де факто режимов. НАТО не будет гарантией де факто режима.

Джеймс разъяснил, что НАТО признаёт международное право, и что границы государств, определённые ООН, обязательны. Не существует какого-либо вероятного сценария, при котором НАТО могла бы стать участницей насильственного разрешения конфликта.

НАТО может сделать 3 вещи. Первое, она может и будет продолжать призывать все стороны к сдержанности. Она будет использовать все свои неформальные средства, чтобы заставить правительство воздержаться от насилия. Она будет активно поддерживать мирное разрешение, реализуемое организациями, обладающими компетенциями в данном конфликте, – ОБСЕ и ООН. Основываясь на услышанном мною здесь, она могла бы заняться более активно публичной дипломатией в Грузии, чтобы объяснить свои ограничения, цели и политику относительно Грузии, не обязательно критикуя правительство. Мы могли бы подумать о том, чтобы поступить с Грузией так же, как мы это сделали с Сербией и Боснией и Герцеговиной на Балканах – поставить более строгие условия, связанные с мирным разрешением конфликта. Всё это нам придётся обсуждать внутри организации.

Бруно Коппитерс. Абсолютно верно, что у НАТО пока нет формальной роли в разрешении грузино-абхазского конфликта силой. Но точка зрения самой Грузии всегда была другой. Ещё в 1995 г. Шеварднадзе излагал идеи о применении боснийской модели в Абхазии. Тогда Генеральный Секретарь НАТО заявил, что НАТО не собирается вмешиваться в конфликт насильственным путём. Тот же президент выразил ту же надежду в 1999 г. относительно так называемой модели Косово – внешнего военного вмешательства в случае гуманитарного кризиса. И опять официальные представители НАТО и США ответили, что интервенция НАТО в Абхазию исключена.

Но НАТО также всегда знала о своём влиянии на Грузию. С одной стороны, она открыто поддерживала демократические реформы, особенно относящиеся к отношениям гражданских и военных структур в Грузии. Перспектива вступления в НАТО была хорошим инструментом для толчка к таким реформам. В конце правления Шеварднадзе, такого рода обусловленность, казалось, больше не работала. Многие говорили об угрозе превращения Грузии в несостоявшееся государство. Гражданская война в Грузии уже однажды была и могла повториться опять. В этом смысле было рационально со стороны НАТО предположить, что негативное влияние, которое интеграция Грузии оказывала на опасения со стороны абхазов, было вторичным по отношению к вопросу стабилизации Грузии как тако-

вой. Было важно превратить Грузию в демократическое, стабильное государство, чтобы избежать её превращения в несостоявшееся государство. Я понимаю эту логику. Именно это произошло во время правления Шеварднадзе. Таким образом, я думаю, что НАТО имела негативное влияние на трансформацию и урегулирование конфликта между Грузией и Абхазией.

Сейчас стоит такой вопрос: действительно ли по-прежнему действует эта логика, когда мы говорим о вступлении Грузии в НАТО? Можно ли всё ещё использовать этот аргумент сегодня? Я верю, что НАТО должна стать более предусмотрительной. Она должна обратить гораздо больше внимания на негативное влияние, которое оказывает интеграция Грузии в НАТО на грузино-абхазский конфликт. Государства-члены НАТО с большой ответственностью должны подойти к этому вопросу. До сих пор позиция НАТО в таких вопросах была формальна: «вмешательство во внутренние разногласия не является компетенцией НАТО», «наилучшие намерения могут быть неправильно использованы, и НАТО не может избежать этого», и т.д., и т.п. Я думаю, что НАТО могла бы сделать больше в этом отношении. Я бы выделил необходимость твёрдых гарантий, чтобы подтвердить, что интеграция Грузии в НАТО не приведёт к применению силы против Абхазии. В этом смысле, приоритеты НАТО должны быть немного смещены от просто демократизации Грузии к более прямому акценту на грузино-абхазский конфликт. Если НАТО не может принять меры относительно этого конфликта, она, по крайней мере, не должна оказывать негативное влияние на его решение. Это тот минимум, которого нужно ожидать от такой организации.

Паата Закареишвили. Мне очень приятно слышать, что в Грузии всё хорошо... Я не собираюсь это оспаривать, тем более что Грузия стремится вступить в программу MAP. В Грузии достигнут общественный консенсус по вопросу вступления в НАТО. В случае вступления Грузии в программу MAP мы уверены, что Грузия будет более стабильной и более предсказуемой, более демократичной. Существующий национальный консенсус подразумевает закрытие глаз на некоторые отклонения от демократических норм и стандартов при управлении страной правительством. Но абхазская сторона не участвует в этом национальном консенсусе, у абхазской стороны другие взгляды на то, что они видят в Грузии. Они не готовы закрывать глаза на то, на что я лично готов закрыть глаза. И относительно разрешения конфликтов, к сожалению, тоже не всё в духе стандартов тех ценностей, о которых на уровне риторики говорится властями Грузии. Здесь уже молчать невозможно. Даже эта встреча состоялась вопреки же-

ланию властей Грузии. Полностью прекращён диалог между сторонами в конфликте. Грузинская сторона поменяла стратегию и ведет политику в формате диктовки, диктует условия, перед фактом ставит конфликтные стороны, как в Цхинвальском регионе, так и в Абхазии. Население бывшей Южно-осетинской Автономной Области и Абхазии не готово с радостью приветствовать то, что можно хорошо оценить со стороны международных организаций. Насколько международные организации готовы учитывать их мнение? Складывается впечатление, что грузинские власти не хотят, чтобы кто-то довел до западных институтов информацию с абхазской или с осетинской стороны. Это игра в одни ворота, когда только грузинские власти сообщают информацию о том, что происходит в процессе разрешения конфликтов. У этих сторон в конфликте нет возможности донести свой голос до Брюсселя, до Страсбурга. Я знаю, что был задуман проект, когда группа из Абхазии желала приехать в Брюссель с целью ознакомления с ситуацией по НАТО, узнать, какие ожидания от НАТО, какие угрозы от НАТО. Но, к сожалению, правительство Грузии не поддержало эту инициативу. Исходя из вышеизложенного, какая у вас есть информация (помимо той, которую получаете от грузинских властей) о том, что происходит в конфликтных регионах? Я считаю, что хорошо было бы, если бы вы больше времени посвятили тому, чтобы узнать, что думают в бывшей Южно-осетинской Автономной Области и в Абхазии по поводу НАТО, насколько они готовы к обсуждению разрешения конфликтов. Для вас, я думаю, было бы неплохо более прицельно выслушать другие стороны в конфликте

Джеймс Маккей. В первую очередь, позвольте мне поблагодарить вас всех за очень интересные и очень сложные вопросы. Скорее всего, я не смогу ответить на все из них. Но я задам их тем, кто лучше информирован и может ответить на них лучше меня. Как я понимаю, правительство Грузии предлагает вести переговоры с абхазским правительством без всяких предпосылок, и эта инициатива пока отвергается абхазским правительством. Но необходимо, чтобы диалог продолжался, и необходимо, чтобы диалог возобновился, потому что нельзя добиться решения, не выслушав абхазскую сторону. Нельзя добиться решения, не выслушав реальных интересов абхазского народа. Бруно, если вы думаете, что НАТО сыграла негативную роль в этих конфликтах, то похоже, у нас с вами разные мнения на этот счет. Если вы говорите, что НАТО сыграла негативную роль, тогда, мне кажется, можно сказать то же самое об ООН и ОБСЕ, потому что под негативным влиянием мы подразумеваем призывы к сдерживанию и попытку создать надёжного партнёра в грузинском правительстве. Это моё мнение.

Я согласен с вами, что это проблема НАТО. Мы стараемся привезти группы абхазских граждан в штаб-квартиру НАТО, чтобы начать объяснять ... Я работаю с посольством США, чтобы вместе решить, кто должен приехать. Я могу сказать вам, что мы не позволим правительству Грузии наложить вето на этот вопрос, потому что это неправильно. Так же мы поступаем и по отношению к Южной Осетии, пытаемся начать объяснять людям. Но НАТО не будет играть роли в разрешении этих конфликтов. Я знаю, что такой ответ не является удовлетворительным для многих сидящих за этим столом. НАТО сделает всё, что может, чтобы помочь обеим сторонам найти мирное решение. Я не буду вдаваться во все детали о том, что делает НАТО, потому что я твердил об этом целый день. Мы просто должны взять это за исходную точку и двигаться от нее. Необходимо понять основные правила и исходить из них. Ещё раз большое спасибо за ваше время и терпение. Жду завтрашнего продолжения дискуссий.

Андрей Рябов. Я хочу сделать короткое замечание о дополнительных аргументах, которые приводят российские чиновники относительно того, почему они хотят так сильно защищать статус-кво в этом регионе. Вернёмся к теоретическим вопросам и вопросу концепции безопасности, национальной безопасности в черноморском регионе. Вопрос в том, и может это будет интересным также для НАТО, что понимание в России национальной безопасности для этого региона исходит из концепции, разработанной в середине 19-ого века, в то время, когда Российская империя ощущала угрозу с юга, со стороны Османской империи и Ирана. Поэтому Россия хотела иметь там 2 линии обороны – одну на Кавказском хребте и вторую на Южном Кавказе, чтобы защитить внутренние территории России от проникновения радикальных исламистов. Я уверен, что в восприятии политических кругов с тех пор ничего не изменилось. Поэтому Россия прилагает все усилия и ресурсы для решения конфликта в Чечне. Это один из регионов, относящихся к Кавказскому хребту.

Что касается перспективы вступления Грузии в НАТО, то Кремль хотел бы поддержать хорошие отношения со всеми южнокавказскими государствами – Арменией и Азербайджаном. Потому что Азербайджан, как стратегический партнёр, очень важен из-за расположения в транспортном коридоре и по многим другим причинам. Армения, в действительности, является военным партнёром, несмотря на то, что может быть сказано в официальных документах. Что же касается Грузии, то, конечно, лучше соблюдать более нейтральные отношения с этой страной. Но если, например, Грузия выйдет из этого пространства и присоединится к другой

политической единице или международной ассоциации или альянсу, это будет означать, что вся структура российской безопасности будет подорвана, структура, которая существует уже более века. Как компенсировать потерю этого огромного краеугольного камня, который удаляется от основания вопроса национальной безопасности? Для обеспечения безопасности России должны быть предложены какие-нибудь компенсации, которые возместят эти потери.

Существует ещё один очень важный вопрос, что-то, что не обсуждается на международном уровне, – это вопрос этнической стабильности на российском Северном Кавказе. Проблема Осетии разделила людей. Никто на самом деле не знает, как будет решена эта проблема. Конечно, это внутренняя проблема, но она также влияет и на другие проблемы, и она имеет международный масштаб. Это не только внутренняя проблема России. То же самое относится и к абхазской проблеме, так как она имеет определённое влияние на 5 или 6 автономных областей Российской Федерации на Северном Кавказе – Черкессия, сердце курорта Сочи (Шапсугская автономная область) и др. Этот вопрос тоже должен обсуждаться. Когда эти вопросы не обсуждаются, российским чиновникам кажется, что другие хотят решить их собственные проблемы, игнорируя при этом интересы России. Это также раздражает нас. Поэтому они рассуждают так: почему мы должны принимать во внимание их интересы, их планы, их стратегии? Таким образом, мы можем сказать, что если они хотят быть эгоистами, мы тоже можем быть эгоистами. Важно обсудить это по очень практическим причинам.

Сусанна Нис. Андрей затронул вопрос, который мы обсудим завтра утром, вопрос о том, является ли это на самом деле внутренней проблемой. Мы можем также обсудить роль России в этой проблеме, поскольку мы узнали, что НАТО не может решить этот конфликт. Большое спасибо всем.

15 ИЮНЯ 2007, СТАМБУЛ

Панель III. Евroatлантическая интеграция Грузии и грузино-абхазский конфликт

Бастиан Хермиссон, Фонд Генриха Бёлля (Берлин). Вчера наша беседа охватывала широкий спектр тем, сегодня же мы подробнее рассмотрим грузино-абхазский конфликт. Эта группа сосредоточится на конкретных последствиях для абхазского конфликта. Мы обсудим перспективы евроатлантической интеграции Грузии с акцентом на такие организации, как НАТО, ЕС, ОБСЕ или ООН, и посмотрим, как она может повлиять на управление и разрешение конфликта. В дискуссии участвуют четыре известных эксперта, и начнём мы непосредственно с видения проблемы внутри региона в лице Вячеслава Чирикбы из Абхазского института гуманитарных исследований, после которого выступит Шалва Пичхадзе из НПО «Грузия за НАТО». Затем слово будет предоставлено Александросу Яннису – политическому советнику специального представителя ЕС на Южном Кавказе, а завершит обсуждение Магдалена Фричова из «Международной кризисной группы».

Вячеслав Чирикба

АБХАЗИЯ, ГРУЗИЯ, РОССИЯ И НАТО

Мы живем не только в эпоху глобализации, но и в период всё ещё незавершённого процесса передела постсоветского мира и стратегической перегруппировки участников старых политических альянсов. Нынешний период характеризуется энергичными усилиями Запада, прежде всего, США, освоить это новое для себя геополитическое пространство в лице более десятка республик бывшего СССР, тогда как Россия, которая прежде это пространство единолично контролировала, пытается, с переменным успехом, и сохраняя партнёрские отношения с Западом, воспротивиться втягиванию ряда ключевых стран бывшего СССР, таких, как Украина и Грузия, в военно-политический альянс НАТО, рассматриваемый как один из инструментов глобальной политики США. Россия опасается создания

по периметру своих границ своеобразного санитарного кордона из недружественных или малодружественных и ориентированных преимущественно на США государств, политика которых нарушала бы сложившийся военно-политический баланс и создавала бы существенные вызовы, в том числе и военные, с точки зрения российской безопасности.

По всему видно, что возросшая в последнее время финансовая и военная мощь России положила конец ещё недавно казавшейся неизбежной «вестернизации» всего нероссийского постсоветского пространства. Ныне ситуация здесь принимает новые очертания, в связи с процессами в Средней Азии и с наметившимся сближением среднеазиатских стран с Россией, Китаем и Ираном. Неоднозначными оказались и результаты «оранжевой» революции на Украине.

Из постсоветских стран ныне только Грузия непоколебимо идёт в фарватере интеграции в Североатлантический Альянс. И ввиду резко негативной реакции на этот процесс со стороны России, эта страна, по всей видимости, в близкой перспективе может выдвинуться на передний край российско-американских противоречий, что особенно вероятно в случае прихода к власти в США демократов.

Какие же последствия может иметь вступление Грузии в североатлантический альянс с точки зрения неразрешенного грузино-абхазского конфликта и интересов главных его игроков – Грузии, Абхазии и России?

Начну с Грузии. Здесь просматриваются следующие три наиболее важные причины стремления стать членом североатлантической организации.

Во-первых, прежде всего, кажется несомненным, что Грузия рассматривает НАТО в качестве ключевого инструмента, с помощью которого она смогла бы вернуть под свой полный контроль отколовшиеся от неё республики Абхазии и Южной Осетии, о чём свидетельствуют неоднократные заявления высших руководителей Грузии. Поскольку мирными убеждениями Абхазию в Грузию не заманить, ясно, что упор предполагается сделать именно на военном решении проблемы Абхазии, используя ресурсы НАТО.

Второй, побочной целью, тесно связанной с первой, является стремление Грузии окончательно избавиться от политического и военного влияния России.

И в-третьих, что также немаловажно для такой хронически бедной страны, как Грузия, расчёт делается и на то, что членство в НАТО может принести ей значительные материально-финансовые дивиденды.

По данным социологического опроса проведённого недавно в Грузии

(см. «Обзор грузинского общественного мнения», февраль 8-16, 2007, помещённый на сайте <http://www.iri.org/eurasia/eurasia.asp>, сообщение А. Гегешидзе), 81% населения этой страны выступает за вступление Грузии в НАТО, что является самым высоким показателем среди стран-аспирантов. Среди ожиданий, связываемых с этим вхождением, на первом месте стоит укрепление безопасности страны (57% опрошенных), затем следуют восстановление территориальной целостности (42%), повышение социального благополучия (22%) и, на последнем месте, укрепление демократии (16%). Цифры эти, конечно, весьма красноречивы.

По всему видно, что Грузия прочно и надолго выбрала для себя место именно в геополитическом пространстве Pax Americana. Символическим выражением этой ориентации на глобальную супердержаву является, в частности, тот факт, что Грузия – единственная страна в мире, где проспект в столице назван именем ныне действующего американского президента, Джорджа Буша младшего, отношение к которому в других частях света, включая Западную Европу, как мы знаем, намного менее однозначно. Любовь эта взаимна; так, ещё недавно Грузия была третьим после Израиля и Египта реципиентом американской помощи на душу населения. На фоне катастрофических провалов в Ираке, неудач в Афганистане и недавно на Украине, Грузия рассматривается администрацией Буша как единственная удачная модель демократизации с американской помощью.

Насколько же обоснованны чаяния Грузии на помощь НАТО в восстановлении её контроля над отколовшимися в результате боевых действий двумя республиками, сформулированного как «восстановление территориальной целостности»? Прежде всего, следует вспомнить, что в свете международного права сецессия, отделение или распад государства – это внутреннее дело самого этого государства. НАТО же как военно-политическая организация обязана будет прийти на помощь Грузии как своему со-члену лишь в случае внешней для неё угрозы. Ведь, например, нахождение в НАТО Великобритании или Канады никоим образом не влияет на происходящие в этих странах внутренние политические процессы, имея в виду, прежде всего, теоретически возможную сецессию, соответственно, Шотландии или Квебека. Точно так же, членство в НАТО не может помешать теоретически возможному распаду Бельгии на два государства вдоль этнических границ Валлонии и Фландрии. Поэтому к заветной мечте Грузии на военную помощь НАТО для восстановления своей «территориальной целостности», т.е. для насильственного возвращения Абхазии и Южной Осетии в политическое пространство и под контроль Грузии, следует отнестись с достаточной долей скепсиса.

В условиях отсутствия внешней военной угрозы Грузии со стороны других стран, члены НАТО смогут лишь способствовать переговорному процессу, но на разрешение военным путем грузино-абхазского конфликта в пользу Грузии они вряд ли пойдут. Важный фактор, который также делает сомнительной возможность военной операции НАТО на стороне Грузии в Абхазии – это наличие у Абхазии хотя и небольшой, но боеспособной и высокомотивированной армии. Кроме того, такая военная акция неминуемо втянет в конфликт союзные абхазам народы Северного Кавказа. Поэтому, опять же, наивно ожидать, чтобы НАТО провела в Абхазии какие-то военные операции, с угрозой возникновения долговременного конфликта и вовлечения в него большей части Северного Кавказа.

И, наконец, совершенно невероятной, на мой взгляд, делает военную кампанию НАТО в Абхазии также российский фактор. Как хорошо известно, большинство населения Абхазии являются гражданами России. Военные операции НАТО вместе с Грузией против Абхазии поставят Россию перед необходимостью напрямую вмешаться в этот конфликт, введя в Абхазию свои вооруженные силы. Учитывая почти апокалиптический характер возможных последствий для мировой безопасности такого развития событий, вряд ли можно предположить, чтобы страны НАТО пошли бы на открытую военную конфронтацию с Россией ради территориальных амбиций Грузии. Такой сценарий полностью исключен.

В итоге, следует признать, что надежды Грузии на скорое военное решение проблемы Абхазии в выгодном для неё ключе, которые она возлагает на свое членство в НАТО, вряд ли обоснованны. Само по себе членство Грузии в НАТО не способно автоматически разрешить грузино-абхазский конфликт, так же как членство Великобритании в НАТО не разрешает, например, конфликта в Северной Ирландии. С другой стороны, представляется несомненным, что вхождение Грузии в НАТО значительно отдалит и уменьшит перспективы международного признания Абхазии.

Если в отношении Грузии, с точки зрения её вхождения в НАТО, можно говорить о надеждах или ожиданиях, то в отношении Абхазии речь может идти в этом случае скорее об угрозах и опасениях. Если говорить в общем о восприятии НАТО в Абхазии, то вне грузинского контекста отношение к этой организации здесь скорее нейтральное. Совсем иное дело – ставшая более близкой перспектива вхождения Грузии в НАТО, что однозначно расценивается здесь как существенная угроза. Грузия, стремящаяся любым путем вернуть себе контроль над Абхазией, рассматривается последней в случае принятия её в НАТО как намного более опасный противник. Членство Грузии в НАТО, таким образом, напрямую затрагивает вопросы

безопасности Абхазии. Среди конкретных факторов, которые могут рассматриваться в Абхазии в качестве угроз в случае возможного вхождения Грузии в НАТО можно выделить следующие три:

(1) НАТО существенно увеличит военные возможности Грузии, что может подтолкнуть последнюю к использованию военно-политической мощи и военных ресурсов этой организации для того, чтобы прибегнуть к насильственной реинтеграции Абхазии военным путем.

(2) Как я отметил выше, вхождение Грузии в НАТО до политического урегулирования грузино-абхазского конфликта, вне всякого сомнения, существенно усложнит или отложит на неопределённо долгую перспективу шансы на международное признание Абхазии, что является основной внешнеполитической целью Абхазии.

И наконец, вхождение Грузии в НАТО будет способствовать окончательному вытеснению России с Южного Кавказа, что, ввиду отсутствия в этом регионе других дружественных Абхазии стран, значительно ослабит военно-политические и экономические позиции Абхазии.

Наиболее уязвимыми для Абхазии с военной точки зрения являются районы верховьев реки Кодор, а также Гальский район. В свое время Абхазия совершила серьезный стратегический промах, не заняв территории верхней части Кодорского ущелья вскоре после своей победы в 1993 г. и не обеспечив размещения там либо своих сил, либо постов миротворцев СНГ и военных наблюдателей ООН. Сейчас, в свете недавних военно-политических акций Грузии в верховьях Кодора, приходится считаться с вполне предсказуемыми результатами такой ситуации. В Гальском районе, где Абхазия в одностороннем порядке, вопреки политике ООН и Грузии, и вопреки интересам собственной безопасности, провела несколько не оценённую международным сообществом широкомасштабную репатриацию мегрельских беженцев, существует реальная опасность использования Грузией этого населения в случае новой войны против Абхазии. В целом, не исключены попытки отсечь от Абхазии в первую очередь эти два стратегически важных региона. Вхождение Грузии в НАТО сделает эти планы намного более реальными.

С учётом всех этих обстоятельств Абхазия настаивает на урегулировании грузино-абхазского конфликта до вхождения Грузии в НАТО. Абхазские политики (например, в интервью со мной министр иностранных дел Абхазии Сергей Шамба) подчеркивают, что хотя Грузия и является суверенным государством, имеющим право самостоятельно решать вопросы своего участия или неучастия в военно-политических блоках, и хотя, с другой стороны, Абхазия рассматривает себя как независимое от Грузии

государство, эти две страны всё ещё связаны неразрешённым конфликтом. Поэтому для Абхазии совершенно безразлично существенное увеличение военной мощи Грузии в случае её вхождения в НАТО. Ведь даже если Грузия и не ставит перед собой непосредственных задач по военному решению проблемы своих взаимоотношений с Абхазией, всегда возможны провокации, которые могут вызвать эскалацию обстановки и привести к военному конфликту.

Весьма негативно оценивается возможное членство Грузии в НАТО и в России. Позицию России можно попытаться сформулировать следующим образом.

Во-первых, у России могут иметься опасения, что членство Грузии в НАТО укрепит создаваемый, по мнению некоторых российских аналитиков, Западом вокруг России упомянутый выше санитарный кордон, что не может серьезно не тревожить российскую военную и политическую элиту. Ведь вслед за Грузией в НАТО может последовать Азербайджан, а затем и единственный сателлит России на Южном Кавказе, Армения. В результате этого процесса Россия может быть окончательно вытеснена из региона Южного Кавказа, который она считает зоной своих жизненных интересов, поскольку он впрямую примыкает к так называемому «мягкому подбрюшью» юга России.

Во-вторых, членство Грузии в НАТО может подтолкнуть Грузию к попытке силового решения проблемы Абхазии и Южной Осетии, что может привести Россию к опасной конфронтации с НАТО, так как большинство жителей обеих непризнанных республик являются российскими гражданами. В целом, Россия не может игнорировать тяготения к ней Абхазии и Южной Осетии, поскольку неучёт этого фактора чреват для России серьёзными имиджевыми потерями, учитывая, в частности, наличие в ней упорно не замечаемого западными аналитиками, но вполне реального северокавказского проабхазского и проосетинского лобби, так как Абхазия является неотъемлемой и важной частью абхазо-адыго-черкесского этнического мира. Южная Осетия же является частью алано-осетинской нации, наиболее лояльной по отношению к России на Северном Кавказе.

Наконец, проникновение НАТО в Грузию и в Абхазию может послужить существенным фактором, способствующим эрозии российской власти на Северном Кавказе. Ведь между Россией и Грузией имеется весьма протяжённая общая граница, в том числе, проходящая вблизи беспокойных районов Чечни и Дагестана. Затронутыми этой эрозией будут, несомненно, также и адыгско-черкесский и карачаево-балкарский этнические миры.

Возвращаясь к Абхазии, вообще, невероятно представить, чтобы Рос-

сия безучастно взидала на присутствие войск или военных баз НАТО на абхазо-российской границе по реке Псоу, в нескольких километрах от главного российского черноморского курорта Сочи и летней резиденции президента России.

Всё это в совокупности, как я полагаю, обуславливает резко негативную оценку Россией перспектив вхождения Грузии в НАТО и может подвигнуть её на достаточно радикальные шаги для противодействия не желательному для неё развитию событий.

Тесно связанной с обсуждаемой проблематикой является, несомненно, и проблема Косово, также являющаяся ныне камнем преткновения между Россией и Западом. Несмотря на резко негативное отношение России к одностороннему, без согласия Сербии, признанию независимости Косово, вряд ли у России, как и в случае с членством Грузии в НАТО, имеется достаточно аргументов или рычагов, чтобы противодействовать такому развитию событий. Вопрос независимости Косово для Запада уже практически решен, и вовсе не в том ключе, на который хотела бы рассчитывать Россия. Даже в случае угрозы применения Россией права вето при голосовании по вопросу независимости Косово в Совете Безопасности ООН, весьма вероятно одностороннее признание независимости этой бывшей сербской провинции отдельными государствами в обход Совбеза ООН, так, как это было сделано в свое время с Хорватией и Словенией. Об этом, кстати, совсем недавно заявил Джордж Буш во время своего визита в Албанию.

Поддержка Россией Сербии в данном вопросе имеет для России важное имиджевое значение, хотя, в принципе, как кажется, большинство сербов смирились с потерей Косово и мечтают войти в Евросоюз и в НАТО. Поэтому противодействие Россией благословению ООН на отделение Косово, возможно, основывается на чисто тактических соображениях, связанных, в частности, с ее интересами на Кавказе.

Ситуация в Абхазии во многом напоминает косовскую. Одним из важных отличий является то, что косовары никогда не имели в Косово своего государства, тогда как государственность абхазов насчитывает более тысячелетия. Те, кто говорят на Западе об уникальности косовского случая, явно лукавят: он, несомненно, станет юридическим прецедентом, о чём уже на самом высоком уровне заявила Россия. В целом, отделение Косово от Сербии может рассматриваться как заключительный аккорд распада бывшей Союзной Республики Югославии, тогда как отделение от Грузии Абхазии – это последний акт распада советской империи, которая была гарантом территориальной целостности слепленной большевиками из разных народов и территорий Грузинской ССР.

Как мне представляется, у России, как и в случае с Косово, несмотря на всю её возросшую экономическую и политическую мощь, весьма ограниченный ресурс для того, чтобы радикально изменить в свою пользу ситуацию на Южном Кавказе. Понимание того, что в военно-политическом плане Грузия для России потеряна и потеряна надолго, проникает, хотя и медленно, в сознание российской политической элиты. Но совсем другое дело – Абхазия. В отличие от многих западных политиков и экспертов, в России отлично понимают, что Абхазия ни на каких условиях больше не войдет в Грузию, даже если этого очень захочет сама Россия. Именно это обстоятельство, а также тот факт, что Абхазия является дружественной по отношению к России страной, обуславливает самостоятельную геостратегическую ценность Абхазии для России.

Другой вопрос, готов ли Запад принять в членство в НАТО страну с неразрешёнными и практически неразрешимыми территориально-политическими проблемами? Ведь оппозиция такому развитию событий имела и во Франции, и в Нидерландах, и в Германии. Однако из недавних заявлений натовских чиновников следует, что наличие в Грузии неразрешённых территориально-политических конфликтов уже не рассматривается руководством Альянса как препятствие для членства Грузии в НАТО, что является существенным отклонением от первоначальной позиции этой организации не принимать в свой состав страны, имеющие территориальные проблемы. В обосновании нового подхода ссылаются иногда на проблему разделенного Кипра, что не помешало вхождению его греческой части в состав Европейского Союза.

Скорее всего, вопрос сейчас стоит в такой плоскости: удастся ли Америке убедить своих западноевропейских партнёров принять Грузию в НАТО, несмотря на то, что эта страна не контролирует и без внешней военной помощи не в состоянии контролировать значительную часть территории, на которую она претендует – на Республику Абхазия и Республику Южная Осетия, со всеми возможными последствиями дестабилизации, эскалации конфликта и конфронтации с Россией. Если США этого не удастся, а мы ещё не знаем, какая политика в этом вопросе будет у новой американской администрации, то Грузия в НАТО в скором времени не войдет, а ситуация с грузино-абхазским конфликтом вновь будет заморожена на неопределённо долгое время.

Грузия могла бы, конечно, попытаться успешной военной операцией вернуть под свой контроль и Абхазию, и Южную Осетию до её принятия в НАТО, но такой сценарий не вполне вероятен ввиду оппозиции военному решению проблем Абхазии и Южной Осетии со стороны западных друзей

Грузии, а также ввиду неизбежного энергичного противодействия этому со стороны России и, не в последнюю очередь, ввиду реальной боеспособности юго-осетинских и, особенно, абхазских вооруженных сил.

Третьим возможным сценарием будет такой, при котором России удастся упродлить процесс принятия Грузии в НАТО вместе с Абхазией и Южной Осетией и, смирившись с потерей Грузии, признать независимость Абхазии и Южной Осетии, удерживая их в орбите своего влияния и, таким образом, надолго сохранив, хотя бы в усеченном виде, своё политическое и военное присутствие на Южном Кавказе.

Действительно, если выяснится, что вхождение Грузии в НАТО неминуемо, то единственным упреждающим шагом для России стало бы признание Абхазии, для того, чтобы не допустить использования её территории, в непосредственной близости от её границ, для размещения на ней войск НАТО. Для реализации этого проекта на случай необходимости его применения у России имеется в активе важнейший фактор Косово, о чём Россия уже заявляла и устами своего президента, и влиятельного бывшего министра обороны. Вхождение Грузии в НАТО может послужить той последней чертой, которая подвигнет Россию на создание своего собственного санитарного кордона вокруг натовской Грузии в лице Абхазии и, возможно, Южной Осетии. Одностороннее признание Западом независимости Косово, в обход Совета Безопасности ООН, если оно произойдет, даст России легальный инструмент для признания Абхазии и Южной Осетии. Если же Россия не осуществит признания Абхазии до вхождения Грузии в НАТО, то она будет, без всякого сомнения, полностью вытеснена из стратегически чрезвычайно важного для неё региона Южного Кавказа.

И всё же конфронтационное развитие событий вокруг вхождения Грузии в НАТО не выгодно ни России, ни Западу. Поэтому, скорее всего, им придётся приступить к интенсивным переговорам, для того чтобы разрулить ситуацию в минимально конфронтационном ключе. Такой сценарий включал бы согласие Запада на признание Россией Абхазии, параллельное признание Западом Косово, а также обязательство со стороны России не включать Абхазию в свой состав. В таком случае, Абхазия стала бы действительно нейтральной буферной страной между натовской Грузией и Россией.

Да и для США, важнейшей страны североатлантического Альянса, выбравшей Грузию в качестве своей основной военно-политической базы на Кавказе, такой раздел сфер влияния является достаточно безболезненным – ведь Абхазия США абсолютно не нужна, и это-то может и явиться предметом «торга» между США и Россией. Единственным препятствием для

такого урегулирования является Грузия, которая поставила возвращение утраченных территорий в качестве краеугольного камня своей политики. Сейчас трудно сказать, пойдут ли на такой торг с Россией США, и смогут ли они преодолеть сопротивление Грузии для реализации такого геополитического урегулирования.

История, как мы знаем, часто имеет тенденцию повторяться, и сходные проблемы в отношениях между Абхазией и Грузией возникли в начале 20 века после крушения Российской империи. Сейчас мало кто знает, что в 1918 году почти аналогичный проект насчет Абхазии разрабатывал видный британский политик и дипломат лорд Керзон, который видел Абхазию в качестве независимой и нейтральной буферной страны между Россией, Грузией и Турцией. Учитывая нынешний расклад сил, следует признать, что именно такой сценарий отвечал бы созданию стабильного мира в западной части Южного Кавказа. Альтернатива этому – замороженные конфликты и отсутствие перспектив устойчивого развития для всего региона, от чего не выигрывают ни великие державы, ни сами народы Южного Кавказа, ставшие заложниками сложившейся вокруг них, или, скорее, созданной ими самими ситуации.

ГРУЗИЯ: ПУТЬ В НАТО И КОНФЛИКТ В АБХАЗИИ

Вопрос вступления в НАТО активно обсуждается в Грузии как серьёзными экспертами, так и водителями такси. Если смотреть на проблему из Грузии, то может создаться впечатление, что в каких-то высочайших кругах уже всё обговорено и членство в Альянсе лишь дело времени. В определённой степени это происходит из-за того, что грузинское руководство уверяет население – мы выполнили все взятые на себя обязательства, все требования Альянса, дело за политическим решением, и ему мешает лишь то, что НАТО избегает конфронтации с Россией. Хотя те же серьёзные эксперты более осторожны и указывают на неоднократные, всё ещё не учтённые замечания и так-же неоднократные, всё ещё не выполненные советы, которые дают НАТО, другие международные организации, в том числе, работающие в сфере государственного управления, демократических институтов и прав человека. И это при том, что Грузия ещё и не начала процедуру вступления в НАТО, каковой является выполнение Плана действий по вступлению (MAP). В нашей стране как-то принято не вспоминать, что три балканских государства уже много лет выполняют этот план, к выполнению которого мы и не приступали, и что лишь к 2008-2009 году эти государства ожидают приглашения, что формально ещё не является членством.

Так или иначе, посчитаем, что по поводу интеграции Грузии вопрос стоит не в контексте «да или нет», а в контексте «когда», и постараемся рассмотреть разные варианты влияния этого процесса на урегулирование конфликта.

После окончания холодной войны было несколько «волн» расширения НАТО. И хотя ни разу Альянс не принимал в свои ряды новых членов с нерешёнными спорами, связанными с суверенитетом, думается, интеграция Грузии в Альянс – вопрос, достойный обсуждения. Тем более, что, в некоторых государствах-членах НАТО есть такие проблемы (конфликт в турецком Курдистане, конфликт в Северной Ирландии, баскская проблема в Испании). Что-то подобное имело место и в ЕС, а именно – принятие Кипра членом ЕС при наличии нерешённого конфликта и многотысячной оккупационной армии на его территории. Мы далеки от того, чтобы рассматривать НАТО и ЕС в одном контексте, хотя, согласитесь, вопрос Кипра – это довольно любопытный случай, и было бы неверно целиком обойти его стороной.

Когда речь заходит о Грузии, то возникает вопрос, а что будет, если к тому времени не удастся урегулировать конфликты? И тут же другой вопрос: а какой смысл, собственно говоря, мы, грузины, вкладываем в слова «урегулирование конфликта»:

- развевающееся знамя с пятью крестами над Сухуми?
- определение статуса Абхазии?
- возвращение беженцев/ВПЛ?
- проведение референдума с их участием?
- подписание какого-либо документа между Тбилиси и Сухуми?
- комбинацию всех этих решений или некоторых из них?

Думается, что хотя ответы на эти вопросы не являются целью данного обсуждения, они требуют ответа.

Итак, по мнению НАТО-скептиков неурегулированность конфликтов помешает членству Грузии, поскольку:

1. После окончания холодной войны Альянс ни разу не принимал в свои ряды новых членов с такими конфликтами, и ни у Брюсселя, ни в столицах влиятельных государств НАТО просто нет опыта поведения в такой ситуации.
2. В 1995 году НАТО разработала документ под названием «Изучение возможностей расширения НАТО» (The Study on NATO 's Enlargement). В нём говорится, что «государства, вовлечённые в этнические споры или внешние территориальные споры, в том числе, в споры, связанные с проблемой иридентизма, а также, во внутренние споры, связанные с вопросами юрисдикции, должны уладить эти споры мирными средствами в соответствии с принципами ОБСЕ до того, пока станут членами».
3. НАТО не захочет принимать в свои ряды государство, часть территории которого находится под фактическим контролем другого государства-не члена НАТО. Имею в виду Россию, хотя степень контроля Абхазии и Южной Осетии со стороны России разная.
4. Грузия встанет перед выбором – либо членство, либо территориальная целостность.

Есть свои аргументы и у оптимистов:

1. Новые вызовы и смещение интересов Запада в сторону Каспийского региона и Центральной Азии диктуют Альянсу необходимость искать в регионе союзника, и Грузия подходит на эту роль даже со своими конфликтами.
2. Когда подойдет время вступления в НАТО, Запад гораздо активнее

включится в процесс урегулирования и сбалансирует негативную роль России.

3. К тому времени Грузия станет гораздо более «привлекательным» государством для конфликтующих регионов.
4. Во всех документах, в которых упоминается Грузия, НАТО подчеркивает своё уважение территориальной целостности и суверенитета Грузии в международно признанных границах.
5. Генеральный Секретарь НАТО заявил, что конфликты не помешают интеграции Грузии в Альянс. Заявление было истолковано в Грузии как намерение НАТО не делать Грузию заложницей неурегулированных территориальных диспутов и тех сил, которые могли бы ими воспользоваться, чтобы помешать расширению НАТО.
6. Представители НАТО и государств-членов НАТО неоднократно заявляли, что если Грузия продемонстрирует твёрдую, необратимую приверженность мирному курсу урегулирования и способность к разумным шагам в этом направлении, так же, как и то, что этот курс не будет зависеть от того, какая политическая сила находится у власти в Тбилиси, то неурегулированность конфликтов не станет помехой на пути интеграции.

Хотелось бы отдельно рассмотреть один из вышеперечисленных пессимистических сценариев, а именно, Грузия перед выбором: либо в НАТО без территорий, либо с территориями, но вне НАТО. Часть наиболее пронатовски настроенных политиков и экспертов говорят, что перед лицом такого выбора лучше идти в НАТО и далее в ЕС и временно забыть об Абхазии и Южной Осетии. Если Грузия интегрируется в эти структуры, у неё будет больше шансов вернуть их в будущем. Альтернатива этому – вновь сдать на милость России, которая, возможно, формально гарантирует территориальную целостность Грузии, становясь при этом её единственным гарантом со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако, полагаю, сценарий, когда Грузия встанет перед таким тяжёлым выбором, маловероятен. Россия рассматривает возможное принятие Грузии в НАТО как крайне недружественный шаг со стороны Альянса. Она не раз заявляла, что в таком случае примет довольно жёсткие ответные меры (как то: выход из ДОВСЕ, усиление военного присутствия вблизи линии соприкосновения с НАТО и т.д.). Естественно было бы думать, что для таких ответных действий Россия использует, в том числе, и подконтрольные ей Абхазию и Южную Осетию. При таком сценарии оставшаяся часть Грузии, в большой степени, потеряет ценность для НАТО. Следовательно, надо думать, что если в Брюсселе решат вопрос в пользу интеграции Грузии, то для НАТО

ценность будет представлять единая Грузия.

Как бы то ни было, появление перспективы вступления Грузии в НАТО вносит совершенно новое измерение в процесс урегулирования. Итак, если Грузия начнет выполнять План действий по вступлению (МАР), то:

- Запад будет стремиться уговорить Тбилиси пойти на некоторые компромиссы, устраивающие Абхазию, лишь бы разрешить конфликт;
- Запад будет стремиться уговорить Сухуми остаться в рамках разумных требований;
- Запад постарается приложить максимум усилий для сдерживания сторон от силовых действий, суля им перспективы европейской интеграции.

При таком развитии событий есть один из ключевых спорных вопросов, в котором Тбилиси, быть может, будет вынужден отступить. Это – возвращение беженцев/ВПЛ в обозримом будущем, т.к. для абхазов их массовое возвращение – наихудший из всех возможных сценариев, так сказать, последний бастион обороны.

Если Грузия станет членом НАТО в условиях неурегулированных конфликтов, то:

- влияние России в конфликтных регионах уменьшится (некоторые наблюдатели даже говорят о том, что она потеряет интерес к этим регионам, т.к. игра будет проиграна);
- существует опасность, что Грузия получит свой «пряник», не испытав «кнута» и, в определённой степени, потеряет стимул к компромиссам (вспомним случай Кипра и ЕС).

При таком развитии событий для Тбилиси будет велико искушение занять более бескомпромиссную позицию, в том числе, и в отношении с НАТО. Это может толкнуть Тбилиси и беженцев/ВПЛ на более бесцеремонное отношение к абхазам, к разжиганию реваншистских настроений среди беженцев/ВПЛ, что, при потере осторожности, может обернуться обострением межэтнической конфронтации. Думается, Грузии такую перспективу надо чётко и ясно исключить ещё на дальних подступах к НАТО. Тбилиси следует ясно и недвусмысленно дать понять Брюсселю, что Грузия не связывает напрямую желание вступить в Альянс с вопросом восстановления территориальной целостности, что мы не собираемся делать НАТО заложником наших внутренних проблем. Вполне возможно, что мы будем выполнять МАР до тех пор, пока НАТО не убедится в этом. Ина-

че, мы уже на данном этапе можем отпугнуть даже те государства-члены НАТО, которые поддерживают нашу скорейшую интеграцию. Хотя, нельзя исключить и более оптимистический сценарий, когда под эгидой НАТО (либо группы стран-членов НАТО, или ЕС, или ОБСЕ) будет продолжен поиск взаимоприемлемых компромиссов.

Несмотря на то, что перспектива вступления в НАТО кажется гораздо более реальной и близкой, чем членство в ЕС, Европейский Союз, в силу многих факторов, которые в этой аудитории нет причин перечислять, обладает большим потенциалом в контексте урегулирования конфликтов в Грузии. Если проводить параллели с Кипром, даже с учётом всех различий между Турцией и Россией, позволю себе высказать сомнение в том, что членство Кипра в НАТО смогло бы убедить турок-киприотов в необходимости компромиссов, на которые они сегодня готовы пойти. Думаю, что перспектива членства Грузии в ЕС сослужила бы лучшую службу урегулированию конфликта с учётом долгосрочных интересов обеих сторон. Кстати, многие эксперты в Грузии полагают, что конфликт разрешился бы к обоюдной выгоде, если бы сегодня речь шла не об интеграции в НАТО, а в ЕС. Изредка некоторые независимые эксперты в Тбилиси делают даже «крамольные» намёки на то, что гипотетическое вступление Грузии и Абхазии как двух независимых государств в ЕС устранило бы большинство факторов конфликта.

Так или иначе, абхазское общество настороженно относится к НАТО, поскольку:

- всё ещё жива недобрая память о холодной войне;
- считается, что это военно-политический альянс, противостоящий России;
- НАТО благоволит Грузии, а что хорошо для Тбилиси, то плохо для Сухуми;
- всё еще жива в памяти расправа над «несговорчивой» Сербией (то, что она принесла фактическую независимость сепаратистскому Косово, небольшое утешение, т.к. Белград, так же, как и Сухуми, пользуется поддержкой России, в то время, как Тбилиси и Приштина считаются фаворитами Запада).

Вместе с тем, полагаю, ЕС обладает большей привлекательностью для Сухуми по нескольким причинам:

- это не военно-политический блок и, следовательно, он не угрожает Абхазии агрессией;
- ЕС – это привлекательность через благосостояние и стабильность, в то время как НАТО – принуждение через военное давление;

В этих условиях активизация ЕС посредством политических инициатив и гуманитарных, экономических проектов могла бы вывести стороны из глупого, иррационального переговорного тупика и придать урегулированию совершенно другое, долгосрочное прагматическое измерение. Думаю, это тем более возможно, что ЕС более или менее приемлем для обеих сторон в конфликте.

И в заключение. Думается, неурегулированность конфликтов не должна стать причиной отказа Альянса принять Грузию. В случае решения со стороны НАТО принять в свои ряды Грузию, это может произойти раньше, чем удастся разрешить сложный клубок проблем в конфликтах. Это понимают в Тбилиси и должны понимать в Брюсселе. Подвести Грузию к черте окончательной интеграции и потом сказать, что дальше двигаться невозможно, потому что мешают конфликты, значит искать формальную причину отказа тогда, когда истинная причина – в другом.

Бастиан Хермиссон. Большое спасибо. Сказанное вами плавно подводит нас к выступлению Александроса Янниса – представителя Европейского Союза. Вчера мы много говорили о роли НАТО. Тогда Джеймс Маккей заметил, что у НАТО либо нет полномочий разрешить конфликт, либо она просто не способна это сделать. И сегодня мы хотели бы услышать вашу точку зрения на роль ЕС в этом вопросе.

Александрос Яннис

ЕС И АБХАЗСКИЙ КОНФЛИКТ В ГРУЗИИ

Для того, чтобы понять усилия, прилагаемые ЕС для разрешения абхазского конфликта в Грузии, необходимо рассматривать их в контексте общих целей ЕС, к которым относятся: содействие политическим и социально-экономическим преобразованиям в регионе, участие в разрешении конфликта и установлении долгосрочного мира на Южном Кавказе. Роль ЕС в регионе претерпевает значительные изменения.

Во-первых, ЕС по праву становится ключевым игроком. Последняя волна расширения (Болгария, Румыния) вынесла ЕС на берега Чёрного моря, тем самым превратив Южный Кавказ в полноценного соседа ЕС. В 2004 году ЕС расширил Европейскую политику соседства (ЕПС) до Южного Кавказа и продолжает посредством ЕПС оказывать помощь в форсировании реформ, проводящихся в регионе.

Во-вторых, стабильность в странах-соседах ЕС – первоочередная стратегическая цель Европейской стратегии безопасности. С точки зрения ЕС достичь этого можно путём укрепления демократии и верховенства закона, содействия развитию прав человека, а также разумным правлением, стимулированием социально-экономического роста и снижением уровня бедности. Другими словами, путём европеизации преобразований и реформ в регионе.

И, наконец, заинтересованность в большем участии ЕС в регионе была вызвана необходимостью разносторонне развивать источники энергии и пути подвоза материальных средств. Это лишь усилило заинтересованность ЕС в стабильности и безопасности региона, а значит, и в разрешении конфликтов, которые остаются, наверное, единственным препятствием на пути к долгосрочному миру и стабильному развитию.

На сегодня главной задачей региона является фундаментальный процесс политических и социально-экономических преобразований, а основной проблемой – укрепление органов государственной власти и её потенциала. Другой не менее важной задачей является решение стратегических вопросов, возникающих из стремлений региона к Европе в целом и к евроатлантической интеграции в частности, а также непрерывный поиск способов внести большую ясность в отношения с Россией – важным соседом, которого с Грузией разделяют Кавказские горы. Конкретный вопрос, связанный как с комплексными преобразованиями, так и с решением стратегических вопросов, – это вопрос так называемых замороженных конфликтов.

ЕС и конфликты на Южном Кавказе.

Опираясь на собственный исторический опыт и своё представление о мире, где главенствует закон, ЕС убеждён, что там, где есть место неразрешённым конфликтам и расколам, где игнорируются проявления несправедливости и обиды, не может быть устойчивой стабильности и развития. Непрекращающиеся конфликты в регионе порождают беззаконие и изоляцию, которые, в свою очередь, поддерживают порочный круг конфликта и застоя. Это отражается, в основном, на оспариваемых территориях, но тормозит также прогресс и развитие всего региона.

Кроме того, конфликты в регионе несут в себе опасность дестабилизации за его пределами, включая ЕС. Речь идёт, прежде всего, об организованной преступности, которую питают правовые вакуумы в зонах конфликта, где власти проявляют полное бессилие и безответственность, а границы уязвимы. Позволять конфликтам разгораться и дальше, создавая подобную нестабильность на границах ЕС, конечно же, не входит в планы организации.

И, наконец, одна из самых серьёзных опасностей, таящихся в конфликтах такого рода, заключается в постоянном риске снова вернуться к вооружённому противостоянию, которое приведёт к гибели людей и целых обществ, поставит под угрозу стабильность и прогресс в регионе, а также повлечёт за собой негативные последствия для ЕС.

Поэтому Европейский Союз всё больше осознаёт необходимость играть активную роль в разрешении региональных конфликтов. У ЕС как силы, действующей на международной арене, есть несколько преимуществ в содействии разрешению конфликта и установлению стабильности в регионе.

Сам по себе Европейский Союз – это самый грандиозный миротворческий проект современности и живой пример того, как можно успешно справиться с коренными причинами конфликтов и создать устойчивую стабильность. Это «мягкая» власть ЕС: указывать верный путь своим примером, а не желанием диктовать решения. Мы надеемся, что такая позиция позволит всем игрокам, всем сторонам региона рассматривать ЕС не как угрозу, а как надёжного партнёра.

Благодаря приверженности общим ценностям, таким, как права человека, верховенство закона, свободная рыночная экономика и социальная справедливость, ЕС также обладает уникальной силой преобразования. Расширение процессов ЕПС до Южного Кавказа воплощает стремления ЕС поддержать регион в его преобразованиях и содействовать установлению стабильности.

Однако, есть ещё одно конкретное и серьезное нововведение в готовности и способности ЕС играть важную роль в предотвращении и разрешении региональных конфликтов. За последние несколько лет ЕС значительно усовершенствовал свои институты и инструменты единой внешней политики и политики безопасности. Во-первых, ЕС усовершенствовал свой политический потенциал. Яркими примерами служат назначение в 1999 году д-ра Хавьера Соланы первым Верховным Представителем ЕС, а затем и назначения Специальных представителей ЕС (СПЕС), отвечающих за определённые территории и проблемы, как, например, СПЕС на Южном Кавказе – пост, в данный момент занимаемый послом Питером Семнеби. Такие нововведения привели к конкретным результатам. Один из примеров – Балканы: ЕС помнил об ошибках 1990-го, и к 2001 г. верховный представитель ЕС уже играл решающую роль в предупреждении обострения конфликта в Скопье. Он также помогал в переговорах по Охридскому соглашению, которое привело к урегулированию этого кризиса. И там, и в других регионах Балкан ЕС всегда тесно сотрудничал с НАТО на правах ключевого партнёра.

Однако за последние годы ЕС также серьёзно повысил свою боеспособность, которая должна отражать и поддерживать его посреднические и политические инициативы по решению кризисных ситуаций. С 2003 года ЕС провёл 16 военных и гражданских операций в конфликтных зонах стран, не являющихся членами ЕС, на Балканах и Южном Кавказе, в Африке, Азии и других регионах. Благодаря этим операциям, ЕС приобрёл ценный опыт и стал надёжным и полноценным партнёром по урегулированию кризисных ситуаций.

Если говорить конкретно о Грузии, в 2004 году ЕС приступил к выполнению миссии THEMIS, направленной на поддержание верховенства закона, а в 2005 ЕС также создал в Грузии специальную пограничную группу, которая помогает грузинской пограничной службе и другим уполномоченным государственным учреждениям следовать курсу реформ и развивать свой потенциал.

Будущее участие ЕС в делах Грузии и абхазский конфликт.

Здесь роль ЕС по-прежнему велика. В соответствии с общей политикой ЕС, одной из целей которой является предупреждение конфликтных ситуаций и мирное разрешение региональных конфликтов, в конце 2006 года ЕС выразил намерение и дальше разрабатывать и применять меры, направленные, в основном, на восстановление доверия и улучшение политического климата для процесса разрешения конфликтов в Грузии. В рамках

мер по укреплению доверия необходимо сделать, в частности, следующее: наладить контакты и обеспечить стимулы для диалога между Тбилиси и конфликтными регионами, уменьшить изоляцию пострадавших регионов и открыть им доступ в Европу, а также составить программу решения проблем и выработки долгосрочных решений посредством диалога и сотрудничества.

Для реализации принятого решения в январе 2007 года в Грузию, Абхазию и Южную Осетию была послана экспертная группа, которая должна была проанализировать ситуацию на месте, изучить, как существующие инструменты ЕС могут способствовать укреплению доверия и разрешению конфликта, а также отработать конкретные меры по укреплению доверия, которые были бы поддержаны ЕС и применены в рамках отношений ЕС с Грузией. Возглавлял экспертную группу специальный представитель ЕС на Южном Кавказе и ЕК. В ней также участвовали представители и эксперты из стран-членов ЕС. Все стороны поддержали серьезное намерение экспертной группы в будущем активно участвовать в мерах по укреплению доверия.

Страны-члены ЕС, а также специальный представитель ЕС на Южном Кавказе и ЕК подробно обсудили отчет экспертной группы о выполненном задании и одобрили почти все рекомендации по расширению участия ЕС в принятии мер, направленных на укрепление доверия. СПЕС на Южном Кавказе в данный момент участвует в переговорах со всеми сторонами, включая грузинское правительство и руководства Абхазии и Южной Осетии, с целью определения мер, которые были бы одобрены всеми заинтересованными сторонами, и осуществление которых могло бы быть начато в ближайшем будущем.

Такие меры по укреплению доверия могут включать как общие, так и конкретные меры, разработанные для Абхазии и Южной Осетии. Общие проекты включают наращивание потенциала и техническую поддержку Министерства по урегулированию конфликтов и Министерства по вопросам гражданской интеграции Грузии, предоставляемую с целью развития прав меньшинств, поддержки таможенного управления Грузии с участием соответствующих структур Абхазии и Южной Осетии. К общим проектам относится также финансовая помощь в проведении международных конференций по вопросам урегулирования конфликтов и прав меньшинств, участвовать в которых смогут все заинтересованные стороны.

Более конкретные меры по укреплению доверия, касающиеся Абхазии, могут включать в себя размещение полицейского эксперта ЕС при МООНГ с целью обеспечить связь с полицейским компонентом МООНГ в Абха-

зии и наладить контакты между соответствующими структурами Грузии и Абхазии; назначение советника таможенной службы Абхазии для установки параметров таможенного проекта ЕС и налаживания контактов между грузинскими и абхазскими таможенными службами, в особенности, для обмена информацией по таможенным вопросам; приглашение соответствующих абхазских структур к участию на рабочем уровне в программе по борьбе с наркотиками на Южном Кавказе; разработку соглашения между сторонами по вопросам разминирования для дальнейшей поддержки Европейским Союзом программы разминирования в Абхазии; реабилитацию инфраструктуры (например, домов, оснащение районных больниц, школ, водопровода и канализации), а также финансовую поддержку домашнего хозяйства в виде микрокредитов, кредитование малых и средних предприятий, предоставление сельскохозяйственных кредитов и реализацию других сельскохозяйственных проектов (услуги по вакцинации, борьба с вредителями, услуги по развитию и расширению и т. д.); помощь ЕС в выявлении преград на пути достижения соглашения по реабилитации и управлению Черноморской железной дороги и, наконец, целевые усилия по расширению участия абхазов в академических обменах с ЕС, проведение информационных кампаний, ориентированных на студентов Сухумского университета, а также развитие курсов по европейским исследованиям и соответствующих программ Сухумского университета.

ЕС готов хоть сегодня начать реализацию вышеперечисленных мер по укреплению доверия, так же, как и исследовать и содействовать разработке дальнейших мер по укреплению доверия при поддержке заинтересованных сторон. Этим мер может быть не достаточно для разрешения конфликтов, но они могут сыграть важную роль в уменьшении напряжённости, а также улучшить общий климат, снова посадить стороны за стол переговоров и объединить их общими проектами, уменьшить изоляцию в конфликтных регионах и в целом способствовать мирному разрешению конфликтов, снизив риск повторного возникновения вооруженного противостояния.

Все эти инициативы – результат возросшего стремления ЕС к участию в урегулировании кризисных ситуаций. Если же стороны и дальше будут приветствовать посредническую роль европейской стороны, а также Европейскую политику соседства, которая определяет основное направление отношений между ЕС и Южным Кавказом, то вышеперечисленные меры могут стать лишь началом возросшей роли ЕС в обеспечении долгосрочной стабильности в регионе.

Бастиан Хермиссон. Спасибо, Александрос. Уверен, что мы ещё вернёмся к обсуждению этого вопроса. Магдалена, «Международная кризисная

группа» уже давно работает в регионе, анализируя эти конфликты. Как вы оцениваете отношение к конфликтам в самом регионе, что думают там о вступлении в НАТО и как воспринимаются другие силы, действующие на международной арене?

Магдалена Фричова

Спасибо. Я хотела бы начать своё выступление с выражения благодарности организаторам, Вальтеру, Поле, Тамуне и вашим спонсорам. Мне кажется, это прекрасная возможность обменяться мнениями и информацией, и я убеждена, что такой обмен крайне важен.

Признаюсь, во время нашей вчерашней дискуссии о разных восприятиях проблемы и об аспектах доверия или его отсутствии я одну за другой вычёркивала части своего выступления. В итоге я решила немного сместить акцент и взглянуть на процессы урегулирования конфликтов так, как видит их сторонний наблюдатель, живущий в регионе, а затем найти возможную связь с обсуждением о вступлении Грузии в НАТО. Таким образом, я буду отталкиваться скорее от мирных процессов, а так как наиболее активные попытки изменить динамику этих процессов предпринимаются в Тбилиси, то основной акцент в своём выступлении я сделаю на дилеммах, вызванных нынешними стратегиями Грузии в отношении конфликтов.

За последний год стало очевидно, что переговоры по грузино-осетинскому и грузино-абхазскому конфликтам зашли в тупик на всех уровнях. Важной частью этого процесса является новая стратегия грузинской стороны, направленная на изменение статуса-кво в вопросе разрешения конфликта. Грузия действительно предпринимает серьёзные шаги, пытаюсь изменить формат мирных переговоров и ситуацию на месте. Возьмём хотя бы недавнее появление на политической арене господина Санакоева и дальнейшее укрепление его позиций. Но к этому обстоятельству мы вернёмся позднее.

Что движет Грузией в этой новой наступательной стратегии? О таких движущих факторах мы уже говорили на предыдущих заседаниях. Я лишь повторю основные из них. Президент Саакашвили – «строитель государства», это важнейший аспект его программы действий. Он стремится построить сильную единую Грузию с надёжными государственными институтами, не только путём реинтеграции конфликтных зон, но также увеличивая потенциал силовых структур и проводя реформы в сфере правосудия, уголовной юстиции и т. д. Так что эта область в последнее время претерпела довольно значительные изменения.

Восстановление территориальной целостности было главным предвыборным обещанием и ключевым аспектом стратегии, представленной международному сообществу, и, мне кажется, вполне допустимо предположить, что сейчас президент Саакашвили форсирует события, стремясь до следующих выборов представить народу выполненные обещания или

по крайней мере какие-то конкретные результаты.

Мы уже всесторонне обсудили вопрос Косово и то, станет ли он своего рода прецедентом, хотя бы в восприятии некоторых участников урегулирования конфликта. Замечу, что несмотря на то, что международное сообщество считает Косово случаем уникальным, он всё равно становится политическим прецедентом, хотим мы этого или нет. Таковым его уже считают абхазская и российская стороны, и ясно, что это следует учитывать.

И ещё кое-что относительно грузинского восприятия Косово. В течение последних лет стало очевидно: Грузия делает всё, что в её силах, чтобы показать миру, что косовское решение не применимо к ситуации в Грузии. Многие именно с этим связывают появление господина Санакоева и даже в особом внимании к назначению руководства в изгнании в Кодорском ущелье видят способ блокировать возможное проведение параллелей. В каждом из регионов конфликта существуют «два конкурирующих правительства», одно из которых – правительство Санакоева в Южной Осетии и правительство в изгнании в Кодори – стремится к восстановлению целостности Грузии. Таким образом легче противостоять стремлениям Сухуми и Цхинвали к политическому самоопределению. Однако, первостепенное значение имеет тот факт, что эти альтернативные правительства не представляют население, живущее сегодня в Южной Осетии или Абхазии.

Давайте вернёмся к мотивации урегулирования конфликта с грузинской стороны. Последний аспект, который я хотела бы затронуть, – это неудовлетворенность, вызванная ролью России в разрешении конфликта и в конфликтных регионах. Неудовлетворенность достигла беспрецедентного уровня. Грузия решительно отвергает какую-либо роль или какое-либо участие России. Она поставила перед собой задачу доказать международному сообществу, что Россия – посредник нечестный и её вмешательство лишь усугубляет положение. Мы слышим эту риторику в словах президента Саакашвили, когда он говорит о попытках России присоединить к себе грузинские территории и захватить страну.

Мне кажется, некоторые доводы достойны внимания. Одни убедительны, другие нет. И ещё я хотела бы обратить внимание на то, что, по-моему, примеры Абхазии и Осетии совершенно разные.

Во время предыдущих обсуждений мы затронули тему обеспечения безопасности границ. Вопросы безопасности границ играют ключевую роль в аргументации грузинской стороны – конфликтные зоны представляют собой серьёзную опасность как для региона, так и для всего мира. Подчеркивая отсутствие контроля над туннелем Роки, связывающим российскую Северную Осетию с Южной, выступая с заявлениями о том, что туннель

служит для транзита оружия и, возможно, даже других опасных веществ, грузинская сторона использует сегодняшнюю активно идущую во всем мире полемику по вопросам безопасности и борьбы с терроризмом в своих целях. Грузия утверждает, что недостаток контроля может повлечь за собой последствия не только для региона, но и для других стран. В этом году уже появились статьи, в которых, например, обсуждался вопрос контрабанды высокообогащённого урана. Привлекая внимание к этим проблемам, Грузия приводит веские доказательства того, что ситуацию необходимо взять под контроль, иначе она перерастёт в угрозу безопасности мирового масштаба. И здесь мы снова наталкиваемся на очень деликатный вопрос, потому что обе стороны, естественно, будут утверждать, что они контролируют свои территории и границу (даже если последние не признаны) и эффективно поддерживают правопорядок. Вопрос непризнанности ставит конфликтные регионы в невыгодное положение в этом споре, в котором Грузии с успехом удаётся привлечь внимание международного сообщества и заручиться его поддержкой, и это делается, я бы сказала, вполне обоснованно. Я повторяю: это касается в особенности туннеля Роки, через который, как утверждает грузинская сторона, российское оружие доставляется на периферию зоны грузино-осетинского конфликта. Такая ситуация сводит на нет все попытки урегулирования конфликта. Кроме того, Тбилиси заявлял, что для того, чтобы стать стороной, обеспечивающей безопасность, Грузия должна сдерживать Россию, по крайней мере в том, что касается её роли в конфликтных регионах.

Мне также кажется, что Грузия чувствует себя очень уязвимой перед Россией. Если не избавиться от этого страха (возможно, при помощи международного сообщества) или если он не будет признан самой Москвой, мы едва ли добьёмся положительных результатов в урегулировании конфликтов. Это касается как грузино-осетинского, так и грузино-абхазского конфликта. До тех пор, пока стороны не признают, что к опасениям Грузии в отношении Москвы нужно отнестись со всей серьёзностью, роль Грузии в переговорах вряд ли будет конструктивной. Я обращаю на это ваше внимание, потому что мы часто говорим о том, что Грузия должна решить вопрос ощущения незащищённости в конфликтных регионах. Я с этим совершенно согласна. Я убеждена, что Грузии необходимо постараться снять опасения у конфликтных регионов, обсуждать и обеспечивать необходимые гарантии безопасности, включая соглашения о неприменении силы, отказаться от военной риторики и сделать прозрачным военный бюджет. Но мы не должны забывать о проблемах безопасности самой Грузии. Можно ли параллельно решать проблему опасений и тех, и других? Сможем ли

мы разработать механизм, который бы позволил избавиться от опасений и страхов, лежащих в основе как грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов, так и в основе конфликта Грузии с Россией? В нашем последнем отчёте о ситуации в Южной Осетии мы высказали ряд рекомендаций по этому поводу: хорошо было бы назначить независимого наблюдателя для туннеля Роки, это ослабило бы опасения Грузии относительно незаконного использования туннеля. Но если эта мера будет принята, то одновременно конфликтующие стороны должны будут подписать соглашение о неприменении силы. Однако остаётся главный вопрос: существует ли политическая воля для таких действий? К сожалению, я в этом не уверена. И всё же я убеждена: для того, чтобы предоставить даже самые минимальные гарантии безопасности, необходимо рассматривать оба уровня конфликта параллельно.

В своих стратегиях по урегулированию конфликта Тбилиси подчёркивает тот факт, что Россию необходимо сдерживать, так как она является главным источником проблем и при этом действует в конфликтных зонах с чувством безнаказанности. В своих выступлениях политическая верхушка Тбилиси неизменно говорит об угрозе, идущей с севера.

В то же время грузинская сторона в общем и целом игнорирует другой не менее важный аспект этнотерриториального конфликта с абхазами и осетинами – межэтнический. Тбилиси необходимо сосредоточиться на расширении конструктивного диалога с конфликтными регионами, убедить население в преимуществах такого диалога, а в будущем, возможно, сделать упор на сотрудничестве, а не только на сдерживании России. Одним лишь сдерживанием решить проблему в отношениях с абхазами и осетинами не удастся.

Другими словами, Грузия должна показать населению конфликтных регионов, что она уважает их стремления и признает их опасения. Да, Грузия изложила ряд намеченных планов, делая особый акцент на ненасильственных стратегиях и программах, направленных на развитие. Однако, все эти планы одностороннего порядка, и представленные в них решения не находят никакой поддержки в самих конфликтных регионах. С точки зрения Южной Осетии и Абхазии, Грузия не в состоянии даже наладить диалог, она слишком занята выполнением требований о мирном разрешении конфликта, которые перед ней поставил Запад, и выполнением предвыборных обещаний, которыми грузинское руководство себя связало. Так, например, господин Ногаидели представил в Нью-Йорке план мирного урегулирования конфликта, в котором обсуждалась необходимость скорейшего мирного разрешения кризиса. Однако, план в целом отражает общую позицию

Грузии на переговорах. Такой план не только абсолютно не воспринимается абхазской стороной, он к тому же усиливает убеждение абхазов, что Грузия на деле не заинтересована в настоящем диалоге по ряду важнейших вопросов, но, неустанно повторяя о своём стремлении мирно урегулировать конфликт, она всё равно производит на международное сообщество впечатление конструктивного участника. Всё больше растёт убеждённость в том, что Тбилиси пытается разрешить конфликты побыстрее и преимущественно на своих условиях. В то же время последние мирные инициативы были большей частью односторонними: ни Сухуми, ни Цхинвали не рассматривают их как реальную отправную точку для переговоров.

Теперь я хотела бы поговорить о той роли, которую международные организации, в частности НАТО, могут сыграть в сложившейся ситуации. Мы уже всесторонне обсудили вопрос о готовности и политической воле НАТО принять союзника, чьё вступление в организацию может послужить причиной конфронтации с Россией, на территории которого к тому же имеется два нерешённых конфликта – с российскими солдатами в качестве миротворцев. Мы также обсудили, насколько дебаты о вступлении Грузии в НАТО могут повлиять на процесс разрешения конфликтов. Джеймс неоднократно упоминал о том, что в НАТО существует консенсус по поводу того, что она не та организация, которая может предоставить какое-то ноу-хау в области урегулирования конфликтов. Она в состоянии только повлиять на общее положение дел. В данный момент НАТО не может прямо подключиться к мирным процессам. По-моему, позиция организации достаточно ясна и справедлива.

Тем не менее, я считаю, что сейчас роль НАТО должна заключаться не только в попытках убедить Грузию в необходимости мирного разрешения вопроса, но и в создании подобия зеркала, которое бы отображало реальные действия по достижению заявленной цели. Альянс должен проявить сильную политическую волю и быть готовым к строгой критике и отзывам. В некотором роде вся вчерашняя дискуссия вращалась вокруг этого: НАТО убеждает Грузию в необходимости разрешения конфликта, а Грузия говорит, что она предпринимает меры для его мирного урегулирования, однако, у конфликтных регионов уверенности в этом нет, и сами они не участвуют в этих дебатах. Как НАТО информирует Тбилиси о своей оценке действий Грузии? Какие есть альтернативы для подхода в духе конструктивной критики, который был бы более прямым и учитывал бы потребности и тревоги конфликтных регионов? Предстоит задать непростые вопросы, типа: считают ли осетины, что стратегия Санакоева способна предложить новые пути урегулирования? На сегодня ответ – нет, не считают. Как можно изменить стратегию, чтобы она отражала также интересы осетин и абхазов?

В дебатах Грузии с западными партнёрами крайне важно открытое, честное и постоянное взаимодействие. Мне кажется, справедливо было бы спросить, есть ли у иностранных партнёров политическая воля обеспечить такую обратную связь? И как это происходит? Если только за закрытыми дверями, то каков резонанс таких переговоров в обществе? Вчера мы затронули все эти вопросы. Чтобы развить тему дальше, необходимо также провести различие между ролью, которую сыграли во всём этом США и остальная часть международного сообщества. Во всём регионе восприятие роли США, особенно если принять во внимание сегодняшнюю американскую администрацию, такова: даже если западноевропейские партнёры будут настаивать на ином подходе, их шансы на успех невелики – потому что, в каком-то смысле, американские партнёры так твердо настаивают на своем политическом решении.. По-моему, это один из наиболее серьезных недостатков диалога между Тбилиси и западными партнерами. Международное сообщество должно учесть это, прежде чем будет поставлена под вопрос его способность к серьезной критике и обратной связи.

Если такой критики и такой обратной связи не будет предоставлено, западные организации, включая НАТО, рискуют превратиться в инструмент в руках грузинского партнёра, пользующегося исключительным правом доступа к ... и ведения диалога с конфликтными регионами, за исключением нескольких международных НПО и миссий ООН и ОБСЕ. Население конфликтных регионов всё ещё не уверено в том, что Запад способен серьезно воспринимать их устремления. Поэтому необычайно важно начать хотя бы диалог на этом уровне. Как я уже говорила вначале, я приветствую эту инициативу, так как западные партнёры должны узнать о точке зрения Абхазии и Южной Осетии. Кое-какой диалог с представителями западных столиц или ЕС уже идёт, а вот диалога с НАТО пока не состоялось. Теперь нужно работать в этом направлении. По-моему, ясно, что Сухуми не захочет участвовать в дебатах или программах помощи с подачи Тбилиси. Конфликтные регионы в этом совсем не заинтересованы. В то же время Тбилиси стремится использовать диалог с европейскими и евроатлантическими организациями для укрепления своих позиций в конфликтных регионах, это отчётливо видно на примере дебатов о ЕПС и её механизмах финансирования. Я вижу только один выход: необходимо наладить каналы связи, для того, чтобы Альянс был в курсе настоящего отношения Сухуми к проблеме, а не того, как его толкуют в Тбилиси. Но этот вопрос должен подниматься.

В ситуации с Нагорным Карабахом я часто удивляюсь, когда говорят, что настоящих мирных переговоров по сути нет, есть лишь их имитация.

Недавно я снова столкнулась с этой точкой зрения. Важно, чтобы НАТО или, если уж на то пошло, любая западная организация не стала частью этого сравнения с имитацией мирного урегулирования и укрепления демократии. Вчера мы уже немного говорили об этом. Для этого необходимо наладить откровенную, жизнеспособную и чёткую обратную связь с правительством Грузии, а также с любым правительством, участвующим в процессе вступления в организацию.

В заключение я хотела бы вернуться к ключевым вопросам, которые были затронуты вчера, и ответ на которые должен найти сам Альянс: готова ли НАТО принять страну с двумя внутренними конфликтами, вступив, таким образом, в конфликт с Россией? Если да, то каким образом? Это крайне важные вопросы и они требуют тщательного обдумывания и анализа.

Честно говоря, после последнего семинара НАТО в Тбилиси у меня сложилось впечатление, что эти вопросы болезненно воспринимаются грузинской стороной – в них видят угрозу для присоединения Грузии к Альянсу. Мне кажется, необходимо найти способ обсудить с грузинами эти вопросы, озвучить их и попытаться решить их. Следует вступить в содержательные дебаты, даже учитывая то, что для грузинской стороны эта тема очень чувствительна, ведь дебаты такого рода могут быть восприняты как угроза самому вступлению Грузии в НАТО, на котором, собственно, и построена вся внешняя политика страны.

ОБСУЖДЕНИЕ

Арчил Гегешидзе. Выступления были очень информативными, и у меня накопилось много вопросов, однако, хочу задать пару вопросов каждому докладчику, кроме Шалвы, потому что в целом я разделяю всё, что он сказал. Первый вопрос Вячеславу. Он касается первого тезиса относительно отношений в Абхазии к НАТО не в контексте интеграции Грузии, что она нейтральное. Это ваша экспертная оценка или вы можете сослаться на какие-то исследования в этом отношении? Это обосновывается вашими субъективными наблюдениями или существует какой-нибудь опрос или исследование? Основной тезис вашего доклада – это неизбежность, с точки зрения политической целесообразности, признание Абхазии со всеми вытекающими отсюда последствиями не только для Грузии, но и для НАТО. То есть зачем усечённая и нестабильная Грузия, как потом Вячеслав говорил об этом в своём выступлении. Вы исключаете, что перед лицом такой

перспективы момент истины, когда он наступит, Грузия не предложит России сделку, о которой я говорил в своем выступлении в качестве одного из сценариев: откажется или заморозит свой процесс сближения с НАТО, и, таким образом, договорится с Россией об отмене такого решения, если оно в России возникнет. Я сам лично мало верю в этот сценарий, но существует определенная вероятность такого. Как в таком случае будут развиваться события?

Я хочу сперва сделать комментарий и потом задать несколько вопросов г-ну Яннису. В вашем выступлении вы с удивлением или сожалением отметили, что вчерашняя наша дискуссия не коснулась контекста ЕС. Конечно, мы в основном рассматривали вопрос интеграции в НАТО, однако один из выводов в моей презентации заключался в том, что для Грузии НАТО может проложить путь к интеграции в ЕС. Этот пункт назначения мог бы предоставить лучшие условия для достижения мира путем переговоров. Ещё я сказал, что ЕС мог бы быть лучшим конечным пунктом назначения для обеих сторон, не только для Грузии, но и для Абхазии. Это потому, что если мы вместе будем идти в направлении той системы ценностей, которую проповедует ЕС, и если мы продвинемся и сблизимся с его политическими, правовыми и административными системами, мы легче сможем найти компромисс путем мирных переговоров в любом направлении – как в сторону независимости Абхазии, так и в сторону сохранения территориальной целостности Грузии. Вероятность велика, что две демократии более эффективно смогут вести мирные переговоры. Вот это было моим основным тезисом. Хотя, следует отметить, что некоторые участники этой встречи данное соображение считают сегодня слишком идеалистическим и менее вероятным по сравнению с другими возможными сценариями развития событий. Я бы так комментировал ваши замечания по поводу моего выступления.

Мой первый вопрос состоит в следующем: если не удастся достичь согласия в СовБезе ООН по Косово и его независимость будет в одностороннем порядке признана США, ЕС или отдельными странами ЕС, как это может повлиять на политику ЕС в нашем регионе? Россия, ведь может использовать этот прецедент в качестве предлога, как об этом говорили Вячеслав и другие участники в своих выступлениях, и признать Абхазию и, возможно, Южную Осетию. Может ли такое развитие событий повлиять на политику ЕС в регионе и если да, то как? Второй вопрос: вы говорили о конкретных предложениях, выработанных вами в рамках ЕС, которых вы представляете на рассмотрение грузинской и абхазской сторонам. В какой степени разделяют эти предложения в самом ЕС, его столицах? Исходя из

всей сложности проблемы, может быть, имело бы смысл создать внутри ЕС контактную группу по замороженным конфликтам, или конкретно по грузино-абхазскому конфликту, чтобы ваша группа или другие новаторы в ЕС с помощью такого института могли лучше продвигать свои идеи и воплощать их в конкретные решения ЕС? Подобные контактные группы в свое время по вопросам Украины, Ирана и другим странам оправдали себя. И последний вопрос: каково ваше личное мнение относительно позиции Грузии об изменении существующих форматов переговоров и миротворческой операции, насколько эта позиция адекватна в нынешних условиях? В какой степени эти форматы нуждаются в европеизации путём серьёзного внедрения в них европейских элементов? Думаете ли вы, что пришло время серьезно подумать об этом? Вопрос Магдалене. Вы сказали, что мы не можем уйти от косовского прецедента. Я думаю, что косовский прецедент как таковой состоит не в самом факте признания его статуса. Думается, что прецедентом может стать стиль, иными словами, метод определения статуса, т.е. принятие решения, не обсуждая вопроса в СовБезе ООН. Если удастся заручиться поддержкой России и договориться в рамках СовБеза ООН, это не станет прецедентом для наших конфликтных ситуаций, потому что мы ведь не копируем только факт признания независимости. Мы должны копировать весь процесс, который совершенно другой. В случае Косово этот процесс подразумевает лидерство и участие Запада, промежуточную администрацию под эгидой ООН и всё остальное, которое нельзя копировать в Абхазии. Только лишь обход СовБеза ООН может считаться прецедентом, хотя подобный прецедент уже имел место в других случаях на Балканах.

Ещё вы говорили о необходимости принятия во внимание восприятия Грузией своей уязвимости по отношению к России. Без этого будет очень трудно требовать от Грузии учёта опасений Абхазии по поводу своей безопасности. Это должно быть параллельным процессом. В силу того, что Грузия чувствует себя под угрозой со стороны России, она не может предоставить условия безопасности. Как вам представляется осуществление этого параллельного процесса, его формат?

Вячеслав Чирикба. Это основано на моей личной интуиции, я не проводил строгих исследований, это просто мои спекуляции, я думаю, что отношение колеблется от нейтрального к отрицательному. И если говорить о возрастном аспекте, то видимо, у старшего поколения более отрицательное, а у младшего более нейтральное отношение. Положительное вряд ли, вряд ли там очень много людей, которые бы приветствовали НАТО. В

основном, информация по НАТО в Абхазию поступает через российские каналы. И уже говорилось о том, что изоляция Абхазии, в общем-то, способствует такому нейтральному или скорее отрицательному отношению к НАТО, чем какому-нибудь другому. Я обошел нескольких абхазских политиков и политологов перед тем, как приехал сюда и написал свою статью. И вот один из них, довольно крупный политик в Абхазии, сказал, что пока НАТО нам не объяснила, чего она хочет, что она думает по поводу Абхазии, пока мы ничего не слышали. И поэтому мы не можем даже озвучить свою позицию по этому поводу, если мы не знаем, каковы намерения. Хотя позже признал, что реальность вступления Грузии в НАТО очень велика и нельзя исключить возможность использования ресурса НАТО для военной операции в Абхазии. Он так считает. Другой – министр иностранных дел Шамба – сказал, что это дело Грузии, но мы в конфликте... и он считает, что до того, как НАТО примет Грузию в свой состав, она должна решить каким-то образом проблему Абхазии или, по крайней мере, обсуждать проблему Абхазии. И лучшим было бы создание договора между США и Грузией, Грузией и Абхазией и Россией о создании в Абхазии нейтрального буферного государства, демилитаризованного между Грузией и Россией. Политолог Дамения сказал, что, в общем-то, вхождение Грузии в НАТО осложнит ситуацию в конфликте, поскольку это, во-первых, будет способствовать демонстрации странами-членами НАТО поддержки территориальной целостности Грузии. Это мощная политическая поддержка. Кроме того, международное сообщество будет брать на себя ответственность за какие-то события в Грузии, если оно её берет в члены НАТО, это отдалит перспективу признания Абхазии. Хотя он считает, что вряд ли возможно военное участие НАТО в Абхазии. Он относится к этому скептически. Вот такая у меня основа, и я думаю, что она более или менее верно отражает существующую ситуацию.

По второму вопросу. Действительно возможно, нельзя ничего исключить. И поэтому сделать подобное тому, что сейчас происходят переговоры с Албанией, я думаю, что на это даже есть надежда в российском политическом истеблишменте. Хотя Грузия, конечно, это не Молдова, это совсем другой случай. И поэтому я считаю, что этот вариант не очень вероятен. Хотя нельзя его полностью исключить. Я считаю, что неверно, что США нужна единая Грузия, а не усечённая. Моё утверждение, что Абхазия США совершенно не нужна. Это лишь во многом вроде занозы, поэтому, если бы не было проблемы Абхазии, у США было бы меньше проблем с Грузией и с Россией. Поэтому я думаю, что они даже пойдут на отсечение Абхазии в принципе, если на это удастся склонить Грузию. И как будут развиваться

события в Абхазии, если Грузия войдет в НАТО с Абхазией, то я думаю, что конфликт останется, и он будет заморожен на долгие годы. Его решение будет ещё более призрачным, чем сейчас. Нерешённый конфликт – это для всех плохо. И для окружающих стран, и для стран региона это постоянная опасность дестабилизации. Так что это плохо однозначно. Поэтому надо решить проблему до вхождения Грузии в НАТО. Но найти компромисс здесь будет очень сложно. Никаких иллюзий на этот счёт не питаю.

Александрос Яннис. Вопрос Косово. Что касается ЕС, по-моему, ясно, что наша позиция базируется на двух основных моментах. Во-первых, любое решение должно быть одобрено Советом Безопасности, а во-вторых, косовское решение не станет прецедентом для других стран. Такова позиция ЕС на данный момент. В понедельник министры иностранных дел обсудят это в Брюсселе. Я видел проект заявления, которое, думаю, будет сделано в понедельник. Помимо других аспектов, в нём ещё раз подчёркиваются эти два центральных пункта. Что касается обсуждаемой нами сегодня темы, то повторяюсь: любое решение должно быть одобрено Советом Безопасности ООН, а косовское решение не послужит прецедентом для других стран. Позиция ЕС в этих вопросах неизменна.

Ваш вопрос гипотетический. Что, если Совет Безопасности ООН примет резолюцию? Тут слишком много «если», поэтому я просто поделюсь с вами моим личным мнением. Решать вопрос за рамками Совета Безопасности не входит ни в чьи интересы: ни европейцев, ни американцев, ни россиян. Поэтому, пусть это звучит сейчас слишком оптимистично, но я уверен, что это всего лишь дело времени. Может, не сразу, но скоро соглашение в Совете Безопасности будет достигнуто и все стороны придут к общему знаменателю. По сути, это снимает то «если», которое касалось одностороннего или любого решения вне Совета Безопасности ООН. Если всё же (хотя и здесь слишком много «если», которые усложняют ситуацию), решение будет принято за пределами Совета Безопасности – чего, я уверен, не случится – это приведёт к усилению напряжённости в отношениях ЕС и России, так как Россия может предпринять меры для решения проблемы в Абхазии. В таком случае потребуются дополнительные усилия в рамках отношений ЕС и России для стабилизации ситуации вокруг Кавказа. Опять же, в этом вопросе слишком много «если». Повторяю, я уверен, что дело будет решено в Совете Безопасности и что мы с Россией придём к соглашению, ведь взаимное согласие с Россией и другими партнёрами – это то, к чему мы стремимся. Если же этого не произойдёт, будем действовать по обстоятельствам. ЕС не хочет даже рассматривать вариант решения вне Совета Безопасности.

Что касается вашего второго вопроса о международных форматах в грузинских конфликтах, мы считаем, что пришло время ЕС играть более активную роль. На практике это означает увеличение нынешних форматов. Мы не знаем точно, формат какого рода это будет, изменять его мы не хотим – это не главное. ОБСЕ, ООН, отдельные страны и Россия – наши партнёры. Вопрос в том, как увеличить формат, чтобы ЕС, который, как Вы сказали, увеличивает свою роль и воздействие в регионе, смог согласовать другие механизмы влияния с ролью политического посредника. Мне кажется, это вполне осуществимо. Сейчас мы ведём переговоры со всеми партнёрами и начали более активно следовать политике, которая сделает ЕС активным партнёром в этих процессах. Это относится как к Южной Осетии, так и к Абхазии.

Арчил Гегешидзе. Какова поддержка этой политики внутри ЕС? Не думаете ли вы, что создание контактной группы помогло бы в продвижении этой идеи в ЕС с целью достижения консенсуса?

Александрос Яннис. По-моему, здесь важны не названия: контактная группа, группа друзей или четвёрка. В мире для каждой конкретной ситуации существуют разные форматы с различными организационными структурами. Важно то, что ЕС заинтересован в усилении своей роли, что сделает его полноценным партнёром. Европейские страны всё больше приближаются к консенсусу в этом вопросе. Мне кажется, это единодушие вызвано осознанием того, насколько важен регион в том направлении, о котором мы говорили ранее. Растёт и необходимость приблизить регион к европейскому типу мышления, процессам и целям. Поэтому, если вы просите регион сблизиться с Европой, вы также обязуетесь содействовать ему в этом. Это отражается и в желании играть важную роль в посредничестве на самом высоком уровне. Конечно, каждый случай нужно рассматривать отдельно. У каждого из них свой формат, своя история и свои партнёры. ЕС не собирается играть одинаковую роль во всех случаях. Главное, что мы берём на себя ответственность. Это означает, что мы должны участвовать в переговорах на правах полноценного партнёра для того, чтобы подготовиться к будущей роли – роли в урегулировании вопросов по направлениям, о которых мы говорили ранее.

Магдалена Фричова. В целом, я согласна с вами в вопросе Косово – не думаю, что это применимый прецедент. Эти конфликты очень отличаются друг от друга. Я и не говорила, что это применимый прецедент. Однако я

считаю, что случай Косово может стать или быть воспринят некоторыми участниками как политический прецедент, разные стороны могут представлять его как таковой. Некоторые в этом заинтересованы – это факт. Косово – случай уникальный, и с юридической точки зрения не применим ни только к конфликтам на Южном Кавказе, но и к другим конфликтам. Тем не менее, я думаю, это новая реальность, которую тоже нужно учитывать. Я также сказала, что создание грузинским правительством конкурирующих центров власти в конфликтных зонах, возможно, является попыткой противостоять использованию Косово в качестве политического прецедента.

Я не говорила, что Грузия должна игнорировать опасения и стремления абхазского и осетинского народов, пока не будут сняты её собственные опасения. В идеале это делается параллельно. Я же хотела сказать, что, по-моему, Грузия делает недостаточно для того, чтобы снимать опасения конфликтных регионов. Упор на отношения с Россией не оставляет места для настоящего диалога с отколовшимися территориями. Например, мы обсуждали разные планы по мирному разрешению конфликтов, которые в Сухуми и Цхинвали считают односторонними. Только наши абхазские коллеги могут сказать, заинтересованы ли они в этих планах. Я же имею в виду, что Грузия могла бы разработать действенные механизмы, чтобы доказать, что ей действительно не безразличны потребности Сухуми и Цхинвали. К примеру, в декабре прошлого года в грузино-осетинском конфликте был принят закон о реституции. Закон так и не был введён в действие, он не обсуждался в обществе. А это был бы наглядный пример для осетин, что грузинская сторона по-настоящему стремится к урегулированию. Подобная дискуссия велась также по поводу эмбарго в грузино-абхазском контексте. Я понимаю, что существует политическая уязвимость. И конечно же, есть политические ограничения. Пожалуй, этот вопрос намного сложнее, чем закон о реституции. Но это стало бы ещё одним примером, показавшим Сухуми, что Тбилиси не хочет изолировать Абхазию.

Арчил Гегешидзе. Вы ещё упоминали о невозобновлении военных действий.

Магдалена Фричова. Да, я затрону этот вопрос. Другим возможным решением были бы переходные инициативы в области правосудия. В Грузии обсуждается, хотя и очень мало, необходимость переоценки прошлого. Провели так называемую кампанию «Простите!». Я убеждена, что какой-то вид «переходного правосудия» необходим для оценки прошлого. Но

пример кампании «Простите!» показал практически полное отсутствие интереса к этому вопросу в грузинском обществе, не только среди верхушки, но и в массах. Даже президент Саакашвили, реагируя на нестройные призывы к тому, чтобы грузины извинились за несправедливость во время войны, возразил: «Извиняться должны не мы, извиняться должны перед нами». Это, конечно же, мощный сигнал, который имеет определенный резонанс. Поэтому я не считаю, что Грузия должна выжидать, пока не будут сняты её собственные опасения. Наоборот. В то же самое время было бы хорошо, если бы все стороны поняли, что Грузии в целом очень сложно быть конструктивной в процессе разрешения конфликтов, пока она чувствует свою уязвимость перед Россией.

А теперь я перейду к другим рекомендациям по южно-осетинскому вопросу. Готовя отчёт, вышедший на прошлой неделе, мы тщательно обдумывали эти рекомендации. У меня ощущение, что формат Объединённой контрольной комиссии не способствует достижению соглашения. Большинство соглашений, подписанных в этом формате, так и не были реализованы. Формат полностью «заглох». По-моему, следует хотя бы начать обсуждение смены формата. Как это сделать? Было бы опасно упразднить формат как таковой. Нельзя просто отказаться от него – прервётся контакт, возможность обсуждения проблем, если не на политическом уровне, то по крайней мере на уровне безопасности в зоне конфликта. Ежедневно случаются происшествия: перестрелки, похищения. Эти вопросы нужно как-то решать. Если вы не можете договориться о смене формата для политических переговоров, используйте существующий формат для решения повседневных проблем. Следует, например, сосредоточиться на двустороннем осетинско-грузинском диалоге, но допустить к нему внешних участников, в первую очередь, ЕС, разумеется, Россию – иначе осетины будут чувствовать полное отсутствие гарантий – и ОБСЕ, потому что она играет важную роль в грузино-осетинском конфликте.

Что касается гарантий безопасности, то Грузии следует обратить внимание на опасения осетинской стороны. Осетинам недостаточно уверенений Грузии в том, что она им не угроза. Как Цхинвали, так и Сухуми видят во многом угрозу своей безопасности. Обострение конфликта летом 2004 привело к тому, что доверие осетин по отношению к Тбилиси значительно ослабло по сравнению с прошлым, когда наличие контакта было очевидным. Мне кажется, тогда между сторонами был довольно приличный уровень доверия, собственно говоря, гораздо больший, чем в ситуации с Абхазией. Поэтому ещё раз повторю: необходимо пересмотреть форматы безопасности в обоих конфликтах. Вопросы безопасности в случае с Юж-

ной Осетией очень отличаются: там много соседствующих друг с другом грузинских и осетинских деревень и небольшое население. Многие эксперты военной полиции согласны, что для решения вопросов безопасности населения было бы разумнее задействовать полицию. Однако замена Объединённых миротворческих сил (ОМС) только полицией не снимет политических опасений осетинской стороны. Возможным решением было бы развитие совместных действий полицейских органов сторон, частичное упразднение или пересмотр численности и мандата ОМС. Но опять же, как мне кажется, мы сталкиваемся с недостатком политической воли как у одной, так и у другой стороны.

Бруно Коппитерс. Я очень хорошо понимаю, что китайцам выгодно говорить, что случай Тайваня уникален, а решение тайваньской проблемы нельзя будет применить ни к одной другой стране. Ни один китайский чиновник не будет сравнивать свои предложения по решению проблемы с иностранными моделями. В сравнении используются только Гонконг и Макау. Я прекрасно понимаю, что китайцы не хотят связывать себе руки решением ООН о статусе Косово, решением, которое они не готовы принять для Тайваня. Отказ или поддержка китайцами решения Совета Безопасности ООН о поднадзорной независимости для Косово не будет иметь никакого значения для Тайваня. Эту позицию китайцев можно сравнить с позицией европейских дипломатов, которые говорят, что любое решение для Косово уникально. Они тоже не хотят связать себе руки прецедентом. Но, в итоге, люди всё равно проводят параллели между моделями решений, включая Китай и Европу. Люди обсуждают такие вещи. В конечном счёте, такая позиция – считать какой-то пример уникальным и ни с чем не сравнимым – может оказаться неплодотворной. За косовским решением последует обсуждение косовской модели.

Косовскую модель можно считать универсальной моделью, в том отношении, что она основана на универсальных принципах, действительных также и для других случаев. Если почитать предложения Ахтисаари по Косово, вы найдёте целый ряд универсальных принципов. Посредник ООН не сразу разработал эти принципы. Специфика Косово тоже не уникальна. Всё это относительно. Косово – государство многонациональное. Албанские косовары страдали от серьёзных притеснений. Но так же страдали и другие этнические группы. Если Совет Безопасности примет предложение Ахтисаари, он впервые разделит страну, находящуюся за пределами колониального мира. Но будет ли это последним разом? Скажет ли Совет Безопасности, что это был первый и последний раз, когда он принял такое

решение? Конечно же, нет. Совет Безопасности не хочет связывать себе руки в таких решениях, заявляя, что косовское решение останется уникальным.

Вместо того, чтобы вести эту бесполезную дискуссию об уникальности этого примера, следует извлечь максимум пользы из косовского решения. Почему бы нам не попробовать обсудить косовскую модель в положительном плане? Запад выступает за федеративное решение в Абхазии. В случае с Косово он поддерживает идею независимости. Давайте раздвинем рамки дискуссии. Запад убеждён, что найти решение косовской проблемы можно, лишь уравнивая конфликтные стороны. В отношении Косово он также считает, что достичь полного равенства между партнёрами, воевавшим друг против друга, можно только тогда, когда вы предоставите независимость государству, не обладающему суверенностью. Для косоваров это означает поднадзорную независимость. Давайте обсудим тот же вопрос в Абхазии и сравним. Когда применим федерализм, а когда – поднадзорная независимость? Только так можно рационально обсуждать этот вопрос. Нужно перестать прятаться за доводами, что случай Косово уникален, а потому сравнивать с ним мы ничего не будем. В конечном итоге, это не резонная позиция.

Многие члены ЕС уже не согласны с таким подходом – считать Косово уникальным случаем. Испанцы критически отнеслись к проведению политики разграничения этого случая и всех остальных. Ряд других стран также признаёт, что Косово – случай отнюдь не единственный в своём роде, и что он вполне сопоставим с примерами в их внутренней политике. Поэтому вместо того, чтобы стараться заблокировать дискуссию по косовской модели, нам следует направить её в продуктивное русло.

Я хотел бы сделать замечание, касающееся выступления Александроса. Мы часто задаёмся вопросом, почему ЕС не считают важным игроком в грузино-абхазском конфликте. Я делал кое-какие заметки во время вашего выступления. Так вот, прочитав эти заметки, можно стать евроскептиком. Можно и правда задуматься – а зачем нам Евросоюз? Зачем 27 странам объединяться, только чтобы сказать, что стабильность важна, энергия важна, границы важны? Согласно презентации Александроса, концепция европеизации не имеет важности. Она определяется лишь как переход к демократическим ценностям. В таком случае вместо европеизации можно говорить и об американизации или вестернизации. В вашем выступлении не было ничего конкретного о восприятии европеизации как процесса интеграции в Европу и европейские организации или о задачах ЕС относительно европеизации. Но в самом конце презентация стала более интересной, не такой

расплывчатой. Вы говорили о потенциальной роли ЕС в поддержке работы полиции в Абхазии в координации с МООНГ и в назначении советника таможенной службы конфликтного региона. Но эта часть вашего выступления закончилась уже через несколько минут. Я понимаю, что чиновники ЕС должны быть осторожными в обсуждении политики ЕС по отношению к Абхазии, но не настолько осторожными в обсуждении задач ЕС, чтобы у слушателей возникла мысль о ненужности Союза как такового. По крайней мере, именно так я воспринял ваше выступление. Мне кажется, лучше построить выступление на новом мышлении ЕС, на конкретных действиях, которые он может предпринять. Цель нашего дискуссионного форума – представить новые идеи и инициативы, которые можно будет применить для решения грузино-абхазского конфликта.

Бастиан Хермиссон. В данном конкретном случае я попросил докладчика закончить выступление из-за ограничений во времени.

Сусанна Нис. Магдалена, вы спрашивали, готова ли НАТО принять страну с двумя внутренними конфликтами. С какой целью вы подняли этот вопрос? Как вы думаете, будет ли это иметь положительное влияние на стабильность и безопасность? Можно ведь привести в доказательство примеры из истории НАТО – Грецию, Турцию, может, и интеграцию в ЕС Испании и Великобритании и решение вопроса Гибралтара. Какова ваша личная оценка?

Джеймс Маккей. Шалва, вы привели данные исследования по расширению, проведенного в 1995 году. Я хотел бы разъяснить позицию НАТО относительно этого вопроса, потому что из ваших слов можно заключить, что в вашем понимании этой позиции, наличие конфликтов почти исключает возможность вступления Грузии в НАТО. С точки зрения НАТО, согласно исследованию 1995 года, посвященному вопросу о расширении, наличие конфликтов не означает наложение вето на дальнейшую интеграцию Грузии в Альянс.

Магдалена, а вы много говорили о том, что должны сделать грузинские власти для укрепления доверия и улучшения положения, но я так и не услышал, как должно действовать де факто правительство Абхазии. Надеюсь, вы можете затронуть и этот вопрос. И, согласно вашему профессиональному мнению, насколько власти Абхазии сейчас независимы в своих действиях, в какой степени их действия подчиняются указам из Москвы? Мне кажется, ответив на этот вопрос, мы узнаем, лежит ли путь к миру через Абхазию или через Москву.

Что касается выступления Вячеслава: вы сказали, что отношение людей к НАТО колеблется от нейтрального до отрицательного. Есть ли у вас конкретные идеи или планы относительно того, как грузинские власти или НАТО могли бы снять эти опасения абхазского народа? Каковы основные опасения, ключевые вопросы, которые нужно решить, чтобы укрепить доверие? Очевидно, вы провели много исследований в абхазском обществе, поэтому мне интересно ваше мнение: где кроются главные страхи, главные проблемы? Я знаю, что мы затрагивали этот вопрос в нашем обсуждении, но всё же не могли бы вы привести мне ещё несколько конкретных примеров тех опасений, которые следует устранить, или конкретных мер, которые может принять НАТО или грузинское правительство для решения этих вопросов?

Шалва Пичхадзе. Спасибо, Джеймс, за интересный вопрос. Я имел в виду следующее: те в Грузии, кто скептически настроен по отношению к НАТО, используют этот документ и в частности этот отрывок в качестве аргумента, почему нерешённые конфликты могут воспрепятствовать вступлению Грузии в НАТО. Я не говорил, что это означает наложение вето. Совсем нет. Просто очень часто этот документ используется скептиками и теми, кто – будем откровенны – против вступления Грузии в НАТО, а в Грузии существуют определённые силы, которые выступают против этого...
Джеймс Маккей. Сколько их – два процента?

Шалва Пичхадзе. Да, но они используют этот очень весомый аргумент для того, чтобы сеять подозрения в грузинском обществе. Грузинское общество едино в том, что касается вступления в НАТО. Жаль, что вы пропустили выступление Арчила три дня назад. Более 82% хотят видеть Грузию в НАТО. Но 74% из этих 82% не могут сказать, почему.

Магдалена Фричова. Ответу на вопрос Сусанны. Мне кажется, вопрос о том, следует ли НАТО принимать страну с двумя конфликтными регионами, напрямую связан с более серьёзным вопросом – каковы будут последствия в отношении России? Для начала я перефразирую вопрос. По-моему, если этот вопрос решён, а это вряд ли случится в ближайшем будущем, со всеми возможными последствиями. Мне кажется, это могло бы пойти на пользу процессу разрешения конфликта, при условии, что будет найден взаимно приемлемый путь вовлечения регионов де факто. Поиск такого пути, приемлемого и для грузинского правительства, и для властей де факто, станет гигантским камнем преткновения. Мне всегда интересен пример

Испании. Надеюсь, мы поговорим об этом позже, потому что я не в курсе механизмов НАТО для индивидуализированного партнёрства. Но если вступление Грузии в НАТО произойдет без налаженного взаимодействия с Сухуми и Цхинвали, это может привести к катастрофическим последствиям.

Теперь что касается вопроса Джеймса. Почему моё выступление не было сосредоточено на де факто властях? Мне следовало объяснить с самого начала, что в центре моего внимания грузинская сторона, потому что на протяжении последнего года она была действующей силой. Грузия действовала, принимала решительные меры для изменения статус-кво. Ни в Сухуми, ни в Цхинвали такой активности не наблюдалось. Таким образом, я сосредоточилась на действиях грузинской стороны, потому что именно она задаёт темп процессам урегулирования конфликта и вносит в них новый динамизм.

Давайте поговорим и о том, что могут предпринять де факто власти. Сразу оговорюсь, я понимаю, что грузинская сторона крайне осторожна в отношении необходимых демократических процессов в конфликтных регионах. Грузины критикуют даже само понятие необходимых демократических процессов в этих регионах, так как вынужденные переселенцы не являются их частью. И всё же я уверена, что польза от таких процессов есть в любом случае. Таким образом, я бы рекомендовала де факто властям активнее участвовать в процессе демократизации. С точки зрения прав человека, проблема возвращения переселенцев решается нелегко, и она требует внимания. Я убеждена, что в абхазском обществе набирают силу попытки обсуждения этой проблемы. Мы также наблюдаем если не масштабное возвращение населения, то, по крайней мере, с изменением де факто администрации в 2004 году, изменение подхода, особенно в отношении Гальского района. Политический аргумент со стороны Абхазии заключается в том, что если у де факто государства есть потенциал, то рано или поздно оно получит статус государства. Я понимаю, что для грузинской стороны это совершенно неприемлемо. Одним из аргументов «против» является сам факт невозвращения, не говоря уж о том, что это противоречит позиции Грузии. Мне кажется, что Сухуми следует сосредоточиться на укреплении демократических организаций в Абхазии, а также на поиске конструктивных подходов к урегулированию конфликта.

Что же касается роли Москвы, то это вопрос довольно каверзный. Мне бы очень хотелось услышать мнение наших абхазских коллег, сейчас или позднее, если это возможно. Важно не избегать этого вопроса. Ведь на этом строится аргументация грузинской стороны. И хотя председатель

этого заседания попросил меня не говорить так много о Южной Осетии, я всё-таки хотела бы отметить, что ситуация в Абхазии отличается от ситуации в Южной Осетии. В контексте Южной Осетии можно привести веские показатели: ряд людей в де факто руководстве назначен непосредственно Россией, они связаны с ней, являются выходцами из России с военным прошлым или работали в Министерстве внутренних дел (например, де факто премьер-министр Морозов, де факто министр обороны Миндзаев и другие люди в администрации). В руководстве Абхазии также есть такие люди, но не на ведущих позициях. Выборы 2004 года показали, что Абхазия не собирается следовать решению, навязанному Москвой. К тому же, мне кажется, с тех пор отношения стали более нюансированными. Даже до 2004 года гражданское общество Абхазии убеждало нас в том, что никакого ошибочного представления о роли России в Абхазии нет. Вы все слышали известное утверждение, что Россию интересуют территории Абхазии, а не её народ. С 2004 года я слышала это даже от де факто руководства Абхазии. Для меня это явный показатель перемен.

Давайте вернёмся к вопросу Косово. После обсуждения косовского вопроса и изменчивого подхода России даже господин Шамба подчеркнул, что использовать результаты такого обсуждения следует с осторожностью. Дебаты о Косово перевели осуществление этого намерения на более высокий уровень.

Джонатан Коэн. Необычайно важный вопрос – восприятие Абхазии в Тбилиси и готовность вступать с Абхазией в диалог. У меня такое впечатление, что у многих чиновников в грузинском правительстве существует чуть ли не невроз по отношению к тому, что происходит в Абхазии. За последний месяц я встретился с несколькими министрами и заместителями министров, которые при описании абхазского общества употребили слово «фашистский». Они говорили, что абхазское общество похоже на Восточную Германию в период холодной войны: людей пускают на встречи, типа нашей сегодняшней встречи – только с официального разрешения, когда точно известно, что они скажут. По-моему, всем, кто присутствовал на заседании сегодня или последние несколько дней, ясно, что это совсем не так. Здесь можно услышать различные мнения и целый спектр аргументов от наших абхазских коллег. Хотя в некоторых вопросах они твёрдо придерживаются определённой позиции.

Мне кажется, такое отношение Тбилиси подрывает попытки разработать эффективные подходы для разрешения конфликта. В некотором роде, Джеймс, это как раз относится к вашему вопросу о том, что делают абхазы

для укрепления доверия. Существует фундаментальная дилемма. Абхазы немного делают для укрепления доверия в переговорах, которые, по их мнению, не помогут им добиться желаемого. Было бы ошибочно думать, что абхазы откажутся от своей позиции. Это имеет отношение и к замечанию, которое я хотел бы сделать относительно выступления Янниса. Вы очень правильно поставили акцент на самом процессе, и если вам удастся запустить его, это создаст условия успеха. Мы должны быть честными и откровенными в том, что касается переговорного процесса, и, прежде всего, перед самими собой. Так или иначе, а мы уже определили результаты переговорного процесса в отношении Абхазии. Эта позиция международного сообщества вполне легитимна, но она также подразумевает определённые последствия. В частности, абхазов вынуждают занять оборонительную позицию: они не верят, что переговорный процесс поможет им добиться желаемого. Это лишь усугубляет атмосферу разочарования, царящую в грузинском правительстве, ведь и они считают, что переговорный процесс не приносит ожидаемых результатов. Такое положение усиливает неудовлетворённость и провоцирует некоторую агрессивность или необдуманное поведение. Нам необходимо сойти с этого пути и думать не о результате, а о процессе, поддерживая, таким образом, настоящее укрепление доверия. В конце своего выступления вы упомянули ряд шагов, возможности которых сегодня рассматриваются в ЕС. Если их удастся пустить в ход, это будут настоящие меры по укреплению доверия. Они изменят жизнь людей, а это первый и наилучший способ изменить восприятие людей друг о друге. Если люди станут жить лучше в материальном плане, они будут более открыты для творческих решений.

Александрос Яннис. Хочу поблагодарить вас, и вот почему. Мне кажется, многие неверно воспринимают позицию ЕС относительно уникальности косовского случая. Я хотел бы прояснить этот момент. Позиция ЕС такова: происходящее в Косово не влияет на другие конфликты в мире. Именно так следует понимать отношение ЕС к этому вопросу. Однако это не означает, что если Косово будет предоставлена независимость, то такое решение невозможно для других конфликтов. Такое понимание ошибочно. Всё происходящее в Косово определено конкретной ситуацией в Косово, ролью ООН в предыдущих решениях, международным посредничеством и историческим контекстом, в котором это посредничество осуществлялось, а решение будет принято, исходя из перечисленных факторов. Это совсем не означает, что в других частях мира не произойдёт нечто другое. Ранее вы сказали, Совет Безопасности заявит, что такое решение принималось

первый и последний раз. Совет Безопасности на такое не пойдёт. Не ждите этого от него. СБ скажет, что косовское решение объясняется такими-то и такими-то факторами. Если будет достигнуто согласие, то в Совете Безопасности будет сформулировано заявление, что независимость в Косово обусловлена тем-то и тем-то и не являет собой прецедента ни для решения других конфликтов, ни для предоставления независимости другим территориям. Так что высказанное вами мнение ошибочно. Случай с Восточным Тимором решался таким образом, и, в конечном итоге, Восточному Тимору была предоставлена независимость. Наша позиция остаётся неизменной. На косовский случай пример Восточного Тимора не повлиял. Если Косово (гипотетически) будет предоставлена независимость, это никак не будет связано с Восточным Тимором.

Я хотелось бы подчеркнуть, что ЕС в этом отношении един. Вы сказали, не весь ЕС согласен с такой позицией и упомянули одну страну. Это не так. Некоторые скептически относятся к косовскому решению или проекту Ахтисаари в ЕС, но скептицизм не означает несогласия. Мы все придерживаемся мнения, что на основе проекта Ахтисаари это может быть решением. Но у некоторых своё собственное представление о ситуации, и это нормально, ведь именно это и есть ЕС – поиск партнёрами общего решения. Но даже те страны, которые не считают косовское решение безупречным, даже они вместе со странами, полностью поддерживающими позицию Косово и проект Ахтисаари, едины в том, что Косово не создаёт прецедента для других конфликтов. Я не думаю, что в ЕС есть какие-либо сомнения относительно этого. Вопрос Косово будет решаться, исходя из обстоятельств конкретного дела. В этом и заключается значение уникальности случая, а не в создании прецедента. Я бы не хотел продолжать обсуждение этой темы. Я просто хочу разъяснить ситуацию, потому что вы сказали, что Совет Безопасности объявит это первым и последним разом. Совет Безопасности такого не говорил и никогда такого не скажет. И дело не только в процессе деколонизации. Это также относится к Бангладешу 1973 года в вопросе с Пакистаном. Это не процесс деколонизации. Это Эритрея 1990-х годов. История Югославии намного сложнее, вопрос в ней трактовался по-разному. Это Восточный Тимор. Можно сказать, что Восточный Тимор – это поздняя деколонизация. Я веду к тому, что в мире существует масса примеров и каждый из них нужно рассматривать отдельно.

Это моя личная позиция, потому что дискуссия выходит за рамки конкретного случая и затрагивает вопросы более масштабные, а именно: откуда вообще возник вопрос изменения границ? Мы все знаем суть этого вопроса. Он очень личный. Я участвовал в решении разных конфликтов: на

Кипре, в Сомали и Сомалиленд, на Балканах, а теперь и на Кавказе. По моему личному убеждению, дебаты ведутся о территориальной целостности против самоопределения. Любой адвокат, любой человек, имеющий дело с законом, скажет вам, что в суде у вас есть в жизни противоречащие друг другу принципы, и вы пытаетесь определить, какой принцип применим в каждом конкретном случае. Это первое, что узнаёт адвокат. Есть противоречащие друг другу правила, принципы, вы идёте в суд и пытаетесь их применить. Боюсь, в мире нет суда, способного разобраться в таких вопросах. Таким образом, у нас есть два противоположных принципа и нам нужно применять их в каждом отдельном случае, в зависимости от международной ситуации, с которой мы имеем дело. Это моё личное мнение. Мне кажется, не существует одной схемы действий, которая бы решала все случаи в мире. Не существует суда, который бы по отдельности решал такие вопросы. Роль такого суда играет международное сообщество, которое даёт толкование каждому случаю и старается определить направление дальнейших действий.

Теперь давайте вернёмся к Кавказу. Джонатан говорил о процессе и результате. Действительно, у ЕС есть своя позиция в отношении Абхазии, Южной Осетии и территориальной целостности Грузии. Это наше понимание данного конкретного случая. Однако это не означает, что сам процесс, как вы сказали, не может повлиять на принятие решения, приемлемого для всех. Сегодня мы так далеки от этого решения, что найти его кажется невозможным. Но мы хотим внести свой вклад в преобразовательный потенциал процесса, приблизив нас к возможному решению. Наши амбиции скромны, и мы не считаем, что ЕС способен решить все проблемы в мире. ЕС создан не для того, чтобы решать проблемы Кавказа или любого другого региона. ЕС существует, в первую очередь, для нас самих, для того, чтобы решать свои собственные проблемы. Но постепенно мы стали глобальным игроком. Это произошло недавно. Верховный представитель ЕС был назначен только в 1999 году. Всего четыре года назад, в 2003, мы начали первую гражданскую операцию. Всё это совершенно новые инструменты. Но они имеют важное значение в изменении роли ЕС в мире. Так что устремления у нас на данный момент довольно скромные, ведь у нас нет ни полностью сложившегося набора инструментов влияния, ни единства, которое мы могли бы иметь как одна власть. Но мы развиваемся в этом направлении. Мы понимаем, что миру нужно участие ЕС в управлении многими областями. Мы понимаем, что наша модель важна и стараемся руководствоваться этим в наших действиях. Я уверен, что и Кавказ будет двигаться в этом направлении. Я также уверен в том, что ЕС сыграет в

этом свою роль, но всё же вопрос ещё предстоит решить. Балканы действительно были «во дворе» Европы, поэтому и решение этой проблемы стало приоритетом. Мы тратили на них больше денег, больше усилий, больше политического капитала. Это правда. Теперь необходимо решить проблему Кавказа. В 2004 мы расширили Европейскую политику соседства – это стало главной переменной. Мы не отрекаемся от своих обязанностей. Но нам бы не хотелось зря обнадёживать кого-то, ведь приоритеты ЕС не предполагают урегулирования конфликтов на Кавказе. Он занимается решением целого ряда проблем, включая и те, которые есть в самом ЕС.

Вячеслав Чирикба. Мы все должны оценить тот факт, что первая встреча абхазской стороны с представителями НАТО проходит достаточно мирно. Я думаю, что это очень важный процесс, вероятно, не очень оценённый в некоторых кругах в Грузии и в Абхазии, как, впрочем, даже и в России. Но мы должны начать говорить о существующих и будущих проблемах наших отношений.

Относительно вашего вопроса, Джеймс, о самых главных опасениях со стороны Абхазии в связи с вступлением Грузии в НАТО. Сначала, маленький исторический экскурс. Мы были частью единого государства, которое распалось, и в один прекрасный день мы проснулись в другом государстве, хотя нас никто не спрашивал, хотим ли мы находиться в этом государстве, или нет. В течение месяца после того, как это новое государство Грузия, в которой мы очутились, стало членом Организации Объединённых Наций, оно начало войну против Абхазии. Оно приобрело новую легитимность, новую международную силу в качестве суверенного государства, которым оно до того не было. Это явилось очень болезненным уроком недавней истории, о котором мы совершенно не можем забыть.

Что касается конкретных опасений, они не обсуждаются в Абхазии. Я могу только высказывать предположения, основываясь на моём знании ситуации. Самое главное опасение состоит в том, что НАТО предоставит Грузии так много финансовых ресурсов, военных экспертов, советников, оборудование, аппаратуру, программное обеспечение – что это сделает грузинскую армию намного более мощной, чем она является теперь. Это создаст огромный дисбаланс по сравнению с возможностями абхазской армии. И это, конечно же, прямая угроза нашей безопасности. Другое наше беспокойство заключается в том, что сами грузинские власти не делают никакой тайны из того, что они связывают процесс вступления и результат этого процесса с проблемой восстановления территориальной целостности Грузии. Это уже было ясно заявлено главными грузинскими официальными лицами, и это было услышано абхазским обществом.

Джеймс Маккей. Большое спасибо. Ваше выступление многое прояснило. Я обязательно передам ваши слова в штаб НАТО. Визит абхазских групп в штаб-квартиру НАТО внесёт динамику в процесс. Я просто хотел бы кое-что разъяснить. Мы говорим, что Абхазия – это как внутренняя, так и внешняя проблема, а, как я уже говорил, статья №5 – внешний гарант. Эта статья не относится к Абхазии. Однако это не означает, что НАТО всё равно, что происходит в Абхазии, так как основной принцип работы НАТО – это мирное разрешение конфликтов. Я просто хочу, чтобы все это уяснили. Когда я говорил о внутренней и внешней проблеме, я не имел в виду, что Грузия может делать всё, что ей заблагорассудится. Конечно, гарантией это не станет, но если Грузия хочет стать членом НАТО, ей придётся придерживаться наших принципов.

Вальтер Кауфманн. Во-первых, хочу поблагодарить всех участников за прекрасные выступления. Я горжусь тем, что мы провели такую содержательную дискуссию. А таковой она была не в последнюю очередь благодаря вашей тщательной подготовке к этой встрече.

Я хотел бы вернуться к словам Джонатана, потому что, организуя такие диалоги, мы сталкиваемся с похожими вещами. Александрос, мне, как и Бруно, показалось, что последние две минуты вашего выступления были наиболее интересными. Нам так нужны новые и творческие подходы. Недовольство вызывают не только официальные переговоры, но и формат диалогов на всех уровнях. Недовольство исходит как от грузинской, так и от абхазской стороны. Причём не довольны не только форматом официальных переговоров, но даже форматом диалога НПО, которого мы придерживаемся. Грузинская сторона крайне не довольна шлейнинским форматом. При организации таких встреч, как эта, мы сталкиваемся с трудностями. Если мы действительно хотим идти дальше, нам нужны новые идеи и решения.

Важно, чтобы никто в Грузии и уж, тем более, никто в НАТО или ЕС не думал, что абхазы – всего лишь марионетки в руках Москвы. Каждый раз, когда я встречаюсь с высокопоставленными чиновниками де факто руководства Абхазии, они высказывают своё недовольство Россией. Не думаю, что они делают это, только чтобы умаслить меня. На каждой встрече они говорят мне: «Не верьте, что мы довольны той ролью, которую играет Россия. Мы трезво смотрим на происходящее, просто это наша единственная стратегическая концепция». Они действительно ищут другие концепции, но найти их сложно. То, о чём говорил Александрос – принципиально новый подход. Семнеби предложил рассмотреть вопросы безопасности обе-

их сторон: грузинской и абхазской. Об этом говорила и Магдалена. Именно такой подход нам нужен. Следует разработать его более детально. Сделать это будет нелегко, так как мы сталкиваемся с сопротивлением. Наиболее агрессивно сопротивляются Россия и Грузия. Они против прямой связи де факто руководства с международными посредниками. Ни Россия, ни Грузия в этом не заинтересованы. Мне любопытно было бы узнать, как вы ответите грузинским властям на их заявления о том, что, организовав такие встречи, вы поддерживаете суверенные амбиции Абхазии, объединяете сепаратистов и т. д. Как мы можем гарантировать, что этот процесс будет развиваться в различных форматах? Отмечу, что я бы очень хотел участвовать в следующей конференции такого рода не через год, а через две недели, потому что такой формат кажется мне конструктивным и интересным. Но, боюсь, следующая встреча может быть между представителями НАТО....., а абхазы снова будут представлены только на уровне НПО. Возможно, через год конференция будет проведена Фондом им. Генриха Бёлля (я горжусь своим участием в этом), но этого недостаточно. Вы не могли бы развить дальше мысль, выраженную Александром в последние две минуты выступления?

Ян Хендрик ван Тиль. Я хотел бы сделать три коротких замечания и задать один вопрос Александру.

Во-первых, хочу сказать вот что. Я - немец и, частично, француз, в целом, настоящий европеец. Позвольте обратить ваше внимание на один момент. По-моему, есть различие между качеством игрока, участника, которое описывал Джеймс, и НАТО. НАТО – это классическая межправительственная организация, а Джеймс представляет Международный секретариат. В НАТО объединены 26 различных позиций относительно внешней политики, они достигают согласия в некоторых вопросах, но как таковые не являются игроком внешней политики. В то время как Александр (это моя «французская» точка зрения) – представитель международной силы, наднациональной организации. Мне кажется, если ЕС станет одним из игроков, его роль будет отличаться от роли НАТО.

Во-вторых, я сегодня много слышал о том, что ещё не было прецедента, чтобы страна с нерешённым территориальным конфликтом вступила в НАТО. Это верно, но лишь отчасти. Я совершенно согласен с Александром в вопросе скептического отношения к историческому прецеденту и использованию одной ситуации для разрешения другой. Я крайне скепичен в этом отношении, но тем не менее, когда Германия вступила в НАТО, у нас было законное правительство на западе и де факто режим на востоке,

не признаваемый ни одним из союзников НАТО. Ни одно из германских государств не было членом ООН: ни Западная Германия, ни Восточная Германия. Мы вступили в организацию в 1973, после того, как решили внутрисоюзные проблемы. Германия претендовала на территорию Восточной Германии. Территориальный вопрос Германии не был решён, и всё же мы стали членом НАТО. Ладно, это случилось 50 лет назад и говорить об этом можно бесконечно. Я согласен с Александром, что каждый случай нужно рассматривать, исходя из конкретных обстоятельств. Но, с другой стороны, вы всё время говорите о сложности ситуации и об отсутствии прецедента – не следует слишком увлекаться этим.

Моё третье замечание касается Косово. Не забывайте одну важную вещь – ООН несёт ответственность за Косово. За Абхазию она не несёт такой ответственности. Мы уже там [в Косово]. Наши войска там, наша администрация, наши полицейские. От нас требуют разрешить тот конфликт, потому что мы взяли на себя ответственность за тот регион. Здесь же другое. Если так сильно акцентировать внимание на прецеденте, он должен стать прецедентом и для других. Подчёркивая значение прецедента, вы можете не решить других конфликтов, но вы создадите преграды на пути решения косовской проблемы.

А теперь я задам вопрос. Вернёмся к “гордому европейцу”. Моей первой реакцией на ваше выступление, Александр, была радость. Европа уже здесь – отлично. Но тут у меня возникает вопрос относительно нашей роли. Вы сказали, что региону нужно более активное участие ЕС. Мой первый вопрос – откуда исходит эта потребность? Исходит ли она от Тбилиси, Москвы, от них обоих или от Сухуми? Вопрос некоторым образом связан с тем, что мы слышали о недовольстве грузинского правительства такими встречами, как эта. Вы сказали, что неделю назад были в регионе: не только в Тбилиси, но и в Сухуми. Не могли бы вы рассказать нам (если, конечно, это не государственная тайна), как вам это удалось и как вас приняли, особенно, в Тбилиси? Основываясь на этих двух вопросах, я хотел бы спросить – в чём вы видите ценность участия ЕС, в особенности, учитывая инициативы, исходящие от ОБСЕ и ООН? Возвращаясь к тому, что сказали Бруно и Вальтер о последней части вашего выступления: думаю, хорошо, что последняя часть была короткой, потому что мне она показалась «музыкой будущего», как говорим мы, немцы. Назначить таможенных инспекторов и полицейских по обе стороны можно только с согласия обеих сторон. Назначение таможенных инспекторов предполагает своего рода признание. Я бы хотел услышать разъяснения по этим вопросам и то, как вы планируете осуществлять эти намерения. Будет ли проект долгосрочным или краткосрочным? Как вы собираетесь обойти все камни преткновения?

Нателла Акаба. У меня вопрос, который немножко перетекает в комментарий. Я хотела спросить у господина Янниса: не кажется ли вам, что роль ЕС сегодня, когда Грузия такими гигантскими шагами продвигается к НАТО, как бы девальвирует? Лично мое впечатление, когда я общаюсь с представителями ЕС, которые приезжают в Абхазию, кстати, никто их не преследует и не угрожает им, наоборот, очень доброжелательное отношение... у нас такое ощущение, что в последнее время, когда уже было принято принципиальное решение о вступлении Грузии в НАТО, происходит некоторое игнорирование, начинается политика игнорирования других международных организаций и какая-то абсолютизация НАТО. Возрастает надежда на то, что НАТО решит все проблемы. Это означает, что в меньшей степени надо считаться с советами, которые исходят от других международных организаций, в том числе от ЕС. Откровенно говоря, вообще в Абхазии были определенные надежды, связанные с ЕС, и лично я их разделяла, потому что ЕС – это soft power, «мягкая сила», и она всегда, конечно, более привлекательна, чем такая военно-политическая организация, как НАТО. Нам всегда импонировало то, что ЕС очень чувствителен к этнокультурному многообразию и бережно относится к сохранению культуры. Для абхазов это крайне важно. Поэтому мы видели в ЕС некоторую альтернативу российскому влиянию. Но сегодня, на мой взгляд, эти надежды как бы разрушаются. Нам кажется, что всё-таки ЕС не сумеет сыграть более активную роль. И то, что я здесь услышала, усиливает мои опасения, что сами вовлеченные в конфликт посредники начинают как-то конкурировать между собой. А это в значительной степени усложнит продвижение к миру. И еще у меня небольшой вопрос к Шалве. Спасибо за такой интересный доклад, но когда вы перечисляли признаки урегулирования конфликта, вы как бы гипотетически назвали факт... это всё уже было в 92 году, а мы знаем, что за этим последовало. Вы называли возвращение беженцев и т.д. но почему вы не назвали примирение народов?

Лиана Кварчелиа. То, что я собираюсь сказать, перекликается с некоторыми комментариями Бруно и Джонатана. Я бы хотела начать с того, что является общим, а не уникальным, в конфликтах Косово-Сербия и Абхазия-Грузия. Общее то, что и в одном, и в другом случае посредники вмешались в урегулирование конфликтов отнюдь не с целью создания процесса, в котором стороны могли бы искать взаимоприемлемые для них решения. Сам по себе поиск такого решения или компромисса в ситуациях, где была война и пролилась кровь, как это было в упомянутых этнополитических конфликтах, представляет собой сложнейшую задачу. Эта задача становит-

ся ещё более трудной, когда стороны находятся в неравном положении или когда с ними обращаются, как с неравными. И в конфликте Косово-Сербия, и в конфликте Абхазия-Грузия стороны в глазах мирового сообщества не являются равными с точки зрения того, какой выбор они могут сделать. Только в одном случае не дают выбора Сербии, а в другом – Абхазии. Мы часто слышим от международных представителей, что ЕС, ООН слишком много вложили в Косово (с финансовой и политической точек зрения), чтобы отступить. Но разве вас встретили бы с распростёртыми объятиями в Косово, если бы в вашей повестке дня было восстановление территориальной целостности Сербии?

Фундаментальным недостатком переговорного процесса является то, что этим процессом, как правильно заметил Джонатан, фактически руководит заранее известный результат. И этот результат отражает исключительно грузинские устремления. Нам нужен процесс, который сможет привести к решению, а не наоборот.

Неравенство проявляется также в том, что существенно различается реакция международного сообщества на шаги, предпринимаемые той или иной стороной. Например, вчерашнее замечание Джеймса о том, что Абхазия должна возобновить участие в переговорном процессе, прозвучало как критика абхазской позиции. Но в критике не нашёл отражения весь контекст, в котором не ведутся переговоры. Например, не было ничего сказано об односторонних действиях Грузии в Кодорском ущелье. В конце концов, что такое «меры по укреплению доверия»? Это просто встречи в хороших отелях в Стамбуле или соблюдение ранее достигнутых договорённостей? Учитывая, что произошло в Кодорском ущелье, вряд ли можно сказать, что именно Абхазия первой вышла из переговорного процесса. Грузинские официальные лица были довольно откровенны по поводу своих планов в отношении ущелья, когда заявили, что важно установить над ним контроль, поскольку это стратегический плацдарм в пяти минутах лёта от Сухума, или когда они решили разместить в ущелье так называемое «правительство в изгнании». Приняв решение не прибегать к военной силе в ответ на военную операцию Грузии, президент Багапш, среди прочего, рискует стать мишенью для острой критики внутри Абхазии, если не будет адекватного реагирования международного сообщества на односторонние шаги Грузии. У абхазской стороны абсолютно законные ожидания того, что Совет Безопасности ООН призовет Грузию к ответу за нарушение ранее подписанных договорённостей, что он потребует мониторинга Кодорского ущелья всеми заинтересованными сторонами, а также того, чтобы в ущелье не фигурировало «правительство в изгнании». В ситуации, когда

Грузия пренебрегает законными требованиями Абхазии, заявления о том, что Абхазия первая вышла из переговорного процесса, искажают реальную картину.

Что касается позиции ЕС, то ясно, что она продолжает линию международного сообщества в том, что касается формулы урегулирования. Вы сказали, что за решением международного сообщества признать независимость Косово стоит несколько причин. Не думается, что одной из этих причин является уважение к праву наций на самоопределение. Косово будет признано не из-за соображений справедливости. Если в нашем случае ЕС будет считать, что «справедливое» решение должно основываться на принципе «территориальной целостности», то вряд ли ЕС сможет играть более видимую роль в процессе урегулирования.

В заключение, хотела бы вас спросить, какие шаги мог бы предпринять ЕС, чтобы строить доверие не только с Грузией, но и с Абхазией тоже. Ведь сегодня доверия нет не только между Грузией и Абхазией, но и между Абхазией и международными посредниками, равно как и между Грузией и Россией.

Ибрагим Чкадуа. Частично мы об этом вчера уже говорили, и сегодня этот вопрос уже поднимался – гарантии мирных инициатив, которые необходимы, я имею в виду не только агрессивную политику Грузии, увеличение военного бюджета, и т.д., и т.п. Есть ещё и другая сторона. Это, во-первых, право Абхазии тоже защищаться, в данном случае Лиана упомянула «кодорский кризис», когда руководство страны пошло по пути политического урегулирования, пока этого не произошло, это не исключает следующих провокаций, и ответ уже вряд ли будет политическими методами, будет силовыми. То есть может произойти то, что весь регион может вывести из состояния даже вот такого напряжённого мира, как сегодня. И в данной ситуации вопрос мирного договора или договора о ненападении мог быть прекрасным выходом из положения, и здесь очень большую роль могли бы сыграть международные посредники и *то же НАТО и представители ЕС*. Иначе говоря, наличие разумных людей с обеих сторон конфликта, о чем мы вчера тоже говорили, очень неплохо было бы укрепить подобным договором, а это уже позволило бы вести переговоры в политическом русле дальше, когда были бы гарантии ненападения, неподвержения военным действиям в том же Кодорском ущелье и Гальском районе.

Инал Хашиг. У меня один вопрос, и направлен он не к докладчикам. У меня вопрос к представителю НАТО Джеймсу. В связи с такими сущес-

твующими опасениями возможен ли такой вариант, что НАТО поставит вопрос перед Грузией, что в качестве одного из основных пунктов приема страны в эту организацию должно быть соглашение о мире – то есть, договор о решении конфликта невооружённым путём, только мирным путём, то есть отказ от военных действий в отношении Абхазии. Возможен ли такой пункт среди условий – тех, которые будут предъявлены в отношении Грузии?

Александрос Яннис. Я хотел бы уделить основное внимание мерам по укреплению доверия. Вы правы, моё первое выступление пришлось сократить, я слишком много времени потратил на вступительную часть и мало внимания уделил мерам. По-моему, все присутствующие в курсе предложенных мер: в прошлом году ЕС решил участвовать в разработке мер, направленных на улучшение общего климата. В январе 2007 мы приступили к выполнению экспертной миссии, которая охватила все территории: Грузию, Южную Осетию и Абхазию. Результатом миссии стал отчёт, в котором приводился ряд рекомендаций Европейскому Союзу по разработке эффективных мер помощи. Эти меры обсуждались среди стран-членов ЕС. Сам подход и почти все предложенные меры были одобрены. Теперь, заручившись поддержкой стран-членов ЕС, мы обсуждаем с партнёрами, грузинским правительством и партнёрами в Южной Осетии и Абхазии все разработанные меры, после чего сможем приступить к их выполнению. Одной из целей визита Питера Семнеби на прошлой неделе было как раз обсуждение этих вопросов с обеими сторонами.

В данный момент ситуация довольно напряжённая. И вы знаете это лучше меня. Поэтому меры по укреплению доверия не являются приоритетом сторон. По крайней мере, такое у меня сложилось впечатление на прошлой неделе. В то же время мне показалось, что обе стороны заинтересованы в обсуждении этого вопроса на высшем уровне. Очевидно, что расширение роли ЕС приветствуется, так же как и принятие мер по укреплению доверия (пусть даже и не всех) и их реализация. У каждого участника своя позиция. Но, в целом, все хотят динамики.

Неблагоприятная обстановка, сложившаяся на данный момент, скорее является дополнительным стимулом для того, чтобы добиваться выполнения мер по укреплению доверия. Мы уверены, что такие меры полезны особенно тогда, когда события развиваются не в нужном направлении, когда не хватает доверия, когда есть напряжённость и подозрения в отношении друг друга. Это наилучший момент для принятия извне мер по укреплению доверия. Мы чётко дали понять всем сторонам, что именно

этого направления следует придерживаться. Конечно, эти меры нужно согласовать. Каждый участник должен найти в них свою выгоду. Это так называемая бесприоритетная ситуация, когда каждый получает пользу от соглашения.

Насколько я понимаю, грузинская сторона делает упор на народной дипломатии. По-моему, они так это сформулировали. У абхазской стороны акцент тоже делается на народной дипломатии, но не такой «громкой», не такой резонансной. Эти два подхода можно совместить. Тогда можно будет многого достичь.

Я упомянул ряд мер на различных уровнях, которые действуют в рамках отношений Грузия–ЕС, в рамках ЕПС. Это не означает, что многие из упомянутых мер не могут быть специально «подогнаны» под направление мышления и подход Абхазии. Всё это довольно гибко и всё можно обсудить в рамках более широких структур.

Я хотел бы вернуться к комментариям Джонатана. То, что мы занимаем общую позицию, не означает, что в рамках этой позиции нельзя эффективно работать. На прошлой неделе я говорил с российским послом – Россия тоже поддерживает принятие этих мер. Они собираются повторно обсудить вопрос с обеими сторонами – в том числе с Абхазией – и поддержать предложенные меры. Всё это происходит без партнёров, потому что часто можно услышать мнение, будто отношения России и ЕС довольно напряжённые. Да, между нами есть несогласия по нескольким вопросам, но Брюссель твёрдо намерен сотрудничать с Россией. У нас с Россией стратегическое партнёрство. В самом ЕС у нас тоже есть разногласия с партнёрами. Это касается и наших стратегических партнёров, не только России. Но это не означает, что они не готовы с нами работать.

Это только для вас. Недавно я встречался с Хавьером Соланой, и его частным образом спросили, считает ли он, что ЕС и Россия находятся в состоянии холодной войны. Он рассмеялся и сразу же ответил, что он жил во времена холодной войны и может с уверенностью сказать, что отношения ЕС с Россией никоим образом не напоминают холодную войну. Солана назвал Россию партнёром. Мы ежедневно общаемся на различных уровнях, участвуем в дискуссиях, разрабатываем совместные проекты. То, что у нас есть разногласия в некоторых вопросах, не означает, что мы не можем работать вместе в других сферах. Я объясняю это в отношении примера Абхазии. По этому вопросу мы тоже сотрудничаем с Россией. Мы считаем, что многие из предложенных мер по укреплению доверия будут поддержаны российским обществом в целом и, надеемся, участниками процесса. Тогда их можно пускать в ход и работать.

Что же касается конкретных пунктов, то, как я уже говорил, они находятся на различных уровнях. Некоторые призваны поддержать потенциал грузинских министерств: министерства по вопросам интеграции, министерства по урегулированию конфликтов, министерства иностранных дел, министерства таможенного департамента и т. д. Нужно многое сделать для повышения стандартов в министерстве иностранных дел Грузии, чтобы научить его сотрудников взаимодействовать с людьми из конфликтных регионов. Многие меры сосредоточены на отношениях между сторонами.

Я упомянул возможность назначения эксперта полиции ЕС. Вместе с МООНГ мы хотим направить такого человека в Зугдиди, а потом наладить связь между сторонами. Наша цель – сотрудничать с обеими сторонами и узнать, какие взаимоприемлемые шаги можно предпринять. В этом и заключается задача полицейского эксперта – наладить контакты. Это часть европеизации, увеличение зоны влияния. Если у нас нет своих людей на месте, откуда нам знать, осуществимы ли проекты? У вас свои ограничения из-за конфликта, из-за имеющегося опыта. Но и у нас есть свои ограничения, свой метод решения подобных ситуаций, своя система финансирования. Всё это требует изучения непосредственно на месте, только так мы можем лучше понять обстановку и дать рекомендации относительно того, как нам следует и не следует поступать. Может, назначение полицейского эксперта и покажется изменением незначительным, но оно важно для генерирования новых идей.

То же самое касается и таможенного инспектора, о котором вы говорили. Я не эксперт в этих вопросах, но главное – установить параметры таможенного проекта ЕС и содействовать налаживанию контактов между грузинами и абхазами. Из этого может что-то выйти. В..... вещах заложен большой потенциал. Это очень деликатный вопрос, я понимаю. Но если нет человека, постоянно работающего над этим вопросом (ни я, ни Питер Семнеби не можем заниматься этим, находясь в другом месте или переезжая с места на место и занимаясь другими делами), нужно найти специалистов, которые бы занимались исключительно разработкой идей, общались с нужными людьми, посвящали всё рабочее время налаживанию контактов с таможенными структурами Абхазии и т. д.

Я говорил и о других идеях. Многие из них являются продолжением существующих проектов Европейской Комиссии в рамках ЕПС. Я говорил обо всём этом: реабилитации инфраструктуры, домов, оснащении районных больниц, школ, водопровода и канализации, поддержке предприятий микрокредитами и др. Над этими идеями нам нужно работать. Я понимаю, что Черноморская железная дорога – вопрос немаловажный. ЕС готов

встретится, например, в Брюсселе, со всеми заинтересованными сторонами и разобраться, есть ли возможность продвинуться в этом вопросе. Но, опять же, для этого необходима заинтересованность и вера всех сторон. Если они не верят в эти программы, они не станут их реализовывать. Мы не можем сделать этого вместо них. Так что нам нужна их уверенность в эффективности программ.

Суть важных для нас идей – о снятии изоляции конфликтных зон – мы уже объяснили всем участникам процесса. У нас есть подобный опыт в других частях света. Мы считаем, что существует серьёзная проблема изоляции. Например, в Сербии из-за нашего визового режима 70% населения никогда не выезжало за пределы страны. Это оказывает определённое влияние. Даже во времена глобализации и интернета возможность по-настоящему путешествовать, видеть другие страны и общаться с людьми крайне ценна. В этом мы уверены. И считаем, что подобное можно сделать в Абхазии. Можно повысить участие абхазов в образовательных проектах, не только по политическим и социальным, но и научным вопросам, не связанным с конфликтом, а открывающим народу дверь в остальной мир. У ЕС много возможностей и программ, которые могут содействовать созданию доступа такого рода. Но участвовать в этом должны все. Нам кажется, что студенты должны больше путешествовать. Есть кое-какие идеи по развитию курсов европейских исследований в университетах. Всё это является частью процесса снятия изоляции (то, о чём говорил Джонатан) – процесса, который меняет образ мышления, и, как следствие, мы начинаем по-другому смотреть на каждый следующий шаг каждого этапа процесса. Если вас интересуют подробности, можно продолжить разговор о мерах по укреплению доверия. В Грузии над этим работают и другие люди.

В заключение хотел бы прокомментировать вопрос Яна-Хендрика о потребности в ЕС. Мне кажется, это неким образом связано с недостатком доверия к международному сообществу. Мы считаем, что потребность в ЕС есть. Последние три года мы видим, что страны региона – Грузия, Армения и Азербайджан – нуждаются не только в усиленном взаимодействии, но и в установленных связях с ЕС. ЕПС выполняет именно эту функцию. Европейские планы действий также являются частью этого решения. В этом я вижу признак возросшей потребности в нас. Мне кажется, что в Абхазии тоже заинтересованы в большем участии ЕС. Но для того, чтобы расширить участие, нужно знать как. На высшем уровне может присутствовать ощутимая неуверенность в отношении результата. Но, как я уже говорил ранее, ЕС не хочет создавать ожидания. Это не первоочередная цель. Задача, без сомнений, важная, потому что речь идёт о нашем соседе,

мы хотим помочь решить эти проблемы. Но, в конечном итоге, мы должны выстроить схему, по которой мы сможем вместе работать. По-моему, нам удалось убедить всех участников процесса в том, что мы не собираемся диктовать свою волю. У нас могут быть свои взгляды на происходящее, но мы открыты для переговоров. Мы используем инструменты для совместной работы. Таким образом, мне кажется, следует определить области, по которым мы могли бы работать вместе. Мне кажется, стороны доверяют нам в этом отношении, верят, что наша идея открыть Абхазию дверь в мир, проводить академические обмены, а также другие планы, не имеют скрытого умысла. Мы хотим одного – изменить образ мышления людей, а это поможет решить проблемы в целом.

Будучи посредниками, мы продолжим переговоры со всеми участниками. Мы посещаем все регионы, включая Сухуми. В этом и заключается смысл посредничества. Нельзя быть честным игроком без...

Ян Хендрик ван Тиль. Я полностью согласен с вами, одобряю и поддерживаю вашу позицию. Но мой вопрос был несколько иным. Здесь прозвучало мнение, что абхазская сторона не примет помощь, идущую через Тбилиси, что это очень серьёзный вопрос формальностей и процедур. С другой стороны, здесь же сказали о том, что Тбилиси пытается предотвратить развитие такого подхода и контактов, проведение таких дискуссий. Это касается даже такой маленькой, довольно безобидной группы, как сидящая здесь. У нас есть вот такие два примера. Но, очевидно, есть достаточно сильная оппозиция. Теперь на сцену выходит ЕС, международная сила со своими собственными ограничениями. Конечно, у вас есть инструменты воздействия, которых нет у НАТО – средства влияния НАТО находятся за пределами гражданской сферы. Это хорошо. Я на 100% поддерживаю участие ЕС. Просто хочу понять, почему и как. Получили ли вы согласие на участие, потому что дело касается гражданской сферы? Все ли согласны с этим? Это всего лишь предложение или уже конкретные шаги? Согласны ли они на осуществление этих планов? В вопросе, который прозвучал сразу после моего выступления, опять говорили о том, что Сухуми не хочет того, не согласен на это. Я вот что хочу узнать: ЕС уже определился или ещё определяется с потребностью в нём сторон, так как дело скорее гражданское, а не военное? ЕС сейчас упрочивает свою роль посредника и разрабатывает важный план действий, который может помочь разрешить ситуацию – то, чего не могут сделать ОБСЕ и НАТО из-за того, чем они, по сути, являются? Что ценного может добавить участие ЕС, какая от этого будет польза или чем ЕС уже помогает?

Бастиян Хермиссон. Можно я скажу кое-что, о чём слышал во время обсуждения? Впервые это прозвучало в одном из ваших вопросов, Арчил, а затем упоминалось в ряде других: даже не учитывая роль ЕС в посредничестве, управлении конфликтом и его разрешении, является ли усиление европейского влияния в Абхазии одним из способов противостоять российскому влиянию или укрепить доверие? Если я правильно понял из слов некоторых участников дискуссии, это выходит за пределы конфликта как такового.

Александрос Яннис. Речь не идёт о противодействии российскому влиянию. Россия наш партнёр. Я повторял это не раз, чтобы не сложилось превратного впечатления. Мы можем придерживаться разных точек зрения на некоторые вопросы, но это вполне допустимо между партнёрами. Даже в самом ЕС очень много разных точек зрения, но это не означает, что мы не партнёры. То, что мы пытаемся европеизировать, не означает, что мы навязываем европейское видение. Такое видение может появиться, а может и не появиться. Мы уже обсуждали этот вопрос. Европеизация – это, в первую очередь, служение общим ценностям (то, что делаем мы): правам человека, верховенству закона, демократии, общему рынку и т.д. Именно эти ценности отстаивает ЕС. Если людей это устраивает, значит, мы можем работать вместе. Это предложение. Мы никому ничего не диктуем. Мы не просили никого становиться частью ЕС – люди сами стремятся к этому. И нас это радует, ведь в этом и заключается замысел ЕС – распространение свободы, демократии и мира. Так что это не более, чем предложение. Мы ничего не навязываем и не требуем. Мы предлагаем. Нам кажется, это верный шаг, особенно, когда обстановка напряжена. Надеемся, что обе стороны готовы следовать в этом направлении. Но осуществлять меры можно только в случае согласия всех сторон. Здесь сомнений нет. Мы не собираемся осуществлять их сами, вместо других.

Магдалена Фричова. Я хотела бы сделать несколько замечаний относительно последних обсуждений укрепления доверия и мер по его достижению. С тем, что укрепление доверия – идея необходимая и полезная, в теории согласны все, и мы пытаемся найти способы реализации соответствующих мер. В то же время восприятие вопроса может быть совершенно разным. Поэтому, мне кажется, ваш вопрос был очень актуальным. Стоит отметить, что конфликтные регионы не так уж категорически против финансирования или инициатив, исходящих от Тбилиси. Но, как мне кажется, политика Тбилиси изменилась за последний год. Грузия пытается санкционировать или получить больше контроля над финансированием регионов.

Похоже, Тбилиси разочаровался в мерах по укреплению доверия, потому что «они не приносят желаемого результата». Это совпадает с тем, о чём говорили Джонатан и Вальтер. У дипломатов в Тбилиси складывается впечатление, что нынешнее правительство размышляет приблизительно так: «раз метод «пряника» не подействовал, прибегнем к другим методам». Сейчас подход к укреплению доверия очень политизирован. А итог таков: если деньги санкционируются Тбилиси, то Сухуми и Цхинвали не примут их.

Вы затронули ещё один важный вопрос: как некоторые инициативы осуществляются на практике? Вы говорили и о Южной Осетии. Там действует широкомасштабная программа по укреплению доверия для экономической реабилитации, реализуемая ОБСЕ. Параллельно действуют и две другие односторонние программы с похожими целями, но они работают не для обеих сторон одновременно, а, скорее, отдельно для Осетии и Грузии. Односторонняя программа по экономической реабилитации Цхинвали была запущена Россией. Обязательства по её выполнению были взяты перед ОБСЕ, но программа, по большому счёту, была выполнена односторонне. Сейчас грузинская сторона осуществляет большую программу по реабилитации подконтрольных ей территорий. То, что проведение экономической реабилитации отдельно на каждой стороне конфликта является эффективной мерой по укреплению доверия, ещё под вопросом.

Теперь что касается мнения Лианы о переговорах. Я совершенно согласна с вами, что это очень сложно. Я вижу все ограничения, действующие для международного сообщества. В то же время, мне кажется, важно вступить в переговоры, которые для начала не будут фокусироваться на вопросах статуса. Можно обговорить целый ряд вопросов. Я убеждена, что не следует сосредотачиваться на статусе. Я считаю, что многие мирные планы были положены под сукно именно из-за того, что в первых строках был заявлен предполагаемый статус. В обсуждение этого вопроса трудно вовлечь все стороны.

В заключение, хотела бы сказать пару слов о программах, которые можно разработать для Абхазии. Значительная часть иностранных средств пошла на финансирование общих программ по развитию прав человека, гражданского общества и т. д. Мне кажется, нужно запускать более конкретные программы. Чем конкретнее, тем лучше. Было бы крайне полезно поработать с соответствующими профессиональными группами и помочь людям получить доступ к профессиональным знаниям и опыту, полученным на Западе и в Европе. Например, проводились семинары по усовершенствованию методики преподавания иностранных языков. Но я

имею в виду не только учителей. Я уверена, что подобные мероприятия – тренинги по специальности и повышению квалификации – должны проводиться и для врачей. Я понимаю, существуют пределы вмешательства профессиональных групп в политически сложные области. Конечно, если взять обучение юристов в Абхазии, то такие организации, как, например, ОБСЕ, будут уклоняться от такой миссии, потому что это напрямую связано с ограничительными факторами – ведь обучать придётся юристов, которые впоследствии будут работать на де факто правительство. Так что, безусловно, на уровне выполнения существуют политические ограничения. Важно уменьшить их, творчески подойти к имеющимся возможностям и попытаться внести конкретные знания и опыт, которые бы повлияли на качество жизни людей.

Вячеслав Чирикба. Очень интересная дискуссия. Очень много идей и новых сведений, которые нужно осмыслить. Особенно интересно было послушать об инициативах ЕС по мерам доверия, а также по мерам выведения абхазского общества из изоляции, которая мешает видеть другие горизонты. В качестве одной из таких мер я бы предложил, чтобы ЕС создал в Сухуме Европейский университет, который позволил бы учиться на европейском уровне, что было бы технически проще для молодёжи Абхазии всех национальностей учиться по такой общеразвивающей программе с участием европейских преподавателей и с использованием европейских образовательных программ, чтобы он был окном в Европу, познакомил бы молодёжь Абхазии с европейским уровнем образования и европейскими перспективами. Это было бы очень высоко оценено в Абхазии, и, кроме того, вряд ли вызвало бы какие-либо возражения в Грузии.

Шалва Пичхадзе. Ко мне был вопрос Нателлы – почему в списке того, что мы перечислили бы по решению конфликта, нет примирения народов? Во-первых, этот список короток. Может быть, он мог бы быть и длиннее, но из-за недостаточного времени и чтобы не очень занимать ваше внимание, я многое пропустил.

Нателла Акаба. Ведь это надо ставить на первое место.

Шалва Пичхадзе. Я должен вас разочаровать. Даже если бы у меня было много времени и я включил бы всё, то я не включил бы примирение народов. Потому что я привык оперировать теми категориями, которые я знаю. Я не понимаю, что такое примирение народов. У нас здесь нет никакого

конфликта, мы можем сосуществовать. Может быть, на бытовом уровне могут возникнуть какие-то проблемы, но мы будем мирно сосуществовать. У грузин и абхазов в принципе нет никаких проблем между собой, у тех людей, которые живут в России. Они сегодня создают совместные семьи, они прекрасно там живут. У грузин и абхазов не было многих проблем, правда какие-то проблемы были, конечно, но многих проблем не было, когда и одни, и другие жили не в своем государстве – в Советском Союзе. Что такое примирение народов? Даже если вы приедете сегодня в Тбилиси и даже купите квартиру, я вас уверяю, что вас никто не будет трогать, потому что вы – абхазка. Да, я не исключаю, что какой-то озлобленный беженец, у которого есть очень сильная обида, может прийти к вам, притеснить вас или сделать что-то нехорошее. Но я не сказал бы, что у грузинского народа к вам лично есть какие-то серьезные обиды. Что такое народ? Это только беженцы или весь грузинский народ? Не считаете ли вы, что, в конце-то концов, рассоритесь между собой... то есть, конфликт возник не потому, что рассорились народы, а потому что представители народов не смогли определить, кто будет управлять территорией. И сегодня конфликт, в конце концов, заключается в этом – кто будет управлять территорией. Ведь если вернутся беженцы на ваших условиях или вообще не вернутся, что, у вас будет конфликт с ними, и надо будет примиряться с ними? Нет, я уверен, что нет. Если беженцы останутся по эту сторону Ингури, вы будете считать, что вам надо примирение с ними? Нет, вы прекрасно будете себя чувствовать и будете думать, что эти люди живут у себя дома. Так что я не понимаю, что это такое – примирение народов? По-моему, даже если мы урегулируем конфликт на каких-то условиях... пройдет сто лет, и между народами все еще будет существовать обида, старая обида. И что вы будете считать, что народы не примирились? Что конфликт продолжает существовать? Простите меня за такой голый реализм, может быть, но... правда, я ушел с государственной службы, но я всё ещё продолжаю считать себя политиком. Я мыслю как политик, я мыслю конкретными категориями. Примирение народов – для меня не конкретная категория. Народы могут не примириться ещё в течение многих и многих десятилетий и хранить какие-то обиды... но конфликт можно урегулировать. И урегулирование конфликта будет шагом на пути к примирению народов. Правда, я не совсем хорошо понимаю, что это такое.

Вальтер Кауфманн. На последнем раунде этой дискуссии я хотел бы вернуться к первоначальной теме конференции и, конечно, воспользоваться присутствием Джеймса Маккея, представителя НАТО. Сегодняшняя встреча поистине историческая. Впервые абхазы встречаются с представителем

НАТО. Поэтому давайте зададим Джеймсу вопросы, предоставим ему возможность сказать что-то новое и разъяснить некоторые моменты, о которых он говорил утром. В общем, любые вопросы, на которые, по вашему мнению, Джеймс ещё не ответил, и всё, о чём ещё не говорили. И наконец, в завершение конференции я предоставляю всем возможность поделиться выводами и идеями, которые они увезут с этой конференции в Сухум/и, Тбилиси, Брюссель и другие города. Так мы сможем сориентироваться в дальнейшем направлении. Александрос пока ещё здесь, но ему придётся покинуть нас раньше, чтобы успеть в Стамбуле на встречу с Мэтгом Брайзой. Так что Стамбул – центр политических событий. Когда Александрос вернётся, мы предоставим ему слово.

Джеймс Маккей. Большое спасибо. Постараюсь быть кратким, чтобы услышать и остальную часть дискуссии. Я бы хотел затронуть три вопроса. Первый касается Кодори и дискуссии, состоявшейся на прошлом заседании. Затем я хотел бы кратко обсудить план действий по подготовке к членству в НАТО, а также вопрос членства Грузии. И наконец, я прямо отвечаю на вопрос, будет ли НАТО требовать от Грузии подписания договора о ненападении до вступления в Альянс.

Несколько раз меня упрекали в том, что я не высказался против операции в Кодори, а она не способствовала урегулированию конфликта. Очень жаль, что на этой встрече не присутствуют представители грузинского правительства. Честно говоря, мне совсем не хочется постоянно оправдываться за них, ведь не я являюсь членом грузинского правительства. Мне часто приходится общаться с представителями грузинского правительства, и я знаю их позицию. Так что я могу сказать вам, в чём она заключается, но не нужно принимать её за мою. Если посмотреть на то, что случилось в Верхнем Кодори и прилегающей территории, то станет ясно, что виноваты обе стороны. Мне кажется, несправедливо утверждать, что только грузинская сторона действует нечестно. С точки зрения Грузии, они предупредили де факто правительство Абхазии о намечающейся операции в Верхнем Кодори. И только после того, как они решили разместить правительство в изгнании в Верхнем Кодори, де факто власти Абхазии отреагировали отрицательно. Но когда началась непосредственно операция, грузины проинформировали де факто правительство через ООН. Вы можете возразить, что размещать там де факто правительство было провокацией. Лично я с этим согласен. Просто, мне кажется, мы должны быть объективными и признать, что вина за отсутствие доверия лежит на обеих сторонах.

[неразборчивые комментарии]

Джеймс Маккей. Вы имеете в виду вину абхазской стороны в Кодори? Заявления, сделанные некоторыми чиновниками де факто правительства относительно действий по захвату Кодори, что абхазы не потерпят этого и захватят территорию. Грузинам тоже пришлось смириться с отчётом ООН, который скоро выйдет. Грузины пережили нападение на вертолёт и миномётную атаку, на которую так и не ответили. Их ответом стала просьба к ООН провести расследование, до которого были допущены миротворцы и абхазские власти. Здесь упомянули о том, что Грузия не пускает наблюдателей ООН. Это не так. По крайней мере две миссии МООНГ были допущены в Верхнее Кодори. Я не пытаюсь встать на чью-либо сторону или подвергать сомнению факты. Я просто хочу сказать, что для начала нам нужно признать, что обе стороны отчасти виноваты в том, что сейчас между ними нет доверия. Только тогда можно идти дальше. Я бы попросил наших абхазских собеседников посмотреть на события с точки зрения грузинской стороны. Никто не отрицает, что грузинское правительство поступало недолжным образом, можно сказать, провокационно. Но, мне кажется, пока мы не научимся становиться на место другого, мы не сдвинемся с мёртвой точки.

Теперь давайте поговорим о плане действий по подготовке к членству в НАТО. Этот план не является гарантией вступления в НАТО. Даже если Грузии будет предоставлен такой план, он не определяет срока вступления Грузии в НАТО. НАТО не считает, что Грузия должна как-то решить конфликты в определённые сроки. Союзники должны быть убеждены, что Грузия делает всё возможное для мирного урегулирования конфликтов. Как я уже говорил, НАТО не наложит вето из-за существующих конфликтов, но Грузия должна предпринять всё возможное для их разрешения. Я полностью согласен с мнением, что на данный момент Грузия не делает всего, что в её силах. Некоторые действия Грузии довольно неразумны. Мы обсуждаем их с нашими грузинскими коллегами. Мне показались ценными замечания наших абхазских друзей: они привели весьма конкретные примеры того, что было сказано или сделано грузинским правительством и что никак не способствовало мирному разрешению конфликта. Эти моменты мы также обсудим с грузинскими коллегами.

А теперь к вопросу о том, будет ли НАТО требовать от Грузии подписания договора о ненападении, прежде чем пропускать её на следующий этап. Буду с вами откровенен – я не знаю. НАТО состоит из 26 государств, и у каждого своя точка зрения на конфликт, на действия грузинского прави-

тельства, на то, как следует решать этот конфликт и как должен протекать процесс урегулирования.

В следующем году вопрос плана действий для вступления Грузии в НАТО будет детально обсуждаться. В том числе будет оговариваться и то, какие гарантии может предоставить Грузия, чтобы убедить союзников в твёрдом намерении мирно разрешить конфликты. Некоторые страны-члены НАТО считают, что Грузия должна подписать декларацию о ненападении. Другие считают, что грузинская сторона взяла на себя обязательства подписанием ряда других соглашений. Например, соглашение о прекращении огня, которое обязывает Грузию воздерживаться от агрессии, или многочисленных резолюций ООН, согласно которым грузинское правительство должно следовать политике мирного урегулирования конфликтов.

Я снова поставлю себя на место Грузии. Это не моё мнение, это то, что я слышу от грузинского руководства. Их нежелание подписывать сейчас соглашение о ненападении связано с тем, что они не хотят уступать чем-то в процессе переговоров, не получив при этом ничего взамен. Я подчёркиваю, что это позиция грузинского руководства, о которой мне рассказали, а не моё личное мнение. Грузинское правительство говорит, что они подписали соглашение о прекращении огня и различные резолюции ООН, обязывающие их урегулировать конфликты мирным путём. Руководство Грузии не хочет сейчас отказываться от чего-то, не получив чего-то взамен, как, например, было с офисом ООН по защите прав человека в Гали и др. В этом заключается тактика переговоров грузинской стороны. Вы можете соглашаться или не соглашаться с ней. Я же просто пытаюсь объяснить вам её позицию.

В заключение, я бы хотел подчеркнуть важность этих диалогов. Я всецело разделяю вашу надежду на то, что следующая такая встреча, организованная Фондом им. Генриха Бёлля, произойдёт не через год, а намного раньше. Мы делаем всё возможное, чтобы отправить группы абхазов и осетин в штаб-квартиру НАТО. Но ещё раз акцентирую ваше внимание на том, что НАТО не будет вмешиваться в разрешение конфликта. По этому вопросу среди союзников не достигнуто соглашения. Таким образом, НАТО сыграет свою роль в процессе, как я отметил вчера, но не станет участвовать. Необходимо взять за основу такую позицию и действовать, исходя из неё. Но в рамках этого ограничения НАТО сделает всё возможное для укрепления доверия между сторонами, а также вступит в честный диалог с абхазами относительно их, по моему мнению, вполне законных интересов. Большое спасибо.

Вальтер Кауфманн. Большое спасибо, Джеймс. Желая успеха в организации таких встреч. Это действительно будет важный шаг вперёд. Все знают, в рамках каких ограничений приходится действовать НАТО и другим международным организациям. Они должны придерживаться международного права и не могут сотрудничать с де факто государствами на таком же уровне, как и с международно признанными государствами. Все об этом знают, в том числе и наши абхазские коллеги. И тем не менее, любые действия, возможные в рамках этих ограничений, приветствуются. Это обнадеживает.

Нателла Акаба. Я хотела бы отреагировать на ответ Шалвы на мой вопрос. Я никак не могу согласиться с тем, что примирение излишне и всё и так нормально между двумя народами. Я совершенно не согласна с этим. К сожалению, сформировался образ врага. По крайней мере, у абхазов по отношению к грузинам. К сожалению, у меня есть основания считать, что то же самое произошло и в грузинском обществе. Может быть, особенно среди беженцев, я не знаю, никто, по-моему серьезно не занимался этим вопросом. Но если в Абхазии раньше, как мне кажется, не было такого устойчивого... хотя иногда мои коллеги полемизировали, я считала, что нет такого устойчивого образа врага, то мне кажется, что за пятнадцать лет он как бы укрепился, этот образ врага. И то, что мы здесь сидим и разговариваем, это ни о чём не говорит. Я знаю, что азербайджанцы с армянами тоже совершенно спокойно разговаривают на подобных встречах, не дерутся и даже сидят за одним столом и пьют друг за друга, поднимают тосты. Однако между двумя народами сегодня совершенно нет доверия, и это меня заставляет говорить о том, что, на мой взгляд, начинать нужно именно с этого – с восстановления отношений между этими сообществами. Может быть, с воспитания большего взаимного уважения. Мне вообще кажется, что основная причина грузино-абхазского конфликта, который начался не в 1992 году, а он был раньше, может быть в латентной форме, потому что, как многие знают, а кто-то и не знает, каждые 10-11 лет в Абхазии происходили вспышки народного недовольства, именно среди абхазов, которые считали, что их судьба будет лучше устроена, их права будут лучше соблюдены в условиях Российской Федерации. Другое дело, насколько это было обосновано, но такие чаяния были. И говорить, что всё было раньше прекрасно и ссылаться на то, что грузины и абхазы в Москве общаются и даже иногда делают вместе бизнес, мне кажется, что это неубедительно. Мы очень хорошо знаем, что в условиях тоталитарного государства все народы, разные этнические и религиозные группы, очень хорошо, очень

мирно живут, но когда эти государства распадаются, то происходит то, что произошло в Югославии, в Советском Союзе. Поэтому я считаю, что надо начинать именно со строительства новых отношений, основанных на равенстве и взаимном уважении. Для меня это очень важно.

Арда Инал-Ипа. У меня несколько комментариев и моя личная оценка подхода международных организаций, в частности европейских, к разрешению конфликта и политике на Южном Кавказе. Первое, что я хочу сказать, касается того, что спрашивал Джеймс – об отношениях к НАТО в абхазском обществе. Я хочу сказать, что к НАТО и грузины, и абхазы относятся совершенно одинаково. Потому что для них главный вопрос – как будет урегулирован конфликт. И если грузины видят в НАТО средство решения этого конфликта таким образом, как они этого хотят, они прекрасно относятся к НАТО, если абхазы видели бы в НАТО средство решения своей проблемы, то тоже относились бы очень хорошо... Я хочу сказать, что один из членов абхазского парламента просил меня довести до членов НАТО, представителей этой организации, что Абхазия приветствовала бы приход НАТО в Грузию, если бы эта организация остановилась на ингурской границе. От самой организации в Абхазии не ощущают угрозы по отношению к Абхазии. Опасение связано с тем, что этот процесс может помочь Грузии решить конфликт так, как это не устраивает абхазскую сторону. Ещё хочу обратить внимание на то, что, может быть, не сразу воспринимается. О том, что отношение к Абхазии со стороны Грузии и со стороны России тоже, по большому счету, одинаково. И Грузия, и Россия хотят видеть в Абхазии закрытую подконтрольную территорию. Единственно, кого это не устраивает, это сама Абхазия. И мы ждем новых подходов к нашим проблемам. К сожалению, в политике Европейского Союза и сейчас в НАТО мы не видим этих подходов. То есть, такое ощущение, что существующее положение всех устраивает. Россию вполне устраивает, чтобы господин Чуркин озвучивал какие-то наши позиции в ООН. Грузию устраивает, чтобы Шамба не пускали в ООН и т.д. Мы в эти дни очень часто используем понятие «виртуальная Грузия», «виртуальный мирный процесс»... и я думаю, что недаром возникают эти понятия, когда мы пытаемся анализировать ситуацию, которая сложилась в нашем конфликте. Потому что очень многое, что зафиксировано на бумагах, в протоколах далеко от реальности. По многим отчётам, в Гали, например, ещё никто не вернулся. Это пустая зона на бумагах, понимаете? И все совершенно спокойно к этому относятся. 60 тысяч вернувшихся беженцев не зарегистрированы, всё нормально. То, что это абсолютно не соответствует реальности, это никого не волнует.

Но эта виртуальная картина устраивает Грузию. То, что такого понятия, как «Верхняя Абхазия» никогда не существовало, тоже никого не волнует. То, что возникают такие марионеточные силы, как Санакоев, правительство в изгнании, – Абхазия мешает этим играм, и поэтому она совершенно не нужна на карте. Мне очень интересно, что практически все международные участники этой конференции говорят: «Как полезны вот такие встречи!». Но если бы мы не нарушали правил, которые вы создаете, таких встреч не могло бы быть. Нам приходится их нарушать. Международное сообщество считает, что непризнанные государства не должны иметь голоса. В данном случае, мы не должны иметь права доступа к обсуждению проблем, которые непосредственным образом касаются Абхазии. Неужели вам кажется, что это будет вкладом в стабильность? У меня очень большие сомнения в этом. Либо надо объявить открыто, что цель политики Евросоюза, например, это не стабильность, а распространение политического влияния. Тогда понятно. Но если цель – стабильность, то тогда нужен другой подход. Кстати, международные эксперты боятся, что абхазы когда-то забудут... о принципе территориальной целостности... на каждой встрече раз десять нам об этом напоминают. Мы это слышим, мы это помним. Но если мы смотрим на реальную политику, мы видим, что вы очень чётко определяете эту границу именно по Ингуру. Вы ведь, я имею в виду НАТО, усиливаете только грузинскую армию, правильно? Эти программы чётко ограничиваются рекой Ингур. Еврокомиссия тоже усиливает правовую систему в Грузии, но не в Абхазии, правильно? То есть, когда речь идёт о финансовых тратах, мы видим, что Европа и Америка и все международные организации прекрасно понимают, где проходит граница. И мы тоже это знаем. К сожалению, вот в этих больших планах Евросоюза все программы, рассчитанные на Грузию, развивают правовую, экономическую сферы..., а что касается Абхазии – это меры доверия. Мне кажется, что это настолько наивный подход, будто, развивая одну сторону конфликта, можно надеяться на то, что будет крепнуть доверие между двумя сторонами. Это очень странно.

Точечный подход может быть хорош, когда целью является разрушение, мы это наблюдали во время бомбардировок Сербии и Ирака. Но если речь идёт не о разрушении, если мы хотим что-то строить и, особенно, если речь идёт об укреплении стабильности, то здесь нужен более широкий региональный подход. В отдельно взятом государстве не может быть стабильности, если вы не учитываете окружающей действительности, если вы не учитываете всех окружающих игроков, включая ту же самую Россию, включая непризнанные государства.

И хочу завершить тем, о чём я часто говорю. Всё-таки, это уже реальность, что в вопросе политического статуса государств есть некий континуум... Существуют не только признанные государства... Если вся политика и все программы будут ориентироваться только на признанные государства, то это будет усугублять вот этот разрыв между признанными и непризнанными государствами... это всегда будет основой для дестабилизации и для того, чтобы когда-то этот разрыв, увеличение разницы в уровне, вызвал новый кризис. Увеличение разрыва никак не будет вносить вклад в стабильность в регионе. Если же всё-таки дать хотя бы возможность представительства или возможность легально озвучивать свою позицию, то есть, если какие-то программы или какие-то международные региональные организации будут давать Абхазии возможность участвовать в их работе, пусть и находясь в том же непризнанном статусе, мне кажется, что это даст возможность услышать нас и учитывать нашу позицию. Не так вот случайно, полуслучайно, как на таких конференциях, как сегодня, а более регулярно и планомерно, чтобы действительно этот голос и это мнение не игнорировались, не исчезали из общей картины, а учитывались. Мне кажется, что мы уже давно стоим перед необходимостью изменения в действующих подходах к региональной политике, в программах по стабильности и разрешению таких конфликтов, как грузино-абхазский.

Манана Гургүлия. Мои коллеги многое прокомментировали, я скажу о двух вещах. Первое, это уже может быть надоело многим, но хотела бы обратить внимание на вопрос об уникальности Косово и косовского примера. Мне кажется, что если анализировать причины косовского конфликта и т.д., то уникального будет не так уж и много. Там и социальные, и исторические моменты и прочее. Если говорить об уникальности, и вы имеете в виду под уникальностью те политические институты, которые были использованы для того, чтобы как-то разрулить ситуацию в Косово, то тогда может быть так – там была ООН-овская администрация, там участвуют какие-то европейские структуры. Но, наверное, это всё-таки не аргумент в пользу какой-то сверхуникальности ситуации в Косово. Получается так, что Абхазию, в отличие от Косово, наказывают за то, что Грузия через две недели после вступления в ООН развязывает войну в Абхазии, и в Абхазии находятся силы, которые способны как-то контролировать эту территорию, находятся внутренние резервы для того, чтобы создать свои собственные политические институты и с помощью этих политических институтов вести переговорный процесс. То есть, какой-то резерв – человеческий, политический, социальный – у Абхазии был, и поэтому сегодня

её наказывают, и поэтому она не столь уникальна, как Косово, и ни в коей мере не то, что она не может претендовать на независимость, но даже и говорить об этом, и поэтому ей ежедневно, ежечасно напоминают о любимом всеми принципе территориальной целостности. Так вот, мне кажется, что те аргументы, которые приводят в пользу уникальности Косово, всё-таки не срабатывают. Уникальность в том, что Косово в центре Европы, а Абхазия на периферии, но всё-таки Европы. Вот если в этом уникальность, то я с этим соглашусь. С тем, что там столкнулись интересы старой Европы, а здесь немножко в ином плане... я с этим тоже соглашусь. А если рассматривать саму суть собственно конфликта, я думаю, что таких конфликтов в мире много, и это не аргумент. Это первое. И я ещё раз подчёркиваю, что мне очень жаль, что Абхазию... вместо того, чтобы оказать ей помощь, наказывают именно за то, что у неё пока ещё есть ресурс быть политическим образованием, иметь свою собственную власть, решать какие-то социальные, экономические, политические проблемы, участвовать как сторона конфликта в переговорном процессе. Развивать демократические институты вопреки всему. Вопреки мировому сообществу и европейским структурам. За это её наказывают.

Ещё один момент. Я бы хотела обратить внимание... я вот здесь услышала... Очень часто мы слышим такую вещь – когда мы упрекаем какие-то международные структуры... высказываем какое-либо пожелание, либо некий упрёк в адрес международных структур, что они слышат только грузинскую сторону и не хотят слышать абхазской стороны, то получаем ответ: «Спасибо, что вы как бы прояснили нам свою боль, свои проблемы, мы их донесём до грузинской стороны». Мне очень жаль, если роль таких структур, как ООН, НАТО, Евросоюз и т.д., будет сводиться к Интернету или голубиной или какой угодно почте. Сегодня Интернет работает, он есть, кстати, и в Абхазии, и поэтому позицию Абхазии можно донести и до грузинской стороны, а вот отреагировать на позицию Абхазии и помочь иногда грузинской стороне если не понять, то чётче её воспринять, то я думаю, что в этом роль международных организаций была бы всё-таки эффективнее, нежели просто донести информацию. Приведу один пример, почему это вызывает, по крайней мере, у меня такую болезненную реакцию. Если проанализировать такие документы, как резолюция совета безопасности ООН, доклады Генерального Секретаря, да и многие международные документы, то что можно увидеть? Конечно, в конфликтной ситуации всегда кто-то допускает какие-то ошибки, кто-то делает какие-то жёсткие заявления. Если в чём-то спотыкается Абхазия, то во всех международных документах очень однозначно указывается на ошибки, нарушения и т.д.,

для этого не создаются никакие специальные миссии и т.д. Если нарушения совершаются грузинской стороной, то в этом случае международное сообщество в лице не только ООН, но и других структур указывает на это обеим сторонам, причём, в первую очередь, абхазской стороне, чтобы она, не дай бог, не забыла. Конечно, все подобного рода указания не способствуют большему доверию Абхазии этим структурам и, может быть, в первую очередь такой структуре, как НАТО, поскольку нам не дали забыть, что это всё-таки военно-политический союз. И я совершенно согласна с Ардой в том, что международные организации действительно, когда речь идёт об оказании помощи, не забывают, где проходят границы между Грузией и Абхазией. Другое дело, что они её называют административной границей, а абхазы её называют государственной. Но о том, что граница идёт по Ингуру, совершенно чётко об этом помнят. И вот такие вещи, естественно, вызывают как бы недопонимание, если не возмущение, то некое недоверие Абхазии к серьёзным международным структурам, которые могли бы играть более действенную роль, нежели роль почтальонов, которые доносят до мирового сообщества и, в первую очередь, до грузинских властей мнение небольшого абхазского народа.

Вальтер Кауфманн. Спасибо, Манана. Мне кажется, наши абхазские коллеги высказали необходимость противостоять «real politik», реалистичной политике, которая игнорирует реальную ситуацию на месте и поддерживает виртуальные представления о Грузии, тем самым, к примеру, укрепляя границу на реке Ингур/и. В этом зале присутствуют представители международных организаций и министерств иностранных дел, которые представляют «реалистичную политику». Может быть, кто-то из вас хочет ответить на это замечание?

Александрос Яннис. Мне кажется, я сегодня уже многое сказал. Чем больше я буду говорить, тем больше риск надоест слушателям. Такие реакции вполне понятны, ведь мы имеем дело с конфликтом. Ситуация нелёгкая. Так что мы всё понимаем. Мы не участвуем в этом конфликте. Поэтому мы должны внимательнее вас слушать и пытаться найти решение. Так что с этой точки зрения ваше недовольство и критическое отношение для нас вполне понятны. Ведь ситуация непростая.

Что касается того, насколько масштабным может быть наше сотрудничество, то тут я не согласен с теми, кто утверждает, будто мы не участвуем в поиске решения только из-за того, что заняли позицию X в отношении Косово и позицию Y в отношении Абхазии. Это потому, что мы считаем,

что существует несколько возможных решений в рамках наших позиций. В этом смысле вопросы установления стабильности в регионе и расширения нашего политического влияния (как вы это сформулировали) для нас равнозначны. И я не вижу причин, почему их нельзя совместить. Вы хотите и дальше преследовать свою цель – независимость – и в то же время иметь стабильность. У вас своя цель, у нас своя. Вопрос в том, как нам объединиться и работать вместе. У грузинского правительства своя позиция и своя цель. Мне кажется, международное сообщество может сыграть в этом деле конструктивную роль, так как среди многообразия взглядов и точек зрения международного сообщества существует пространство и есть возможность направить различные взгляды в общее русло, чтобы в будущем мы могли обсуждать возможные решения, не разделяя всё на чёрное и белое, как это происходит сейчас. То, что сегодня мы не видим возможного решения, не позволяет нам даже представить его. Отсюда и ощущение, что мы никак не сдвинемся с мёртвой точки.

В завершение подытожу два важных вопроса: 1) Как уменьшить вероятность возвращения к вооружённому противостоянию. Это первый и очень важный аспект, он относится к обеим сторонам. Предотвращение конфликта, управление конфликтом означает, прежде всего, неприменение силы. Применение силы лишь усложняет положение, задерживает разрешение конфликта, усугубляет взаимные обиды и разжигает конфликт. Поэтому всем нам, в первую очередь, нужно думать о мирном решении. Такое решение нельзя найти, применив силу. ЕС будет напоминать об этом при каждом удобном случае. 2) Когда мы снизим вероятность силового сценария (а меры по урегулированию будут этому способствовать), тогда можно будет говорить о возможных решениях. Но повторяю, нельзя увидеть вершину горы, стоя у подножия. Для того, чтобы двигаться в определённом направлении (меры по укреплению доверия и других инициатив, над которыми мы работаем), нужно преодолеть «подъёмы», и тогда позади нас, в долине, останется силовой сценарий и другие проблемы, а мы приблизимся к возможному решению.

Таким образом, важно сосредоточиться на том, что можно сделать в ближайшие и средние сроки по вопросам, не связанным со статусом. Как можно улучшить общий климат и условия, чтобы начать обсуждение урегулирования конфликта? ЕС занимает равноудалённую позицию от обеих сторон по вопросам, не связанным со статусом, способам улучшения обстановки, преодолению «подъёмов» для того, чтобы увидеть вершину горы. Мы займём нейтральную позицию и будем готовы помочь обеим сторонам предпринять необходимые шаги.

Ян Хендрик ван Тиль. Большое спасибо. Мне понятно некоторое недовольство с вашей стороны. Надеюсь, вы также сможете понять и моё. Обсуждения продолжаются вот уже второй день, и некоторые позиции, о которых здесь говорили, меня немного озадачили, даже слегка шокировали. Что я имею в виду? Международное сообщество, будь-то ЕС или НАТО, предлагает ряд инструментов для развития демократического общества и демократизации армии, верховенства закона, экономического развития инфраструктуры и т.д. Это понятно и совершенно логично. В этом заключается смысл сотрудничества, дружбы, стабильности и поиска взаимопонимания.

Но на что мы наталкиваемся? Мы наталкиваемся на явное желание использовать нашу логику, чтобы вовлечь нас в конфликт, который противоречит нашей логике. Вы не хотите сотрудничать, наоборот, вы противостите нам. Почему вы должны извинять нас за то, что мы не можем совместить свою логику с вашей? По-моему, так быть не должно, и меня это расстраивает. У нас с вами разное видение вещей. Вместе союзники, Альянс и ЕС должны не допустить того, чтобы их использовали в конфронтациях такого рода. Мы должны чётко дать понять, кто мы, чего хотим и кем мы не являемся и никогда не станем – инструментом в таком конфликте. Мы предлагаем вам ряд средств, которые могут помочь вам изменить отношение к этому. Но в Абхазии мы не можем действовать на своё усмотрение. В этом основная разница между Абхазией и Косово. Здесь вступает в действие «реалистичная политика».

Мы взяли на себя решение косовской проблемы и достигли согласия по этому вопросу. Россия тоже участвовала в заседаниях и была согласна с тем, что инициатива переходит в наши руки и руки ООН и что мы действуем по своему усмотрению – иногда удачно, иногда нет. Мы сейчас подходим к точке в историческом и политическом процессе, где альтернативы уже нет. Мы не можем просто развести руками и сказать: «Ну, с точки зрения территориальной целостности, было бы лучше, если бы Косово осталось в Сербии». Мы уже начали действовать; некоторые шаги были удачными, но они не переняли наш подход окончательно, так же как и не переняла Босния. Может быть, это произойдёт в ближайшие годы. Надеемся, что это случится, ведь мы работаем над этим: вкладываем много денег и политического капитала, чтобы и они переняли нашу идею о сотрудничестве, развитии, мирном сосуществовании, терпимости, этнической, политической и религиозной толерантности. Таково моё пожелание, моя надежда и мой призыв к вам.

Но принять этот призыв, этот подход можете только вы. Фонд им. Генриха Бёлля дал нам возможность встретиться и обсудить эти вопросы.

НАТО предоставит вам новую возможность узнать больше о её подходе. Всё это прекрасно. И все те инструменты, которые описал Яннис, тоже прекрасны. Но они не решат сам конфликт. Сделать это можете только вы сами. Пожалуйста, не принимайте это лично на свой счёт, просто я и сам немного разочарован.

Вальтер Кауфманн. Надеюсь, конференция не закончится всеобщим разочарованием.

Вахтанг Колбая. Дело в том, что я думаю, что люди, которые сидят в этом зале, имеют достаточный опыт участия в качестве медиаторов и наблюдателей со стороны за этим процессом. Видимо, все мы, которые в какой-то мере являемся медиаторами и априори готовы к тому, что это медиаторство, то есть, посредничество, не совсем и не всегда благодарная роль, пока не получишь результат... этот процесс, о котором мы говорим, он не всегда полон роз, он и с шипами, и нужно быть готовыми к тому, что эти шипы будут больно ранить. Но в любом случае, я хочу обратиться к нашим коллегам, к нашим гостям, пользуясь тем, что г-н Джеймс несколько раз сетовал на то, что жаль, что нет представителей госструктур Грузии, в том числе военных, тех людей, которые принимают решения и могут влиять на принятие решений. Тот контингент участников конференции, я имею в виду собственно себя, не может влиять на принятие решений. В принципе, так получается, что мы играем в одни ворота. То есть, люди, которые собрались здесь, как ни парадоксально это звучит, с одной, и с другой стороны, они в большинстве соглашаются, что этот процесс слаб тем, что нет диалога. Мы обращаемся к вам. Кстати, я и Паата Закареишвили готовили одну статью для Евросоюза в плане соседства и основной упор делали на то, чтобы Евросоюз оказал влияние на власти Грузии, чтобы они активно участвовали в процессе переговоров. То есть, чтобы они не уходили от диалога. Вчера было высказано такое мнение, что не отсутствует политика у властей Грузии. Отсутствие политики тоже политика. Это значит, что неучастие в диалоге, избегание встреч – это политика, направленная на изоляцию оппонента, дабы, пытаясь найти в третьей стороне какую-то силу воздействия на процессы... он больше увлекается этим, чем тем, чтобы находить прямые контакты и через прямые контакты идти к искомому результату. Нет сомнений, мы не свалились с неба и понимаем, что процесс тяжелый. Это мягко сказано. Никто не ожидает, что завтра мы бросимся в объятия друг другу, что завтра мы будем сожалеть о том, что было. Этот процесс, правильно сказал представитель Евросоюза, что мы у подножья

и отсюда не видно вершины. И вчера говорили... и потом Джонатан повторил, чтобы этот процесс имел влияние на решение, но не наоборот, потому что в процессе выявляются слабые стороны, места, закоулки, те нюансы, которые позволяют методом ошибок выходить на какие-то результаты. К сожалению, мы сегодня... у меня создается такое впечатление... конечно, я благодарен организаторам... великолепные доклады, я очень многое для себя услышал, но если не будет выхода на тех людей, которые принимают решения, то получается, что наш глас – как глас вопиющего в пустыне. То есть, мы должны влиять или смогли бы повлиять на людей, которые принимают решения. И поэтому я обратился бы с просьбой... это хорошо, что Джеймс сказал, что пригласит коллег из Абхазии в штаб-квартиру, и, возможно, подобные тому мероприятия будут способствовать тому... не то, чтобы уговорить, чтобы к чему-то прийти, надо десять раз ошибиться, десять раз отмерить и воочию увидеть, что это такое и с чем его едят. Поэтому я абсолютно не думаю о том, что завтра туда приедут наши коллеги из Сухуми и они увидят это дело и окажутся под воздействием и т.д. Просто надо уважать мнения сторон. Я не раз говорил, и даже в этой книге тоже появилась такая запись, когда я говорил... кстати, об этом, по-моему говорила Магдалена... Грузия должна показать, что уважает стремления Абхазии и разделяет озабоченность в связи с безопасностью или с проблемой безопасности. Это абсолютно верно. Можно априори что-то не принимать, но это не значит, делать все для того, чтобы вдобавок ещё к этому посеять антагонизм, посеять недоверие и т.д. И абсолютно понимаю ту эмоциональность, которую высказывала Арда. Конечно, есть такая русская пословица – «Без меня меня женили». Значит, что-то хотят сделать, пытаясь увести меня в сторону, и, тем не менее, хотят, чтобы я участвовал в этом деле на правах поднимающего руку. Вот в этом плане, видимо... это собственный монолог в отношении себя... я хочу, чтобы меня правильно поняли... поверьте, мы искренне говорим друг с другом, что мы озабочены тем, как идет этот процесс, процесс переговоров, процесс примирения, нельзя на высоком уровне делать такую политику. Я думаю, что НАТО, Евросоюз могут повлиять. Когда Питер Семнеби высказал свои предложения... там было пятнадцать пунктов в этих предложениях... естественно, вы не ожидали, что об этом будут говорить, молодцы, что придумали... мы понимаем и приветствуем усилия Семнеби, кстати, он намного активнее, чем был его предшественник в Евросоюзе, но это не значит, что раз мы что-то сказали, то это сразу воспримут. У меня возникла такая крамольная мысль... если Россия против вступления Грузии в НАТО, и все сходимся во мнении, что не учитывать интересы России в какой-то мере не получается.

Мы видим, что и в Сухуми против, и это вызывает там большие опасения. Если Европа, НАТО, мировое сообщество хочет решить эту проблему с участием нас, для нас, во имя нас, во благо нас, то зачем мы идём через эти пути? Может быть, стоит принять в Евросоюз Грузию? Это ценности для евроатлантического Альянса, а для евроатлантического поля они одинаковы. Если мы говорим об европейских ценностях, они одинаковы, что для НАТО, что для Евросоюза. Зачем идти окольными путями? Мы говорим о тех ценностях, о тех точках соприкосновения, о тех благах, которые реально можно ощутить своими руками. Поскольку уже много раз говорилось и на примере Кипра и т.д. Мы там были, нельзя сказать, что там всё идёт... но там больше точек соприкосновения. Я, может быть, действительно не говорю чего-то нового, но в любом случае на фоне того, что происходит, у меня возникла идея, что лучше идти по тому пути, который нас быстрее приведет к искомому.

Вальтер Кауфманн. Конечно, эта идея сразу принять Грузию ещё не пришла нам в голову. Может быть, сначала Турцию, а завтра Грузию?

[*Реплика. Не слышно. Смех*] Вместе с Абхазией.

Вальтер Кауфманн. Мы можем говорить очень однозначно... те, кто тут собирается... как раз Арда, например, они относятся к тем, кто действительно годами занимается тем, чтобы найти какие-нибудь решения. Они, действительно, те, кто постоянно ищет возможности в сложных обстоятельствах. И мы обсуждаем здесь, как международники могут помочь. Если тут на абхазской стороне есть ощущение, что не могут помочь этому процессу, потому что вот эта первоначальная установка, что мы поддерживаем грузинскую позицию принципиально, это не позволяет... у нас проблема, дилемма, которую мы давно знаем. И, по-моему, Александрос делает тот выход, который возможен сегодня – в настоящий момент, насколько возможно, максимально отложить вопрос статуса и искать все возможности в этом пространстве, которые есть. Другого пространства нет. Есть, конечно, конкретные действия международных представителей, которые иногда вызывают сомнения насчет того, насколько они ищут это пространство или насколько они сверху подходят к этим вопросам.

Арда Инал-Ипа. Мне очень жаль, что наши выступления вызвали у вас разочарование. Но мне кажется, это вполне нормальная реакция на сложившуюся ситуацию. Нам ещё далеко до успешного разрешения конфликта. Так что разочарование можно считать уместной реакцией.

Александрос Яннис. Во время дискуссии мне в голову пришла мысль. Я и мой соотечественник из ЕС одинаково смотрим на многие вещи. Мне кажется, нет причин для разочарования и недовольства. Мир полон проблем. В этом я с вами не согласен. По-моему, всё это дело времени. Сложности и разочарования вполне уместны и понятны. Давайте лучше подумаем о том, как улучшить положение вещей. У меня такая идея: могли бы вы как группа составить совместное заявление или документ, поддерживающий меры по укреплению доверия в целом, с примечанием о том, что каждую из таких мер должны обсудить все стороны отдельно? Каков практический результат этой конференции? Непосредственно сейчас или на ближайшие несколько недель. Не знаю. Я просто пытаюсь показать всем, насколько важны такие встречи, когда мы все сидим за одним столом и делимся мнениями. Это первый шаг. Я знаю, что вы уже не первый раз проводите такую встречу, и знаю также других людей на высшем политическом уровне, которые не участвуют в этом. Вот что нас беспокоит. Между политиками нет прямого диалога. То, что здесь возникают какие-то разногласия или напряжение, это вполне понятно. Главное, что вы озвучиваете их. Это значит, что мы на верном пути – пути взаимного понимания.

Предлагаю Вальтеру и другим участникам сформулировать общую позицию о проделанной здесь работе, которую вы донесёте до общества (на уровне «второй дорожки»). Не знаю, будет ли это устное или письменное заявление или, может, вы согласуете между собой две-три строчки о нашей конференции, которые каждый из вас скажет на встрече со СМИ, вернувшись на домой. Может быть, вы договоритесь, что скажете одно и то же – две-три строчки, не больше. Например, что, учитывая нынешнюю напряжённую обстановку, важной задачей на ближайшее будущее будет уменьшение напряжённости. Этого можно достичь путём укрепления доверия в других вопросах – расширением экономических, социальных и образовательных контактов. В общем, то, что вы вместе договоритесь преподнести своим политическим лидерам. Это бы стимулировало общественное мнение и СМИ. И для нас тоже было бы полезно. Так что я просто выношу этот вопрос на обсуждение. Чем больше вас будет поддерживать общественное мнение, тем легче будет заставить политических руководителей мыслить в позитивном направлении. Хотя я и говорил вам, что, в принципе, обе стороны уверяют нас в том, что они поддерживают меры по укреплению доверия, но существуют разногласия по некоторым из них и относительно подхода как такового. Тем не менее, мы работаем над этим и продолжим работать на всех уровнях – политическом и уровне гражданского общества, так называемой «второй дорожке». Так что это

было бы очень полезно. Давайте только разберёмся с тем, каким может быть практический результат нашей встречи. Если сегодня этого сделать не получится, тогда в другой раз. Это может подождать. Мы и так делаем всё, что в наших силах.

Вальтер Кауфманн. Позвольте, я кратко расскажу, о чём мы уже договорились. Отчёт о конференции будет готов через несколько месяцев, его получат ответственные лица в Грузии и Абхазии, а также представители международных организаций. Сразу по завершении конференции мы проведём открытые круглые столы в Тбилиси и Сухуме/и, на которые пригласим как можно больше людей, чтобы рассказать о ходе конференции. Конечно, я надеюсь, основным сообщением участников от грузинской и абхазской сторон будет то, что встреча прошла не зря. Но решать, естественно, им. Вот такими будут конкретные результаты нашей конференции. И ещё будет закончен 14-й том «Аспектов грузино-абхазского конфликта». Надеюсь, это удастся сделать к началу следующего года.

Андрей Рябов. Я хотел бы прокомментировать мнение о том, что ускорить разрешение конфликта поможет, в первую очередь, вступление Грузии в ЕС. Я обращаюсь прежде всего к Александросу как представителю ЕС. Мне кажется, сегодня у ЕС есть возможность показать свою способность урегулировать другой глубокий домашний конфликт – конфликт в Молдавии. Это не я придумал, а ранее очень известный политик в стране, ставшей членом ЕС в 2007 году. Если вам удастся разрешить конфликт в Молдавии, это послужит стимулом для Грузии пойти по такому же пути. Молдавия – маленькая страна, она не станет обузой для ЕС. Это же не Украина с 50-миллионным населением. Условия тоже благоприятствуют: беженцев нет, как нет и этнической или идеологической основы конфликта. Может показаться, что ключом к этим конфликтам является Москва. Но это не так. Ключ – это ещё и Брюссель. Но если вы хотите добиться прогресса в этих вопросах, нужно вкладывать не только финансовый, но и политический капитал. Попробуйте предпринять что-то, что радикально изменит ситуацию, обстановку конфликтов.

Мне кажется, что «*real politik*», проводимая главными политическими силами на этой территории и в мире в течение последних 7–10 лет, заводит нас в тупик. Поэтому, если мы хотим разрешить эти конфликты, возможно, следует прибегнуть к радикальным изменениям, не только в плане политических идей, но и политических механизмов и политической обстановки.

В пользу своей позиции могу привести ещё один довод. Это моё отношение к последствиям косовского прецедента. Мне кажется, главным

негативным последствием будет разлад в международном праве. Сегодня очевидно противоречие между резолюцией ООН 1514 о деколонизации, принятой, если я не ошибаюсь, в 1961 году, в которой говорится о правах народов Азии и Африки на независимость, и резолюцией Хельсинкского пакта 1965 г., затрагивающей вопрос территориальной целостности. Международное право, заимствованное современным миром из другой системы международных взаимоотношений многополярного мира. Этот мир исчез, а право по-прежнему существует. Наихудший способ усовершенствовать международное право – это методом исключения. Исключения разрушили международное право. Всем ясно, что мы не можем вернуться к тому, что было раньше. И в то же время нужно учитывать совершенно очевидное отрицательное последствие для международного права. Потому что после этого любая страна сможет сослаться на резолюцию 1514 или Хельсинкский пакт. При решении вопросов региона мы должны уже сейчас думать о возможном подрыве силы международного права. Следует подумать о создании новой организационной системы, новой структуры, похожей на ОБСЕ, но на региональном уровне – для черноморской зоны, зоны Каспия. Конечно, пока это всё теория, далёкая от практики. Но если мы думаем о будущем и о том, как повлияет несостоятельность международного права на политический процесс в регионе, необходимо идти дальше и сосредоточить усилия на привлечении организаций, действующих в регионе («Черноморской четвёрки», Организации экономического сотрудничества Чёрного моря) и использовать их как базис, опору для создания новых структур. Мне кажется, это имеет отношение и к тому, как мы собираемся компенсировать несостоятельность международного права. Конечно, его усовершенствование и поиск новых идей займёт какое-то время. Но мы можем создать новые организационные структуры и попробовать переместить конфликты в новую политическую среду, вместо системы двусторонних отношений – отношений между Грузией и Абхазией, Россией и Грузией, Россией и Абхазией, ЕС и Грузией, США и Грузией и т. д. Вместо этого нужно попробовать подойти к этим конфликтам в более широком политическом контексте и посмотреть на результаты. Может быть, после этого появятся и новые идеи. Это стоит обдумать.

Бруно Коппитерс. Я хотел бы поговорить о недовольстве по поводу использования ЕС и НАТО. Мне кажется, этому и был посвящён весь семинар: вероятности того, что одна из сторон использует НАТО в своих целях. Параллельно подчёркивался тот факт, что НАТО не должна быть использована как инструмент и должна позитивно влиять на конфликт, а не усу-

гублять его. По-моему, опасения быть использованными вполне понятны. Во время обсуждения мы согласились с тем, что наиболее близкий пример вступления разделённого государства в НАТО – это Кипр. Должно быть, вы помните разочарование европейских чиновников, включая и представителей ЕС, после провала плана Аннана на референдуме 2004 года. Они крайне отрицательно высказывались в адрес греко-кипрских политических руководителей, которые не поддержали план, что и привело к его провалу на референдуме. Критика прозвучала и в словах государственных лидеров ЕС. Там была целая проблема с «использованием» ЕС.

Такого использования нельзя допускать. В случае с НАТО есть риск повторения кипрского сценария, а он не самый удачный для разрешения конфликта на острове. Некоторые страны-члены ЕС сейчас прилагают много усилий, чтобы нейтрализовать отрицательное действие, вызванное использованием Кипром ЕС в своих целях. Сделать это удастся нескоро. Сейчас ЕС открыто говорит турко-кипрскому сообществу, что он не является нейтральным игроком и не может им быть. И всё же, несмотря на это, в ЕС звучат мнения о том, что он должен, тем не менее, попробовать положительно повлиять на конфликт. Все мы знаем, как усложнилась ситуация после вступления Кипра в ЕС. Было бы неразумно создавать такую же проблему со вступлением Грузии в НАТО – теперь-то мы знаем, что опасность использования организации в своих целях действительно существует. Мне кажется, 5–6 лет назад ЕС не мог предположить, что такое возможно в отношениях с Кипром.

По-моему, Вячеслав Чирикба очень хорошо описал положение с Грузией и НАТО. Вячеслав отнесся без особого драматизма к вступлению Грузии в НАТО. Он ясно объяснил, что существует политическая среда, которая не позволит НАТО поддержать одностороннее военное вторжение Грузии в Абхазию. Но, с другой стороны, существуют объективные последствия вступления Грузии в НАТО, а именно, растущая асимметрия между конфликтами. Недостаточно просто сказать, что вот две стороны, которые должны прийти к соглашению. Эти две стороны состоят в неравных отношениях – как с ЕС, так и с НАТО, разумеется. Членство в НАТО усугубит эту асимметрию и, как говорит Слава, настолько, что это станет угрозой выживанию Абхазии.

Что предпримет НАТО в связи с этим? Проведение семинара – это хорошо. Но это не решение. Семинар – место для обсуждения решений. Можно обдумать проекты, о которых уже так много говорилось. Необходимо подписать декларацию о невозобновлении военных действий. Хотя и здесь нужно быть осторожными. Где гарантии того, что декларация будет

соблюдаться? Грузино-абхазский конфликт остаётся внутренним. Все мы помним участь мирного договора, заключённого между Чечнёй и Россией в конце их первой войны. Обладал ли договор какой-либо юридической силой? Соглашение не остановило начало новых военных действий в 1999 году. Мировое сообщество забыло о том клочке бумаге. В конце концов, оно не было заключено между двумя суверенными государствами. Таким образом, поиск решений должен быть радикальным.

По-моему, на данный момент в НАТО крайне мало концепций о том, как избежать подобных ситуаций. А ситуация проста. Если существует асимметрия (несмотря на благие намерения многих членов НАТО), если существует опасность если не прямого вмешательства НАТО, то по крайней мере вероятность использования силы укреплённой Грузией, будет логично, если Абхазия ещё больше повернётся к России. В конце концов, это приведёт к усилению напряжения между НАТО и Россией и дальнейшему замораживанию конфликта между Грузией и Абхазией. Таким образом, все призывы к грузинской и абхазской сторонам разрешить свои проблемы и не использовать НАТО в своих личных целях ни к чему не приведут.

Интересно также посмотреть, как НАТО проведёт семинар по Абхазии, не создав при этом проблем России. Организация семинара именно по этому вопросу – часть взаимоотношений НАТО с Россией. Это то, чего Россия не хочет видеть. Так что, мне кажется, вопрос, который мы обсуждаем в контексте этого конфликта, очень сложный. Проблема существует не только между грузинами и абхазами, но и между НАТО и Россией. В этот конфликт вовлечено много сторон. Ни одна из них не является нейтральной. Мне кажется, найти способ решить этот конфликт будет непросто.

Инал Хашиг. Я думаю, что в процессе обсуждения урегулирования конфликта, когда появляется новый игрок НАТО, неспроста возникает один из главных вопросов, который фигурирует в этом контексте, это – степень доверия. Это степень доверия не только между сторонами. Это степень доверия и к тем, кто приходит в это поле, кто подключается к этому процессу. Сегодня очень много говорится о цивилизации, о цивилизационных ценностях, нормальных, общепринятых нормах, догмах. И между тем, хочу напомнить, что несмотря на то, что за последние 13-14 лет с каждым годом международные посредники или любые другие организации, которые в различной степени подключаются к процессу урегулирования грузино-абхазского конфликта, в глазах абхазского общества по степени доверия они на 95 % уступают степени доверия России. Из этого надо делать вывод, что вся эта толерантность, все эти цивилизованные подходы почему-то на

нас заканчиваются, несмотря на то, что мы отнюдь не самые шаловливые в этом мире непризнанных государств. Я боюсь самой постановки вопроса. Она заключалась ещё с того периода, когда начинался этот переговорный процесс, когда во главу ставилось разрешение конфликта только в рамках территориальной целостности Грузии, что заведомо ставило под сомнение возможность его урегулирования. Я не уверен, что в вопросе Косово ... именно из этого исходили относительно урегулирования конфликта. Тем не менее, представители НАТО, ЕС, США всё время подчёркивают уникальность Косово. Мне кажется уникальность скрывается абсолютно не в цивилизованных подходах, а в пропаже тех же часов у Буша. Наверное, этого больше Европа опасается. Мы, абхазы, стремимся строить нормальное, цивилизованное государство. Наш послыл воспринимается абсолютно в обратном направлении. Это очень жаль. Я неспроста спросил представителя НАТО о возможности принятия как одного из обязательных правил для вступления в НАТО договора, пакта о невозобновлении военных действий. В состав НАТО входят 26 стран. Я думаю, участники НАТО по своему составу мало (2-3 персоны) отличаются от тех, кто входит в ЕС. Если ЕС выступает только за мирное решение конфликта, я думаю, что проблема заключается в том, чтобы уговорить эти 2-3 персоны, которые входят в состав ЕС, но не являются членами НАТО, чтобы добиться этого решения. И коль НАТО преподносится как организация, которая приносит стабильность, то для НАТО, наверняка, будет очень важно строить свой дом в регионе. Для того, чтобы построить свой дом – создать правовую базу. Одним из формирующих этой правовой базы, наверное, должно быть мирное предназначение того пакта о решении конфликта исключительно мирным путём. Он мог бы стать именно первым камнем в этом вопросе.

Джонатан Коэн. Я бы хотел сделать несколько замечаний. Сначала по вопросу участия и укрепления доверия, а затем относительно невозобновления военных действий. Мы уже поделились взаимными разочарованиями по поводу того, как обстоят дела. Важно ещё и обсудить одну из дилемм. Вы все прекрасно её осознаёте, но сегодня её затронули снова. Некоторые из присутствующих в зале занимаются этим вопросом уже более десяти лет и слышат одни и те же доводы из года в года. Большинство из тех, кто находится сегодня здесь, участвовало в доброй половине диалога, а некоторые и того дольше. Надеюсь, вы согласитесь со мной в том, что вчера и сегодня был очень конструктивный и открытый, очень критический и почтительный диалог. Не знаю, ожидали ли вы встретить на этой конференции такую открытость, результативность и сотрудничество. Однако мы

услышали, что встреча с политиками и руководством производит совершенно другое впечатление. Мне не хотелось бы переходить на личности. Я говорю о международном сообществе, дипломатах, которые это делают. Вот и суть дилеммы: деятели гражданского общества всеми силами пытаются изменить параметры взаимодействия сообществ, то, как они рассматривают проблему, и всё же круг людей, которые в этом участвуют, остаётся достаточно маленьким.

Вальтер упомянул, что итогом этой конференции станет опубликование 14-го тома проекта Калифорнийского университета (г. Ирвайн) и Фонда им. Генриха Бёлля. Любой из присутствующих здесь может перечислить с десяток проектов по укреплению доверия, в которых они участвовали на протяжении всего этого времени и которые принесли конкретные результаты. Ваханг занимается проектами для бизнесменов Абхазии. Мы помогаем проведению огромного числа мероприятий в области СМИ, осуществлению совместных проектов. Паата и Арда участвовали в издании совместного учебника. Список, на самом деле, очень и очень длинный. И, тем не менее, сложилась такая вот ситуация (не хочу уподобляться «заевшей пластинке», снова и снова указывая на грузинское правительство, но я действительно убеждён в том, что его подход тормозит весь процесс). Магдалена рассказала нам о вполне понятном недовольстве Грузии, вызванном разочарованием в переговорном процессе. Грузия не верит в то, что переговоры чего-то достигают. Она не верит, что переговоры помогут ей добиться желаемых результатов. Но, мне кажется, грузинским политикам следует остановиться и задуматься, почему дело обстоит именно так. Вот уже 15 лет мы ведём переговоры, и 15 лет грузинские политики говорят, что решат эту проблему завтра. Они как бы спешат решить проблему, но не готовы провести всю необходимую черновую работу для создания ситуации, содействующей успеху. Теперь на сцену выходят новые участники, а именно, НАТО и ЕС, внося нечто качественно новое в рамках своих конкретных ролей. По-моему, важно, чтобы люди поняли, в чём заключаются эти роли и не ожидали от них большего. Но и новым участникам следует действовать активно. Это происходит сегодня, так как они не являются статическими организациями. В реализации своих ролей они относительно свободны. Поэтому, мне кажется, этим новым участникам процесса нужно быть осторожными и, как говорится, не учить учёного, потому что многие уже давно в этом конфликте и знают всю его подноготную. Нужно выслушать мнения «бывалых», а уж потом вносить свой новый вклад в генерирование свежих идей. Те из нас, кто уже не первый год в этом деле, немного приустиали. Нам действительно иногда не хватает свежего подхода. Новые

люди обязательно должны привнести и новые идеи. Многие участники отметили сегодня, что подход Бруно на этом семинаре был очень конструктивным. Десять лет назад Бруно говорил обо всём этом, потом зашёл в тупик в своём анализе конфликта. Он вышел из игры, поблагодарил Грузию и Абхазию и сказал, что на данный момент больше не может участвовать в процессе. После этого он изучал положение на Кипре, в Китае и Тайване и добавил в анализ новое измерение, которое, по-моему, пришлось на этой конференции очень кстати. Поэтому нам нужно сосредоточиться на скептицизме, существующем в грузинском правительстве в отношении пользы от участия гражданского общества. Нужно спросить, откуда исходит этот скептицизм? Мне кажется, одна из причин – это понятное стремление быстро изменить положение вещей. Но эта срочность мешает им признать, что без фундамента обойтись нельзя. Это своего рода юношеский энтузиазм, граничащий с деструктивным, иллюзорным подходом. Элемент самообмана действительно есть. Приведу хотя бы один пример, который вызывает недовольство многих. Часть риторики, которую мы слышим от грузинского правительства, иллюзорна. Из Абхазии не было переселено 500 000 людей. Президент страны не должен постоянно повторять это. Речь идёт, может, о 200 тысячах, может, о 150 или 300 тысячах. Это тоже большие цифры, не нужно искусственно раздувать их до нереальных размеров. Это делается для того, чтобы создать иллюзию, которая, по сути, не что иное, как самообман. Такие действия крайне негативно сказываются на самом правительстве. Они являют собой попытку ускорить процесс, вместо того, чтобы проявить терпение, к чему уже так долго стремятся собравшиеся за этим столом. Мне кажется, это затрагивает и другой вполне разумный вопрос, заданный Джеймсом: возможно ли наладить диалог с абхазскими властями?

Магдалена подчеркнула очень важный момент, сказав, что в Абхазии существует отстранённость от Москвы и понимание того, насколько ненадёжна российская поддержка Абхазии. Кроме того, я хотел бы сказать вот о чём: возможно, исходя из анализа, проведённого грузинским правительством, Россию следует исключить из уравнения. По-моему, вполне логично заключить, что Россия вредит интересам Грузии, но если ждать, пока удастся убрать Россию из уравнения, то придётся ждать очень долго, потому что Россия никуда уходить не собирается. Так что, конечно, грузинским властям нужно признать, что они не продвинулись дальше, если не построят с абхазами другие отношения. Сейчас попыток сделать это не наблюдается. Более того, часто грузинские власти относятся к абхазам, как к непослушному школьнику, которого отправляют стоять в углу, пока он не

научится вести себя так, как это угодно грузинам. Им следует относиться к абхазам, как к коллегам, с которыми нужно разговаривать с уважением и относиться к ним соответственно. На сегодня грузинская сторона не готова к этому. А это пагубно повлияет на любые попытки серьёзного диалога.

Одна из проблем, с которой мы сталкиваемся – т. е. я, Вальтер, Пола, Паата, Магдалена, Бруно и другие – заключается в том, что вполне возможно создать конструктивную и творческую среду (как, например, эту), но очень тяжело вынести замыслы и идеи за пределы этого форума в широкую публику или в сферу политики. Как раз с этим мы боремся. НАТО и ЕС, которые будут играть другую роль, обладают весом, которого нет у нас. Важно пустить этот вес в ход, чтобы повлиять на готовность правительств взаимодействовать с обществом. От властей исходит слишком много негативной риторики, которая искажает мнения людей.

Поделюсь с вами ещё несколькими соображениями. У НАТО есть всесторонняя программа народной дипломатии. Она поддерживает широкий спектр академических исследований между государствами, являющимися членами Альянса, и потенциальными партнёрами. А что, если включить в эту программу людей из непризнанных государств? Конечно, вопрос щепетильный. Но хотелось бы знать, что правительствам, которые выступают против участия непризнанных государств, оказывают отпор. Необязательно признавать полномочия таких государств. Можно вовлечь Абхазию в процесс без полного её признания, которого вполне естественно боится грузинское правительство. Если целью является расширение горизонтов и дальнейшее развитие дискуссии, то именно на этом должно настаивать НАТО. Так же и с комиссией. Вячеслав выступил с идеей создания Европейского университета. Это масштабный замысел. А пока можно сказать грузинам, чтобы они открыли в Сухуме Европейский дом, какое-то информационное агентство, обеспечивающее более широкий доступ к информации. У ПРООН есть такое, хотя, к сожалению, его вскоре могут закрыть по политическим соображениям. Я знаю, что грузинская сторона была против того, чтобы комиссия занималась этим. Но, мне кажется, в таких вещах нужно проявлять настойчивость.

Надеюсь, вы согласны с моими словами.

Теперь что касается возобновления военных действий. Инал затронул вопрос гарантий. Джеймс ответил, что грузины считают, что они уже взяли на себя обязательства по невозобновлению военных действий. С одной стороны, это так. Они действительно подписали когда-то документы, обязывающие их к невозобновлению военных действий. С другой стороны, некоторые действия (например, события в Кодори) являлись прямым нару-

шением соглашения о прекращении огня, и это послужило сигналом того, что, возможно, эти гарантии не вполне надёжны. И тем более, если грузины считают соглашения, подписанные в начале 1990-х, равноценными заключению договора о невозобновлении военных действий, тогда почему Ираклий Аласаниа добрую половину 2005 года пытался продвинуть этот договор? Который, кстати, был парафирован Гогой Хаиндровой и Сергеем Шамбой до того, как окончательно провалился. Относительно причины провала существуют разные истории. Тем не менее, провал очевиден. Если грузинские власти были довольны имеющимся соглашением, зачем тогда они тратили время на переговоры о новом соглашении по невозобновлению военных действий? По-моему, этот вопрос должны задать грузинской стороне наши коллеги из НАТО. Почему мы так часто слышим от грузинских чиновников и политиков о том, что они верят в мирное разрешение конфликта, но оставляют за собой право применения силы? Такой подход подрывает веру в мирное урегулирование конфликта. Неискренность такого заявления должна вызывать серьёзную озабоченность наших коллег из НАТО. Если веришь, что можно применить силу, когда тебе удобно, значит вообще считаешь себя вправе использовать силу. Это подрывает мирные намерения. И также подрывает восприятие мирных намерений собеседником по другую сторону и дискредитирует любое представление о доверии.

Паата Закареишвили. К сожалению, господина Янниса здесь уже нет. Он сказал насчёт заявления о конференции. Конечно, это интересное предложение, об этом можно подумать. Но мы этим занимаемся. Публикуем книгу после конференции. Это – больше, чем заявления. После таких встреч мы публикуем всю расшифровку встреч. Наша задача – информировать власти и наши общества, чтобы они знали, до какой глубины и в каком направлении идёт грузино-абхазский диалог. На этих встречах мы не агитируем друг друга. Наша задача, моя задача, по крайней мере, – создать тон, чтобы максимально передать в Абхазию ту ситуацию, то настроение, в котором находится грузинское общество. К сожалению, в последнее время складывается впечатление, что грузинские власти не хотят иметь такую информацию. Они не хотят, чтобы мы знали, что происходит в Абхазии. Между нами нет диалога. Диалог был, и его уже нет после того, как у Грузии появились шансы получить безапелляционную поддержку Запада. Переговоры шли. Станным образом они прекратились тогда, когда явно почувствовали поддержку Запада. Мы в одностороннем порядке разговариваем с западными институтами. Они нам верят однозначно, не перепроверяя

информацию у абхазской стороны. Я сомневаюсь, что такими методами мы добьёмся успехов. Таким образом, мы не сможем решить эти конфликты. Я хотел бы задать вопрос нашим международным партнёрам, знают ли они о существовании такого документа, как «Ключ к будущему»? Этот документ был создан абхазской стороной. Он был очень интересным. Были очень интересные позиции. Почти ничего не говорилось о России. В нём отразились позиции в пользу черноморской интеграции. Можно было бы начать работу с этого документа. Был беспрецедентный случай, когда Сергей Шамба приехал в Тбилиси. Он вышел прогуляться по улицам Тбилиси, сходил в тбилисский ресторан вместе с телевидением, сходил в магазины, купил сувениры. Никто из высокопоставленных чиновников Абхазии раньше такого не делал. Это был огромный жест доверия. И в это время, в этот же день, президент Грузии находился на военной базе в Сенаки. Это был чёткое послание. Он был в военной форме вместе с министром обороны. После этого имели место кодорские события. Прекратились переговоры о восстановлении железной дороги, прекратились те форматы переговоров, которые были восстановлены во время Ираклия Аласания. Явно ситуация пошла в другую сторону. И это в контексте улучшения отношений Грузии с Западом. В этом контексте идёт ухудшение отношений со своими партнёрами и в Абхазии, и в Южной Осетии. Стратегия диалога и переговоров поменялась на давление. Ответной реакцией абхазской стороны был отказ от переговоров. Мне кажется, что грузинские власти должны дать международным партнерам ответ о том, почему Грузия вышла из режима переговоров, из режима диалога?

Ян Хендрик фан Тиль. Ваш довод очень веский. Если правительство Грузии или любой другой участник конфликта использует связь с международными организациями во внутренней сфере, чтобы представить позицию, не согласованную с международной организацией и содействующую разжиганию конфликта, то мы должны бороться с этим. Что мы и стараемся делать. Вчера Джеймс объяснил это, и я тоже затронул этот аспект. Мы ясно даём понять нашим собеседникам, что использование таких контактов не приветствуется и не должно иметь место. Моё недовольство вызвали не вы. Ведь мы же здесь, все вместе обсуждаем проблему, это прекрасно. Недоволен я остался сценариями, о которых здесь говорили. Может быть, я излишне наивен или живу в другом мире, но это хорошо. Мне не нравится, что мы обсуждаем то, что НАТО может быть союзником войны, союзником военного решения конфликта. Это абсолютно неприемлемо, потому как такое мнение очень далеко от нашего суждения, наших целей и подхо-

да. Это разочаровывает. НАТО ни в коем случае не хочет быть втянутым в военное решение конфликта. Это даже не должно обсуждаться. Без вариантов. Вы говорите, что НАТО может быть использована с целью создания условий, которые делают военное решение конфликта более вероятным. Я в это абсолютно не верю. Почему? Джеймс уже объяснил одну причину, причём очень подробно. ЕС и НАТО меняют одну часть уравнения, т. е. одного игрока, посредством партнёрства и политики соседства. Правительство Грузии, как и правительство Кипра, не может поступать определённым образом до тех пор, пока они остаются в рамках принципов и структуры международных организаций. Военного решения в процессе вступления в НАТО быть не может. Это стало бы большой проблемой, и процесс вступления в организацию, скорее всего, был бы прерван. В структурном отношении военный конфликт после вступления практически невозможен.

Бруно говорит, что создаётся асимметричная ситуация, замораживающая конфликт. Если принять предпосылки такой логики, то можно прийти именно к такому выводу. Но я их не принимаю. Бруно приводит в пример Кипр. Моим первым назначением стали Афины. Одним из первых моих отчётов был отчёт о ситуации на Кипре. Я думал, что мой подход очень оригинален, и написал свои соображения по поводу решения вопроса. Потом я заглянул в дело и просмотрел отчёты 30-летней давности. И увидел там точную копию своего отчёта. Свой отчёт я так и не послал в Бонн.

Мне кажется нечестным говорить, что, если конфликт застрял на мёртвой точке, а потом один из участников вступает в международную организацию, которая обладает сдерживающей силой, осуществляет демократические преобразования и делает его более ответственным игроком, то она потом несёт ответственность за то, что не может решить конфликт, участником которого он давным-давно является. По-моему, это слишком высокие требования к ЕС и НАТО. Если Абхазия и Грузия не договорятся, то виной тому будет явно не НАТО. НАТО и ЕС предоставят им инструменты для успешной совместной работы. Они помешают одной из действующих сил – в данном случае, грузинскому правительству – применить для решения проблемы силу.

Они станут предлагать возможные решения. Например, план ООН для Кипра был хорошим предложением, и отколовшаяся турецкая сторона его не отклонила. Его демократически не приняла греческая сторона. Но разве в ответе за это был ЕС?

Бруно Коппитерс. Обязанность ЕС должна была заключаться в том, чтобы не принимать до этого идею вступления разделенного Кипра в ЕС.

Ян Хендрик фан Тиль. Хорошо, они бы не были бы частью ООН, и что? Конфликт разрешился бы из-за того, что Кипр не является членом ЕС?

Бруно Коппитерс. Опасения быть использованным в целях одной из сторон вполне реальны. Вы сами озвучили их. А теперь говорите, что эти опасения беспочвенны. Сейчас вы изображаете организации вроде НАТО и ЕС нейтральными...

Ян Хендрик фан Тиль. Сейчас нас, как говорят, используют в своей риторике грузинское правительство, да и абхазская сторона, только иначе, заявляя, что...

Бруно Коппитерс. Нет, дело не только в этом. Что касается Кипра, то некоторые страны-члены ЕС и, прежде всего, сам Кипр вынуждают ЕС занять общие позиции, которые большинство стран не заняли бы, если бы Кипр не был членом ЕС. Таким образом, они вынуждены занять определённые позиции в отношении, например, Турции и Кипра – позиции, которые бы они не заняли, не будь Кипр членом ЕС.

Ян Хендрик фан Тиль. Но одна из тех позиций, которые мы заняли, лишь усугубила конфликт.

Бруно Коппитерс. Он заморожен. Я ведь всё время говорил о...

Ян Хендрик фан Тиль. Но ведь он и раньше был заморожен – вот уже тридцать лет.

Бруно Коппитерс. Ладно, если роль ЕС заключается в том, чтобы и дальше замораживать конфликт...

Ян Хендрик фан Тиль. Совсем нет. Был ведь план Аннана и гражданско-военное воздействие на правительство Кипра. Был проведён референдум, и народ Кипра ответил «нет». ЕС не вправе проталкивать резолюцию или давать одобрение. Мы не диктаторы – мы демократический альянс. Вчера мы говорили об опасностях демократии. Если проводится демократический референдум, а народ хочет и дальше держаться за свои предрассудки и исторический конфликт, то ЕС не в силах изменить это. Асимметрия и всё такое – это, конечно, хорошо. Но мы имеем дело с реальной политикой.

Бруно Коппитерс. Да, но никто не вынуждал ЕС принимать разделённый Кипр, как и НАТО не обязана принимать...

Ян Хендрик фан Тиль. Но Вы имеет в виду, что, принимая.....конфликт, он был заморожен. Что даёт вам право думать, что конфликт был бы заморожен, если бы мы не приняли их?

Вячеслав Чирикба. Может быть, вы нуждаетесь в посреднике? *(смех)*

Ян Хендрик фан Тиль. *(смеётся)* Нет. Но я просто хочу сказать, что...

Бруно Коппитерс. Если бы Кипр не был членом ЕС, обсуждения Европейским Союзом возможных решений конфликта на этом острове были бы гораздо более продуктивными...

Ян Хендрик фан Тиль. Но сейчас речь идёт о Грузии. Я просто хочу сказать, что не верю в то, что вступление в ЕС заморозило этот конфликт. Вступление Грузии в НАТО не является однозначным фактором, который может заморозить конфликт. Вот и всё.

Вальтер Кауфманн. Спасибо. Об этом можно говорить часами. Да и следовало бы. Но я уже должен закрывать список выступающих.

Шалва Пичхадзе. Ян Хендрик, я хотел бы сказать несколько слов о тех, порой апокалиптических, сценариях, которые здесь обсуждались и которые, отчасти, являются лишь предположениями. Но это больше, чем просто предположения. Эти сценарии обсуждаются частью грузинского общества и постоянно подпитываются военной риторикой некоторых грузинских чиновников. Я согласен с Джонатаном, что военная риторика слышна не только в Тбилиси, но и в Сухуми, и народ воспринимает её. Люди в Сухуми внимательно слушают то, что говорят в Грузии, и анализируют ситуацию. Поэтому некоторые сценарии, выдвигаемые ими, также базируются на риторике и высказываниях Тбилиси.

Как положить конец этой риторике, а затем и сценариям и домыслам такого рода? Может, мой «рецепт» покажется вам фантастическим. Но, тем не менее, как гражданин Грузии я бы хотел дать совет. Что, если в Грузию приедет высокопоставленный чиновник, отправится в грузинский парламент и сделает заявление – без обиняков, чётко и ясно – что НАТО НИКОГДА..., а дальше собственно то, что вы хотите донести до людей.

Сделать это нужно публично, в парламенте. Не по ТВ, а в парламенте, где присутствуют все депутаты, включая сторонников жёсткого курса. Это раз и навсегда положило бы конец всяким домysłам и обсуждениям. Возможно ли это? Конечно, я не жду от вас ответа. Вы не можете сказать, возможно это или нет. В общем, нужно сделать что-то подобное.

Джеймс Маккей. НАТО уже делала такое заявление, но, наверное, нужно сделать его ещё раз. Генеральный секретарь неоднократно говорил...

Шалва Пичхадзе. Совершенно верно. Но сказано это было в Брюсселе. А в Грузии, Тбилиси, Сухуми, Москве и Вашингтоне поняли ваши слова по-разному. Если бы кто-то пришёл в парламент и заявил об этом во всеулышание, это произвело бы эффект разорвавшейся бомбы.

Вячеслав Чирикба. Интересно, что кавказские участники более спокойны и более сдержанны, чем наши европейские коллеги. Может быть, нам следует стать посредниками между вами? У нас много опыта в этом, полученного, конечно же, от вас. Я думаю, это происходит потому, что мы погружаемся в новую ситуацию, и это весьма понятно. Но я все-таки думаю, что все мы должны учиться на этих обсуждениях, и не только мы, но и, вероятно, вы также должны изучить то, что вы услышали. Я также думаю, что иногда есть опасность взять покровительственный тон, как будто вы знаете лучше нас, что нам нужно. Это – очень затяжной конфликт, и он не будет разрешен завтра. Мы надеемся, что он будет разрешен завтра, но это нереально. Таким образом, каждый должен быть очень терпеливым и уважительным к позициям обеих сторон, если хочет участвовать в этом обсуждении. Если нет терпения или имеет место фрустрация, вероятно, лучше всего вести себя по-другому или вовсе не быть вовлеченным в это.

Я повторю то, что сказал вчера, что очень наивно думать, что НАТО останется нейтральной, если вспыхнет конфликт. Совершенно безответственно вооружить до зубов одну из сторон в конфликте и, если эта вооруженная до зубов личность, или страна, начнёт убивать или нападать на более слабого соседа, невозможно будет сказать: «Это не моя ответственность». Нет, это также и ваша ответственность, это – и ваш конфликт. Вооружая одну из сторон конфликта, вы берете на себя свою долю ответственности за все его последствия.

Инал Хашиг. Одна ремарка насчёт апокалиптических сценариев, насчёт наших опасений. Целью программы обучения и оснащения грузинских

войск являлась подготовка солдат для борьбы с терроризмом. В итоге, они оказались в Кодорском ущелье. Так что всё может меняться, и очень быстро, несмотря на те установки и правила, которые были заявлены.

Арчил Гегешидзе. Я начну с общих замечаний по поводу дискуссий за прошедшие дни. Потом я сделаю маленький комментарий по более конкретным вопросам, которых мы коснулись в течение последней сессии.

Когда мы собирались на эту конференцию, у нас *a priori* было ощущение, что процесс интеграции Грузии в НАТО уже имеет и будет иметь влияние на конфликт в Абхазии. Отсюда и главная тема этой конференции. Наши дискуссии выявили ещё больше вопросов по данной теме, чем мы имели до сих пор. Дискуссии, однако, дали очень мало ответов на наши вопросы. Когда мы будем уезжать, больше вопросов останется без ответа, нежели тех, на которые эти ответы нашлись. Дискуссии выявили также, что абхазские коллеги, впрочем, как и некоторые другие участники конференции, видят в этом процессе больше опасности, чем решения проблем. Тем временем, интеграция Грузии в НАТО возможна и вероятна. По всей видимости, этот процесс продолжится. Так что, нам следует быть готовым к нахождению ответов на все возможные вопросы, возникающие в ходе данного процесса. Одновременно, очевиден дефицит понимания истинных целей НАТО, её возможностей и роли, которую эта организация может сыграть в абхазском конфликте. Оба общества нуждаются в большей информированности, особенно абхазское. Однако, абхазское общество в более широком смысле нуждается в помощи открыться внешнему миру, не только НАТО, но и ЕС, и всему миру. В этой связи идея открытия там Европейского университета заслуживает серьёзного внимания. И не только эта идея, а все те меры, которые наши коллеги из ЕС здесь перечислили. Они должны и будут способствовать этому очень важному процессу.

Конфликт как препятствующий фактор на пути реализации планов НАТО и ЕС в Грузии становится всё более очевидным. Наши дискуссии выявили, что отдельно ни НАТО, ни ЕС не способны справиться с этим препятствием. Я прихожу к заключению, что, может быть, какое-то разделение труда, синергия или, по крайней мере, координация усилий между НАТО и ЕС нужны, чтобы они сумели осуществить свои установки. Так, например, НАТО обладает более сильным рычагом давления на правительство Грузии, чем ЕС. НАТО может помочь грузинскому правительству выработать доверительную и, в конечном итоге, эффективную политику путём применения принципа обусловленности. Нужно дополнительно подумать, какие именно формы обусловленности можно применять. Па-

раллельно, НАТО должна разъяснять в Абхазии свои цели и принципы в регионе. В этой связи соответствующая работа информационных центров, семинары, организация визитов представителей абхазской общественности в Брюссель могли бы быть полезными. В свою очередь, ЕС должна заняться популяризацией и внедрением европейских ценностей в Абхазии, привносить элементы политической, правовой и административной систем, и, вместе с тем, подумать, как всё это может быть сделано параллельно существующим форматам работы в Грузии.

В конечном итоге, важно, чтобы образ врага был развеян. Речь не идет об образе врага между сторонами в конфликте, а о подозрениях и отсутствии доверия со стороны абхазов, в первую очередь, к НАТО.

В заключение, я хотел бы сделать короткие замечания по конкретным вопросам. Здесь в качестве более благоразумной стратегии было предложено, что интеграция в ЕС должна предшествовать интеграции в НАТО или вовсе подменить её. Я бы не относился к этому серьезно. Если мы на это решимся, то мы надолго заморозим этот процесс и отложим его до того, пока следующее поколение не разрешит конфликт. Интеграция в ЕС займет десятилетия. Интеграция в НАТО подразумевает институциональное строительство, которое, в конечном итоге, должно привести к состоянию взаимосовместимости с Альянсом, к состоянию, когда Грузия станет провайдером безопасности. Это потребует меньше времени и усилий, хотя и очень серьезных усилий. До этого ещё далеко, но всё это осуществимо в обозримом будущем. Интеграция в ЕС – это тоже об институциональном строительстве, но посредством внедрения у себя европейского права и стандартов (*acquis communautaire*), что очень трудно. В настоящее время Грузия не обладает соответствующими ресурсами для того, чтобы полностью перенести и внедрить эти нормы и стандарты. Без достижения соответствия Копенгагенским критериям интеграция в ЕС невозможна. По прошествии этого пути, Грузия станет государством, разделяющим европейские ценности с несравненно более высоким уровнем развития политической и административной систем. Это очень долгий и извилистый путь, ведущий в следующие десятилетия. Столько ждать мы не можем. Однако, Грузия уже встала на этот путь, участвуя в Европейской политике соседства (ENP). Эта дорога, надеюсь, будет вести в намеченном направлении. Но, тем временем, мы должны сегодня сконцентрироваться на интеграции в НАТО.

Комментарий по поводу обязательств по невозобновлению военных действий. Лично я за то, чтобы Грузия давала такие гарантии и подписывала соответствующий документ. Тем не менее, хочу разъяснить позицию

правительства Грузии для тех, кто этого может не знать. Согласно этой позиции, обязательства по невозобновлению военных действий должны рассматриваться в пакете, в контексте переустройства всей среды безопасности. Имеется в виду, в первую очередь, изменение форматов переговоров и миротворческой операции. В противном случае, согласно правительству Грузии, будет невозможно осуществлять взятые обязательства. Документ постигнет та же участь, какая, как говорил здесь Бруно, постигла в свое время соглашения между Россией и Чечнёй. Для того, чтобы работало новое соглашение, нужна соответствующая среда безопасности. Повторюсь, я бы сейчас же подписал такой документ, однако, правительство Грузии использует указанный аргумент в качестве повода, чтобы уклониться от его подписания.

Вальтер Кауфманн. Это было последнее выступление на нашей конференции. От имени Пола Гарб, представляющей Центр миротворчества Калифорнийского университета в Ирвайне, и Фонда им. Генриха Бёлля, представителем которого я являюсь, благодарю всех участников, подготовивших такие интересные и важные выступления, комментарии и вопросы.

СПИСОК УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

1. Александрос Яннис, Политический Советник Специального Представителя ЕС на Южном Кавказе, Брюссель
2. Андрей Рябов, Фонд Горбачева, Москва
3. Арда Инал-Ипа, Центр Гуманитарных Программ, Сухум/и
4. Арчил Гегешидзе, Грузинский Фонд Стратегических и Международных Исследований, Тбилиси
5. Бастиан Хермиссон, Фонд им. Генриха Бёлля, Берлин
6. Бруно Коппитерс, Независимый университет, Брюссель
7. Вальтер Кауфман, Фонд им. Генриха Бёлля, Тбилиси
8. Вахтанг Колбая, НПО «Кавказский диалог», Тбилиси
9. Вахтанг Хмаладзе, Ассоциация девелоперов, Тбилиси
10. Вячеслав Чирикба, Центр Стратегических Исследований, Сухум/и
11. Джеймс Маккей, НАТО, Брюссель
12. Джонатан Коэн, «Ресурсы примирения», Лондон
13. Заза Пачуашвили, газета «24 часа», Тбилиси
14. Ибрагим Чкадуа, газета «Форум», Сухум/и
15. Инал Хашиг, редактор газеты «Чегемская правда», Сухум/и
16. Лиана Кварчелия, Центр Гуманитарных Программ, Сухум/и
17. Магдалена Фричова, Международная Кризисная Группа, Тбилиси
18. Манана Гургулия, Сухумский Медия Клуб, Сухум/и
19. Нателла Акаба, Ассоциация Женщин Абхазии, Сухум/и
20. Ниния Какабадзе, газета «24 часа», Тбилиси
21. Паата Закареишвили, «Центр Развития и Сотрудничества», Тбилиси
22. Пола Гарб, Калифорнийский университет, Ирвайн
23. Сусанна Нис, Институт Международных и Стратегических Отношений, Париж
24. Тамуна Швангирадзе, Фонд им. Генриха Бёлля, Тбилиси
25. Шалва Пичхадзе, НПО «Грузия для НАТО», Тбилиси
26. Ян Хендрик ван Тиль, МИД Франции, Париж